

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сборник научных трудов

Выпуск 3

Издательство «Универс-Групп»
2006

УДК [159.9](#) (092)

ББК 88

Рецензент

кандидат педагогических наук,

доцент кафедры общей психологии и психологии развития

К.С. Лисецкий

Редакционная коллегия:

Агафонов А.Ю. (председатель), Шпунтова В.В., Березин С.В.,
Бутаков Д.Б., Косарева И.О., Литягина Е.В., Соболева А.В., Шапата-
на О.В.

Психологические исследования: Сборник научных трудов. Выпуск 3. /
Под ред. А.Ю. Агафонова, В.В. Шпунтовой – Самара, Изд-во: «Универс-
Групп», 2006. – 244 с.

Третий выпуск сборника содержит статьи, написанные студентами, аспирантами и преподавателями факультета психологии Самарского государственного университета. Данное издание включает в себя работы теоретического и эмпирического характера, отражающие современное состояние науки в таких отраслях как психология личности, возрастная психология, психология труда, педагогическая психология, психология познания, психодиагностика и прикладная психология, социальная, семейная психология и др.

Сборник ориентирован на студентов, аспирантов, преподавателей и всех, кто интересуется новыми исследованиями в психологии.

УДК [159.9](#) (092)

ББК 88

СОДЕРЖАНИЕ

.....	2
.....	2
.....	2
ПСИХОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ	5
А.Ю. Агафонов.....	5
Осознание в контексте изучения сознания в психологии. Статья вторая (опыт научных поисков в отечественной психологии).....	5
А.Ю.Агафонов, Е.А.Бубнова, Е.Е.Волчек	25
Изучение зависимости латентного периода осознания от характера стимуляции (ассоциативный эксперимент).....	25
А.Ю.Агафонов, Д.Д.Козлов, Е.С.Чукина.....	31
Исследование зависимости решения когнитивной задачи от семантики иррелевантной информации.....	31
А.Ю.Агафонов, А.В.Макаров, О.Г.Молодченко	35
Изучение зависимости эффектов деятельности сознания от специфики предваряющей информации при выполнении задачи «лексического решения».....	35
А.А.Адамова, Д.А.Тудейкина	44
Исследование эффективности опознания при решении лексической задачи	44
Т.Н.Подъячева	49
Влияние социально-психологических факторов на эффекты восприятия времени	49
Д.А.Тудейкина	54
Исследование роли эффекта семантического предшествования в решении задачи на опознание	54
СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ	59
О.П. Зинченко.....	59
Социально-психологические аспекты эффективного взаимодействия.....	59
А.В.Соболева.....	62
Социально-психологические механизмы стигматизации людей с гомосексуальной ориентацией.....	62
ПЕРИНАТАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ	69
Н.С.Куделькина.....	69
О некоторых психологических аспектах «партнерских» родов.....	69
Е.В.Литягина, О.Усенкова.....	85
Исследование эмоциональной сферы женщин после рождения ребенка.....	85
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ	89
Д.Б.Бутаков	89
Психологические аспекты профилактики девиантного поведения подростков из безнадзорной среды.....	89
Д.Б.Бутаков, О.О.Попова	93
Становление гендерной идентичности как фактор преодоления девиантного поведения в среде безнадзорных подростков.....	93
И.О.Косарева.....	96
Перенос в обучении.....	96
К.С.Лисецкий, О.А.Ушмудина.....	106
Развитие личностно-психологической устойчивости студентов к наркотической контаминации.....	106
СЕМЕЙНАЯ ПСИХОЛОГИЯ	112
С.В.Березин, А.А.Воронова, О.В.Шапатина	112

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Коррекция личностного развития ребенка: семейная психотерапия и семейное консультирование.....	112
<u>С.В.Березин, О.В.Шапатина.....</u>	<u>128</u>
Актуализирующая неопределенность.....	128
<u>А.А.Воронова, О.В.Шапатина.....</u>	<u>135</u>
Нарушение воспитательной функции семьи как фактор деформации правового сознания подростков.....	135
<u>М.В.Сидорин.....</u>	<u>139</u>
Нарушение коммуникативного стиля в семье как фактор наркотизации.....	139
<u>ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ.....</u>	<u>145</u>
<u>И.О.Косарева, О.Н.Шалдыбина.....</u>	<u>145</u>
Изучение зависимости представлений о времени от особенностей ценностной сферы человека.....	145
<u>К.С.Лисецкий.....</u>	<u>148</u>
Психологическая зависимость как «Жажда Целостности» (онтосубъектный подход).....	148
<u>М.Е.Серебрякова.....</u>	<u>157</u>
Особенности личностного выбора наркозависимых.....	157
<u>В.В.Шпунтова.....</u>	<u>163</u>
Виды внутриличностного ценностного конфликта.....	163
<u>В.В.Шпунтова.....</u>	<u>185</u>
К проблеме ценностей: местоположение смысловых универсалий в структуре личности.....	185
<u>ПСИХОЛОГИЯ СПОРТА.....</u>	<u>199</u>
<u>Г.И.Жаркова, А.В.Соболева.....</u>	<u>199</u>
Особенности организации психологического мониторинга в спортивной школе.....	199
<u>ПСИХОЛИНГВИСТИКА.....</u>	<u>207</u>
<u>Д.Ю.Сысоев.....</u>	<u>207</u>
Явление рефлексивной симметрии в языке.....	207
<u>КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ.....</u>	<u>215</u>
<u>В.В.Волов.....</u>	<u>215</u>
Психодинамика сферы влечений как функциональный критерий психической устойчивости.....	215
<u>ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА.....</u>	<u>221</u>
<u>Е.В.Литягина, С.А.Малова.....</u>	<u>221</u>
Особенности эмоционального выгорания у работников детских учреждений интернатного типа.....	221
<u>М.Ю.Шейнис.....</u>	<u>224</u>
Исследование влияния индивидуального стиля деятельности на профессиональную успешность сотрудника отдела таможенного оформления и контроля.....	224
<u>М.Ю.Шейнис.....</u>	<u>231</u>
Философия психологической службы как основа организации работы психолога.....	231

НАПРАВЛЕНИЕ 1. ПСИХОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ

А.Ю. Агафонов

Осознание в контексте изучения сознания в психологии. Статья вторая (опыт научных поисков в отечественной психологии)

Исследование осуществляется при поддержке РФФИ (грант № 04-06-80090а)

Исследования сознания в отечественной психологии были начаты А.Н.Леонтьевым, который, рассматривая явления сознания с позиции, разработанного им деятельностного подхода, утверждал, что индивидуальное сознание как форма субъективного отражения объективной реальности, присущая только человеку, может быть понята исключительно как продукт общественных отношений, в которые включен индивид и неотъемлемым элементом которых является его предметная деятельность. Поэтому А.Н.Леонтьев считал невозможным существование индивидуальной психики как формы осознанного отражения вне системы этих отношений и вне влияния со стороны общественного сознания. Сознание можно понимать, по Леонтьеву, как «открывающуюся субъекту картину мира, в которую включен и он сам, его действия и состояния» [Леонтьев, 1983, с.166]. В этом определении сознание явно отождествляется с осознанием. Однако, описывая структуру индивидуального сознания, Леонтьев, по сути, говорит о неосознаваемых компонентах. Структура сознания в концепции Леонтьева представляет собой единство трех его элементов: чувственной ткани, значений и личностного смысла. Понятие «чувственная ткань» было введено Леонтьевым на основании анализа результатов исследования инвертированного зрения. В этих исследованиях были представлены экспериментальные доказательства того, что, чувственная ткань сохраняется в качестве своеобразного фона при последовательных преобразованиях сенсорной информации. В этой связи Леонтьев отмечал, что в начале эксперимента, сразу после надевания инвертирующих призм, субъекту представлена лишь чувственная ткань зрительного образа, лишенная осознаваемого предметного содержания, тогда как в условиях нормального зрения чувственная ткань и предметное содержание слиты между собой. При продолжении эксперимента с инверсией происходит процесс перцептивной адаптации, т.е. «восстановление предметного содержания зрительного образа в его инвертированной чувственной ткани» [Там же, с.174]. Элементы чувственной ткани сознания, согласно Леонтьеву, составляют содержание конкретных осознанных образов реальности, кото-

рые могут быть как непосредственно воспринимаемыми, так и возникающими в воспоминаниях и воображении. Специфическую функцию чувственной ткани образов сознания Леонтьев видел в том, что «они придают реальность сознательной картине мира, открывающейся субъекту, вследствие чего мир выступает для субъекта как существующий не в сознании, а вне его сознания – как объективное "поле" и объект его деятельности» [Там же, с.172]. Хотя чувственная ткань не осознается, именно, она обеспечивает, по мысли Леонтьева, осознание объектов во внешнем мире. В сознании индивида эта особая функция чувственных образов находит косвенное выражение в безотчетном переживании индивидом «чувства реальности». (То, что ранее было названо нами «субъективной очевидностью происходящего»). Однако при нарушении рецепции внешних воздействий эта функция проявляется в явном виде. Так, в условиях инвертированного зрения субъект способен дифференцировать реальное поле восприятия, которое представлено сознательно значимыми образами, и свое внутреннее, феноменальное поле, представленное собственно чувственной тканью. Природу чувственных образов автор теории деятельности усматривал в их предметности. Чувственные образы порождаются в процессах практической, предметной деятельности и сохраняют свою изначальную предметную отнесенность также при усложнении форм деятельности. А.Н.Леонтьев полагал, что чувственные образы человека обладают таким качеством, как означенность, и важнейшими элементами, образующими человеческое сознание, он считал значения. Вместе с тем, сознание не может быть редуцировано ни к одной из образующих сознания, в том числе и к плану значений. А.Н. Леонтьев писал: «сознание ... не может быть сведено к функционированию усвоенных извне значений, которые, развертываясь, управляют внешней и внутренней деятельностью человека» [Там же, с.177]. За языковыми значениями скрываются общественно выработанные способы действия, в процессе которых люди познают и преобразуют объективную реальность. Поэтому Леонтьев считал значения, абстрагированные от их функционирования в индивидуальном сознании, столь же «не психологичными», как и ту реальность, что лежит за ними. Значения становятся предметом изучения психологии, лишь будучи взяты в этих внутренних отношениях внутри систем деятельности и сознания. Эту проблему особенностей функционирования значений, с одной стороны, в системе общественных отношений, в общественном сознании, а с другой стороны – в деятельности индивида, в его индивидуальном сознании, Леонтьев пытался решить, предлагая различать осознаваемое объективное значение и его значение для субъекта, или «личностный смысл». Кроме движения значений в системе общественных отношений, значения совершают и другое движение, а именно функционирование в процессах деятельности и сознания конкретных индивидов. В этом движении «значе-

ния индивидуализируются и "субъективируются", но при этом они отнюдь не утрачивают своей общественно-исторической природы, своей объективности» [Там же, с.180]. Одна из сторон движения значений в сознании конкретных индивидов выражается в том, что они «возвращаются к чувственной предметности мира», в то время как в своем «надындивидуальном» движении, значения лишены чувственности, их индивидуализированное существование «необходимо предполагает их отнесенность к чувственным впечатлениям» [Там же, с.180]. При этом чувственно-предметная отнесенность значений в сознании субъекта может быть не только прямой, но и опосредованной сложными цепями мыслительных операций.

Другой аспект движения значений в индивидуальном сознании Леонтьев видит «в той особой их субъективности, которая выражается в приобретаемой ими пристрастности, и открывает себя лишь при анализе внутренних отношений, связывающих значения с еще одной "образующей" сознания – личностным смыслом» [Там же, с.180].

Таким образом, «в индивидуальном сознании извне усваиваемые значения как бы раздвигают и одновременно соединяют между собой оба вида чувственности – чувственные впечатления внешней реальности, в которой протекает его деятельность, и формы чувственного переживания ее мотивов, удовлетворения или не удовлетворения скрывающихся за ними потребностей» [Там же, с.183]. Личностные смыслы и чувственная ткань сознания, в отличие от значений, не имеют объективного, «непсихологического» существования. Внешняя чувственность связывает в сознании субъекта значения с объективной реальностью. Личностный смысл, в свою очередь, связывает их с реальностью самой жизни субъекта в этом мире, с ее мотивами, создавая, по выражению Леонтьева, «пристрастность человеческого сознания» [Там же, с.183]. По его мнению, решающим обстоятельством, превращающим значения в психологическую категорию, является то, что в процессе функционирования внутри индивидуального сознания «значения реализуют не самих себя, а движение воплощающего в них себя личностного смысла» [Там же, с.183]. В своей психологической ипостаси, т.е. в системе сознания субъекта, «значения вообще не существуют иначе, как, реализуя те или иные смыслы, так же как его действия и операции не существуют иначе, как реализуя ту или иную его деятельность, побуждаемую мотивом, потребностью» [Там же, с.183]. Также Леонтьев подчеркивал, что личностный смысл всегда предметен, отнесен к чему-то, а «чистый», непредметный смысл не имеет никакого смысла. Воплощение смысла в значениях Леонтьев считает сложным процессом, происходящим отнюдь не автоматически и порой даже мучительно. В качестве частных выражений этого процесса он приводит явления «рационализации» людьми их действительных побуждений, переживание муки перехода от мысли к слову.

Итак, согласно А.Н.Леонтьеву, сознание человека, как и сама его деятельность, не является простой суммой своих составляющих. Сознание представляет собой взаимное внутреннее движение образующих его элементов, включенное в движение деятельности, и, в целом, в общее движение реальной жизни человека в обществе. Именно это «внутреннее движение», будучи неосознаваемым, открывает субъекту осознаваемую картину предметного мира.

А.Р.Лурия во многом разделяет позицию Леонтьева, также, считая, что сознательная деятельность человека является «продуктом общественно-исторического развития» [Лурия, 1979, с.264]. Фундаментальную особенность сознания, своего рода опознавательный признак сознания, Лурия усматривает в способности человека к опосредованному отражению действительности: «В отличие от животных, человек обладает новыми формами отражения действительности – не наглядным, чувственным, а отвлеченным опытом. Такая особенность и характеризует сознание человека... Эта черта – способность человека переходить за пределы наглядного, непосредственного опыта и есть фундаментальная особенность его сознания» [Там же, с.13]. Отвлеченный опыт – очевидно осознанный опыт. И именно осознанность, по мнению Лурия, является индикатором человеческого сознания.

В духе традиции, заложенной идеями Л.С.Выготского, А.Н.Леонтьева, Н.А.Бернштейна, свое понимание феномена сознания предлагает В.П.Зинченко, который выделяет два слоя сознания: бытийный слой и слой рефлексии. Бытийный слой структурирован такими образующими, как чувственная ткань образа и биодинамическая ткань действия. Понятие «биодинамическая ткань действия» Зинченко вводит для объяснения эффектов чувствительности «живого движения» во время его реализации. Для того чтобы действие не оказалось «слепым», необходимо, чтобы оно было восприимчиво в каждый момент времени. Биодинамическая ткань как раз и обеспечивает обратную связь, позволяя осуществлять текущую коррекцию этого действия. Такая открытость действия к внешним влияниям дает возможность субъекту быть гибким в реализации различных программ действия. По мнению Зинченко, процесс такой настройки действия не осознается сознанием, а является истинным бытием сознания в процессе взаимодействия с внешним миром. Рефлексивный слой сознания состоит, по соображениям Зинченко, из значений и смыслов. Значение определяется Зинченко как культурная образующая рефлексивного сознания. Значения – это конвенции, усвоенные индивидуумом в процессе социализации. «Понятие значения фиксирует то обстоятельство, что сознание человека развивается не в условиях робинзонады, а внутри культурного целого, в котором исторически кристаллизован опыт деятельности, общения и мировосприятия, который индивиду необходимо не только усвоить, но и

построить на его основе собственный опыт» [Зинченко, 1991, с.23]. Зинченко выделяет три вида значений: операциональные, предметные и вербальные, причем указывает их связь с другими компонентами сознания. Операциональные значения относятся к биодинамической ткани, предметные соотносятся с чувственной тканью, а вербальные связаны со смыслом. Чувственная ткань придает жизненность образу, «представляет собой строительный материал образа». При построении образа всегда используется некоторая часть чувственной ткани, так как, - и об этом Зинченко пишет во многих своих работах - любая психическая структура имеет всегда избыточное количество степеней свободы, и образ всегда является более многомерным, более емким, чем объект отражения. Чувственная ткань образа и биодинамическая ткань действия, согласно Зинченко, могут трансформироваться друг в друга: «развернутое во времени движение ... трансформируется в ... образ пространства, как бы лишенный координаты времени... В свою очередь, пространственный образ может развернуться во временной рисунок движения» [Там же, с.25]. Взаимодействие биодинамической ткани действия и чувственной ткани образа, их взаимопроникновение, таким образом, обеспечивает взаимобратимость пространства и времени. А для того, чтобы это происходило, необходима исключительно точная, скоординированная работа сознания. Избыточность в работе этих взаимосвязанных систем устраняется при осуществлении сенсомоторной координации. В силу того, что такие координации становятся жесткими, однозначными, субъект способен решать «смысловую задачу». Только преодоление этой избыточности, по мнению Зинченко, придает разумность человеческому действию, обеспечивает эффективность предметной деятельности. Такой ход рассуждений приводит Зинченко к оригинальной мысли: для того, чтобы человек был способен адекватно ситуации реализовать программу своих действий, «образ действия должен вписываться в образ мира или в образ нужной для осуществления поведения его части» [Там же, с.25]. В другой работе это соотношение образа мира и образа ситуации Зинченко иллюстрирует следующей метафорой: «Чтобы преодолеть избыточность мира, нужно уже иметь образ искомого, притом не расплывчатый, а, при всей его собственной избыточности, в высшей степени определенный, иначе выплеснешь с водой и ребенка. Работа внимания может быть уподоблена работе скульптора, который отсекает от "дикого камня" все лишнее, кроме того, что он видит внутри него. Когда же скульптор ошибается, отсекая что-то от своего образа, он испытывает физическую боль. Значит, в глыбе мрамора находится искомый образ, а в этом образе находится сам скульптор. Он не ищет образ в глыбе, а освобождает его (и себя) из нее» [Зинченко; 1995, с.313]. Очевидно, что сопоставление образа мира (модели мира) с образом действия возможно только благодаря тому, что действие реализует уже известные психике смысловые про-

граммы. Вместе с тем, известный принцип С.Л.Рубинштейна, согласно которому сознание и деятельность образуют единство, помогает понять возможности расширения диапазона моторных программ. Сознание в той же степени проявляется в действии (и пусковым механизмом такой внешней реализации сознания является сличение результатов отражения ситуации со следами памяти, что, по сути, и есть согласование образа мира и образа действия), в какой и формируется в русле деятельности.

Понятие «смысл», по мысли Зинченко, указывает на факт «укорененности индивидуального сознания в бытие человека. ... Сознание есть не только знание, но и отношение» [Зинченко, 1991, с.23]. Поэтому понятие «смысл» призвано подчеркнуть то, что знание, которым обладает человек как носитель сознания, не является безличным. Зинченко, таким образом, выделяет в структуре сознания два уровня: осознаваемый и неосознаваемый. Однако при этом не поясняет, каким образом сознание функционирует на этих уровнях, в частности, как происходит осознание вследствие работы рефлексии.

А.В.Петровский, в свою очередь, предлагает рассматривать понятие «сознание» через призму «категориального строя психологической науки». Этот категориальный строй был описан М.Г.Ярошевским в качестве базиса, на который опираются основные психологические понятия. Категории этого базиса представляют собой «наиболее общие и фундаментальные определения, охватывающие наиболее существенные свойства и отношения изучаемых явлений» [См. Петровский, Ярошевский, 1998, с.14]. Базисные категории, которые были выделены и описаны применительно к множеству психологических понятий, стали «системообразующими», позволяющими строить категории более высокого порядка, то есть категории метапсихологические [Там же, с.14]. Базисными категориями, представляющими собой своего рода «молекулы» психологического знания, у Петровского выступают: «образ», «мотив», «действие», «отношение», «переживание», «индивид». К метапсихологическим категориям, которые Петровский сравнивает с «организмами», относятся, соответственно, «сознание», «ценность», «деятельность», «общение», «чувство», «Я». «В каждой метапсихологической категории, – пишет А.В.Петровский, – раскрывается некоторая базисная психологическая категория через соотнесение ее с другими базисными категориями» [Там же, с.17]. При этом базисная категория, являющаяся логическим субъектом какой-либо метапсихологической категории, является «категориальным ядром», а категории, посредством которых данная ядерная категория превращается в метапсихологическую, обозначаются Петровским как «оформляющая».

«Сознание», по А.В.Петровскому, представляет собой метапсихологический эквивалент категории «образ». При этом Петровский обращает

особое внимание на связь понятия «образ» с понятием «идея». «Идея есть образ (мысль) в действии, продуктивное представление, формирующее свой объект. В идее преодолевается оппозиция субъективного и объективного. ... Выявляя в образе то, что характеризует его со стороны его действительности (а значит, мотивов, отношений, переживаний индивида), мы определяем его как сознание» [Там же, с.19]. Таким образом, опираясь на понятие категориального строя психологии, Петровский определяет сознание как «целостный образ действительности (что в свою очередь означает область человеческого действия), реализующий мотивы и отношения индивида и включающий в себя его самопереживание, наряду с переживанием внеположности мира, в котором существует субъект» [Там же, с.19]. В сферу явлений сознания, согласно пониманию Петровского, следует включать и самосознание. Логическим ядром определения категории «сознание» является базисная категория «образ», а оформляющими категориями – «мотив», «отношение», «переживание», «индивид».

Согласно А.Г.Спиркину, сознание как особая способность к отражению действительности, имеет отличительные признаки. Это:

- 1) высшая функция мозга;
- 2) свойственная только человеку;
- 3) реализуемая с помощью механизмов речи;

4) состоящая в целенаправленном отражении объективного мира, регуляции действий и оценки их результатов [Спиркин, 1972, с.7]. Не трудно заметить, что все перечисленные «признаки» ассоциируются со способностью к осознанию.

Иную трактовку феномена сознания предлагает В.И.Панов. Он связывает сознание с феноменологией психических состояний. Оригинальным представляется авторское определение сознания: «Сознание - это, во-первых, множество психических состояний, которые способен переживать данный индивид, а, во-вторых, это психические состояния, которые из психических образований, функционально ограниченных во времени и пространстве, превратились в настолько постоянные структуры сознания, что стали антиципировать, т.е. предопределять и опережающе опосредовать протекание и процессов и состояний психики данного индивида» [Панов, 2000, 2002]. Поясняя свою позицию, В.И.Панов уточняет представление о переходе психических состояний в структурные образующие сознания: «Психическое состояние тогда становится структурой сознания, когда оно становится постоянной чертой личности (характера) человека, предопределяющей его восприятие и поведение в различных ситуациях. Следовательно, сознание по своей "психологической" структуре совпадает с психическим состоянием, т.к. оно тоже суть не что иное как системное (функционально-структурное) единство восприятия, переживания и поведения человека. Но при этом такое единство, которое уже постоянно ха-

рактирует данного человека и, как говорят психологи, антиципирует все его действия и поведение» [Панов, 2000]. Именно процесс трансформации различных психических процессов в устойчивые психические состояния, синтез этих процессов выражает «фундаментальную онтологическую особенность развития сознания как становления психической формы бытия индивида» [Там же]. По существу, становление сознания, согласно В.И.Панову, происходит как такое изменение психики индивидуума, когда «его процессы восприятия, переживания и поведения функционально объединяются (интегрируются) в психические состояния, а психические состояния превращаются в структурные компоненты сознания» [Там же]. Панов не предлагает свое понимание феномена осознания, но анализ его позиции, думается, дает основания заключить, что осознание возникает как следствие латентных процессов, которые сами в осознании не даны.

Занимаясь изучением проблемы экологического сознания, В.И.Панов, вместе с тем, считает, что данная проблема обусловлена не только угрозой экологического кризиса и вытекающей из этого необходимостью формирования экологически ориентированного сознания, но и явлениями культурно-исторического плана, а именно эволюцией человеческого сознания. Автор усматривает проявления эволюции сознания в настоящее время в следующем:

1. Эволюционная смена парадигм общественного сознания: от экономической XIX-XX веков к экологической XXI века.
2. Поиск ответа на вопрос о природе человека и постепенное осознание триединности его сущности – как существа биологического, социального и духовного.
3. Эволюция человека как субъекта (носителя) сознания: от индивидуального субъекта и субъекта семьи до субъекта этноса, государства, Планеты, Космоса [Панов, 2002].

Свое понимание сознания предлагает Н.И.Чуприкова. Она описывает феномен с точки зрения его эмпирических характеристик. Эти характеристики, фактически, представляют собой комплекс способностей индивидуума к различению, например, к различению «Я» и внешних вещей, вещей и их свойств, свойств собственной личности, пространственно-временных координат и т.д. [Чуприкова, 1999]. Чуприкова, естественно, имеет в виду осознанное различение. Данная трактовка сознания очень близка подходу В.И.Молчанова, который, определяя сознание как «различие различий» отмечает: «Сознание – это опыт различия. Мы отличаем светлое от темного, теплое от менее теплого и холодного, сухое от влажного, ... прямой смысл от метафоры, предмет от другого предмета, контуры предмета от его "массы", мы отличаем причину от следствия, посылку от выво-

да, теорию от реальности, относительно которой она – теория, душевность от вежливости... Мы различаем "сферы бытия": предметы, ценности, модусы сознания, способы познания, эмоции, религии, течения в философии, исторические эпохи, культуры... Из перечисленных различий следует выделить, конечно, различие модусов сознания, которые сами "состоят" из различий» [Молчанов, 2004, с.58]. При этом Молчанов, следуя феноменологической традиции при изучении сознания (Ф.Бrentано, Э.Гуссерль), рассматривает сознание как процесс смыслообразования: «Сфера смыслообразования ... и есть, собственно, сфера сознания» [См., с.5]. Стоит отметить, что реализация самой функции различения никогда не осознается. Осознается различенное: объект, свойство чего-либо, «сферы бытия» и т.д. К тому же, различение, по всей видимости, могут осуществлять и животные, и даже, персональный компьютер, который ничего не осознает.

В вероятностной теории смысла В.В.Налимова сознание рассматривается как текст, состоящий из вероятностно взвешиваемых смыслов. Текст, по определению автора, «характеризуется дискретной (семиотической) и континуальной (семантической) составляющей» [Налимов, 1989, с. 107]. Понятие «текст» Налимов использует не только в отношении структуры сознания, но также и в отношении описания любого рода реальности, биосферы, социосферы и т.д. В его теории эволюционирующий мир представляется множеством различных текстов. Текст – носитель смыслов. В силу этого, смысл у Налимова имеет не психический статус, а космологический, и тем самым, приобретает силу миронеобходимого начала. При описании ноосферы текстами становятся сознания людей. Эти тексты имеют индивидуальные и коллективные проявления. Таким образом, Налимов описывает сознание как иерархическую систему, которая имеет несколько уровней. Первый уровень – уровень логического мышления. Это и есть поверхностный уровень сознания, на котором существуют осознаваемые проявления. Смыслы на этом уровне сознания раскрываются через аристотелевскую логику. Второй уровень – «это уровень предмышления, где вырабатываются те исходные постулаты, на которых базируется собственно логическое мышление» [Там же, с.103]. Третий уровень, согласно Налимову, образован коллективным бессознательным, где «осуществляется встреча с архетипами». Эти первые три уровня и есть уровни собственно сознания. Таким образом, второй и третий уровни в модели Налимова, фактически отождествленные с неосознаваемым, включены в структуру индивидуального сознания. Четвертым уровнем сознания, находящимся за пределами психического мира человека, является телесность, которая выступает физическим носителем индивидуального сознания. Пятый уровень – это уровень метасознания, который принадлежит уже не индивидуальному, а трансличностному, космическому сознанию. По мнению Налимова, именно на этом уровне происходит порожде-

ние тех творческих импульсов, которые затем воспринимаются на уровнях индивидуального сознания. Именно благодаря пятому уровню человек способен устанавливать взаимодействие не только с объектами и другими людьми, но и с миром в целом, расширяя тем самым границы своего сознания и вступая в диалог с творческим началом мира. Шестой уровень – это нижний слой космического сознания.

Как отмечает автор, одним из самых важных уровней является второй уровень, так как происходящее там и есть «внутренний – семантический облик человека». В то время как первый уровень – уровень логического мышления представляет собой сознание, существующее только в рамках формальной логики, и потому имеющее редуцированный к правилам вывода вид. Семантическая триада «смысл – текст – язык» является универсальной структурой понимания любого явления, в том числе индивидуального сознания. Любая знаковая система может восприниматься как язык в том случае, когда есть наблюдатель – субъект познания. Поэтому в отношении собственного сознания человек оказывается в роли самоинтерпретатора текста, носителем которого он является. Причем текст является гибким, подвижным, способным к изменению, «все время создающийся заново». Этот характерный атрибут сознания связан с тем, что сами смыслы являются динамическими образованиями, поэтому, хотя и существуют возможности, предоставленные языками человеческого общения для формализации смысла, редукция последних неизбежна при анализе, выполненном в рамках любой теоретической модели знания. Но, как справедливо указывает Налимов, «за строгость мысли приходится дорого платить – потеря гибкости в переоценке смыслов, легко допускаемая в бейесовской логике (бейесовской логикой описывается процесс смыслопорождения на втором уровне сознания. – А.А.), теряется в надводной, видимой нами части айсберга сознания (на первом уровне сознания. – А.А.)» [Там же, с.119]. В силу этого, любая попытка строгого определения понятия «смысл» не может быть признана удачной. (Это в полной мере относится и к понятию «сознание»). В подтверждение своей позиции В.В.Налимов приводит слова философа Я.Э.Голосовкера: «Смысл мы понимаем. Попытка определить смысл приводит к ограничению ... нашего понимания смысла» [Голосовкер, 1987, с.148]. На основании этого Налимов делает вывод, что сознание может быть описано только с точки зрения своей структуры, так как строение сознания неизменно при любом изменении смыслового содержания. Сделать же качественный же анализ самих смыслов не представляется возможным.

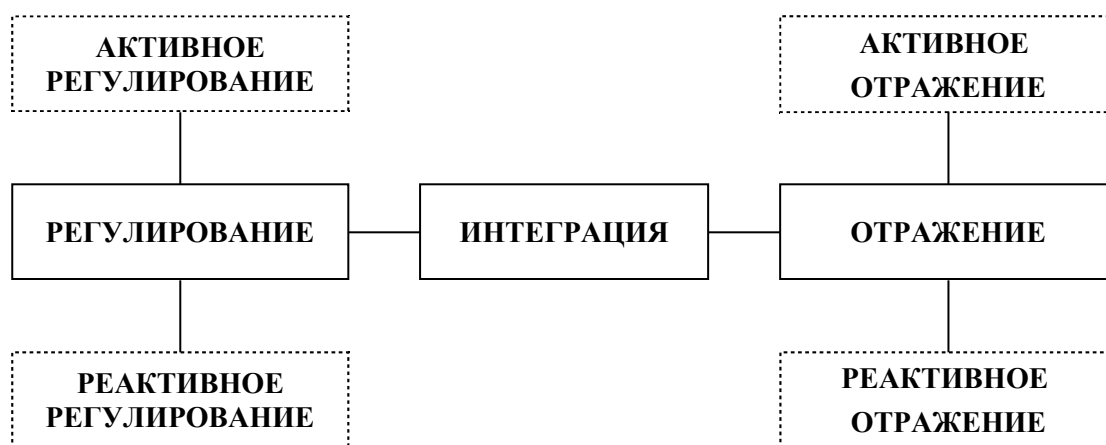
Теория В.В. Налимова, хотя и представляется одной из, безусловно, интересных и эвристичных, не является собственно психологической моделью сознания. В своих описаниях автор смешивает различные языки:

язык математики, философский язык, язык психологии, метафорический язык. В силу этого, сама модель приобретает эклектический характер.

В.А. Ганзен придерживается позиции, согласно которой, построение научной психологической теории должно удовлетворять общеметодологическим критериям выбора базиса описания изучаемой реальности, то есть, иначе, иметь общенаучные основания. В качестве такого общенаучного базиса Ганзен рассматривает структуру фундаментальных общенаучных категорий: субстрат, пространство, время, информация, энергия. Субстратом в данной структуре может выступать все, что является предметом познания, в частности, предметом психологического изучения. Это не единственный базис описания, который может быть использован при анализе психических явлений. Так, например, в качестве базиса может рассматриваться набор понятий, характеризующих отношения в структуре гармонического целого: единство, уравновешенность, повторяемость, соразмеренность, соподчиненность [Ганзен, 1984, с.45]. Общенаучные базисы описания можно считать своего рода основаниями анализа явлений. Это те плоскости, на которые проецируется предмет анализа. Могут иметь место и собственно психологические базисы, которые объединяют основные понятия (образуя определенное понятийное ядро психологии), характеризующие различные стороны психики. «Под психологическим базисом, – указывает В.А.Ганзен, – понимается система понятий, лежащих в основе описания психических явлений» [Там же, с.67].

Опираясь на представление о двух ведущих функциях психики – отражении и регуляции, В.А.Ганзен предлагает описание функциональной структуры сознания. Хотя Ганзен и говорит о функциональной структуре психики, однако, заключая, что «явления сознания делятся на осознаваемые и неосознаваемые» [Там же, с.65], он, фактически, описывает организацию сознания. Именно взаимосвязь отражения и регуляции обеспечивает целостность психики в норме, «единство всех психических проявлений». Вместе с тем, благодаря взаимообусловленности этих функций возможна интеграция человека со средой. Таким образом, функциональная структура сознательной психики может быть описана в общенаучных категориях и представлена в следующем вербально графическом виде (см. рис. 1).

Рис.1. Модель функциональной структуры психики по В.А.Ганзену [84]

Группируя множество понятий, которыми описывают основные явления психической жизни человека, В.А.Ганзен выделяет следующие базовые триады, которые соответствуют формам регулирования и отражения, а именно:

- *перцепция* + ощущение + восприятие – функция реактивного отражения;
- *мышление* + представление + речь – функция активного отражения;
- *аффект* + эмоция + чувство – функция реактивного регулирования;
- *воля* + мотив + действие – функция активного регулирования.

Первое понятие в этой триаде является объединяющим для двух остальных. Так, например, «...аффект (здесь – целостная психическая реакция) существует в двух формах – эмоции и чувства» [Там же, с.63]. Объединяющее понятие, таким образом, обозначает психический процесс, который реализован в явлениях, описываемых двумя видовыми понятиями. Функцию интеграции выполняет сознание. В свою очередь, сознание включает в себя внимание и память в качестве сквозных процессов, без которых интеграция невозможна. Память интегрирует всю информацию в едином хранилище, внимание интегрирует человека со средой в актуальный момент времени. Таким образом, образуется пятая триада:

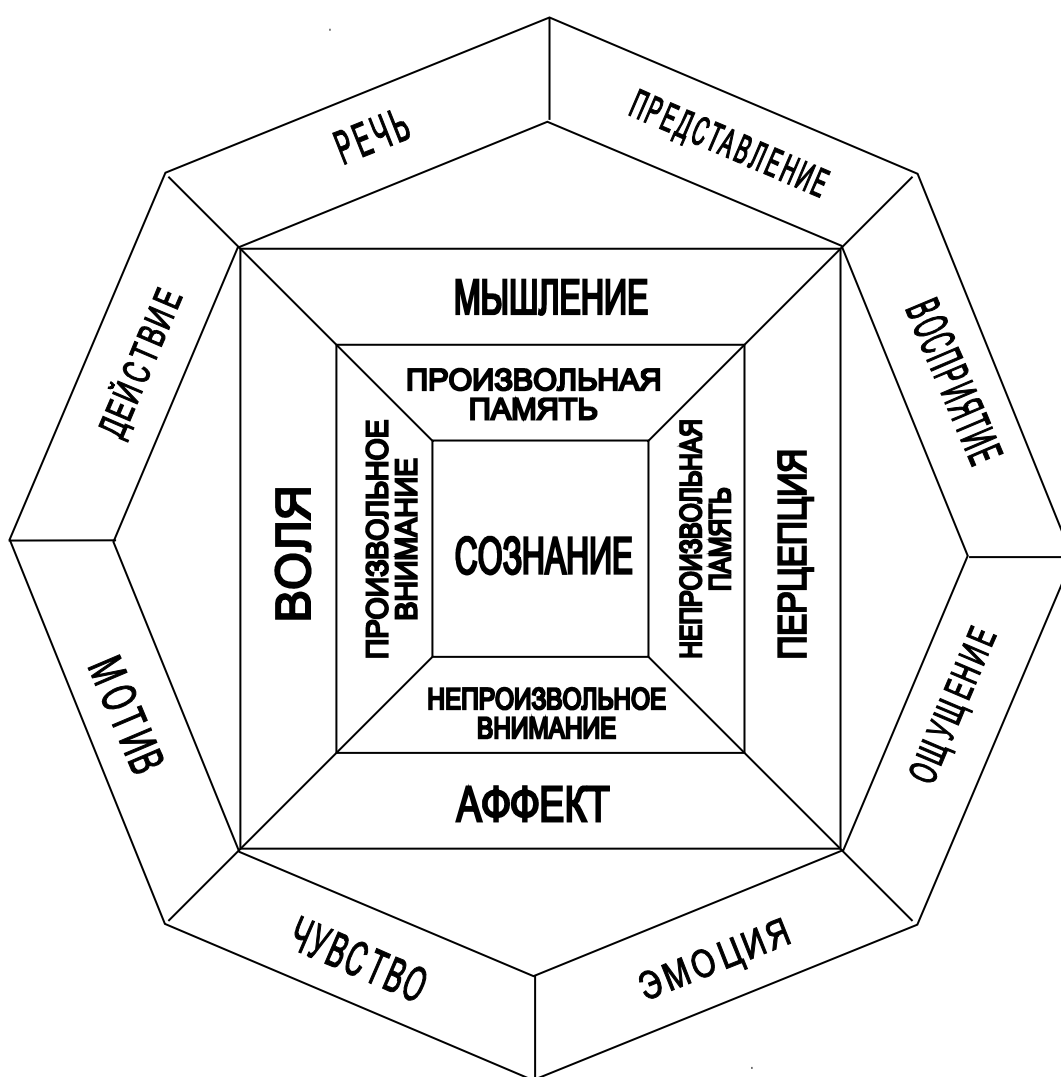
- *сознание* + внимание + память – функция интеграции (см. рис. 2).

Предложенная Ганзеном модель описания наиболее полно отражает феноменологию сознания и включает в себя описание, как процессов, так и механизмов сознания. Кроме того, данное описание позволяет прийти к выводу о том, что в случае наличия сознания у человека все психические процессы и состояния не могут рассматриваться безотносительно к факту наличия сознания. Это справедливо не только в отношении мышления, представления, восприятия, но и в отношении эмоциональных проявлений и даже сенсорной чувствительности. Сам Ганзен к такому заключению не приходит, однако предложенная им модель предполагает именно такой вывод. По существу, модель описания В.А.Ганзена предполагает поиск от-

ветов на следующие вопросы. Чем являются продукты психической активности, например, ощущение, образ, мысль или действие, в отношении к факту существования сознания? В какой мере они есть то, что они есть, если есть сознание, ведь их обнаружение, их относительная независимость в опыте возможны благодаря тому, что они осознаются сознанием? Каким образом это осознание влияет на характер ощущаемого, воспринимаемого, мыслимого и т.д.?

Рис. 2. Модель структурно-функциональной организации сознания [Ганзен, 1984]

В.Л.Райков, в свою очередь, считает, что сознание множественно. Необходимо разграничивать не просто разные стороны, свойства, аспекты единого явления сознания, а разные сознания. Например, автор «мозаич-

ной теории сознания» говорит о сознании догенетическом, генетическом, ситуативном, профессиональном, творческом, эмоциональном, вербальном и пр. И полагает, что высшие животные также обладают сознанием. В силу этого, следует скорее говорить не о сознании, а об иерархии сознаний [Райков, 2000, с.48]. Появление сознания в физическом мире можно расценивать, по Райкову, как действие фундаментального закона природы. Сознание – это программа «жизнесуществования живого существа с окружающим» [Там же, с.3]. У человека разные сознания взаимодействуют посредством вербального сознания, которое является своеобразным «переводчиком», например, с «языка» эмоционального сознания на «язык» перцептивного сознания как частного случая ситуативного. Вербальное сознание, естественно, имеет только человек. Помимо «перевода» к функциям вербального сознания Райков относит: контроль над ситуацией, её оценка, принятие осознанного решения, знаковое опосредование [Там же, с.58]. Именно вербальное сознание обеспечивает «планирование действий», «...формирует социальное развитие человека» [Там же, с.274]. Однако, как пишет автор, вербальное сознание «...всегда будет опираться на сознание ситуационное, эмоциональное и профессиональное» [Там же, с.58]. Интерпретируя основные положения теории Райкова, можно сделать вывод о том, что именно «вербальное сознание» ответственно за эффекты осознания притом, что сами эти эффекты подготовлены неосознаваемой активностью других форм сознания.

В.М. Аллахвердов предлагает свой оригинальный вариант решения проблемы сознания. Для того чтобы подчеркнуть отличие авторского подхода от существующих концепций, в том числе гуманитарного и мистического свойства, Аллахвердов использует для его обозначения название «психологика». Согласно Аллахвердову, «психологика рассматривает психику в целом как логическую систему и, тем самым, претендует на логическое описание психической деятельности» [Аллахвердов, 2000, с. 13]. Сам по себе этот тезис не может вызывать возражений, поскольку любое научное описание и объяснение должно быть логичным. Однако Аллахвердов, формулируя данное базовое положение своей теории, имеет в виду не только необходимость теоретической реконструкции психики как логического аппарата, работа которого опирается на самоочевидные основания, чувствительна к противоречиям, подчиняется правилам вывода и направлена на доказательство истинности или ложности тех или иных положений, но и логическую природу самих психических явлений. «Психика, – пишет Аллахвердов, – написана на языке логики» [Там же, с.119]. Думается, все-таки, логичным (или не логичным) может быть наше описание психического, а не сама психика. И из тезиса о том, что «логическое описание психики может претендовать на истинность», вовсе не следует однозначный вывод, что «психика не только может трактоваться как логи-

ческая система, но она и на самом деле есть логическая система» [Там же, с.119]. Вместе с тем, по Аллахвердову, логика необходима, но недостаточна для изучения сознания естественнонаучными методами. Логические описания в психологии как естественнонаучной дисциплине должны экспериментально проверяться, так как «логик много, а реальность одна». Следствием данного принципа является утверждение о том, что психическая деятельность сознания регулируется универсальными законами. Автор, одним из первых в отечественной психологии, предпринимает попытку объединить разрозненные эмпирические данные по принципу их соответствия определенным закономерностям в работе сознания. При этом, «психология ставит перед собой задачу обнаружить и логически обосновать экспериментальные законы работы сознания в целом, а не частные законы восприятия, мышления и т.п.» [Там же, с.254]. Законы, которые формулирует Аллахвердов, носят индуктивный характер, то есть представляют собой эмпирические обобщения. Например, таким, в трактовке Аллахвердова, является закон Фрейда-Фестингера, который гласит: «Механизм сознания, столкнувшись с противоречивой информацией, начинает свою работу с того, что пытается исказить эту информацию или вообще удалить её с поверхности сознания» [Там же, с.320]. Благодаря законам, описывающим деятельность сознания, целый массив экспериментальных данных, собранных в разных областях психологии, может получить законсообразное объяснение, то есть объяснение с единой позиции. Всего В.М.Аллахвердов в работе «Сознание как парадокс» формулирует 14 эмпирических законов, относящихся к разным аспектам деятельности сознания. Чем же является сознание в системе психологии? Прежде всего, автор дифференцирует «сознание как явление», которое трактуется в духе традиционного понимания осознанности. Явления сознания непосредственно переживаются носителем картины мира и самого себя как самоочевидные. Кроме явлений сознания, следует также говорить о работе механизма сознания. Этот механизм порождает или трансформирует информацию в осознаваемые переживания. Таким образом, Аллахвердов полагает, что работа сознания самим сознанием не осознается. Осознанию подлежат только результаты этой работы. Для того чтобы объяснить принцип работы механизма сознания, Аллахвердовым вводится исходная логическая идеализация. В соответствии с такой идеализацией допускается, что «ни на объем воспринимаемой мозгом информации, ни на объем её хранения в памяти, ни на скорость её восприятия и переработки не наложено никаких существенных физических или физиологических ограничений» [Там же, с.262]. Это не означает, что реальный мозг человека в действительности не имеет ограничений, в частности, на объем и скорость перерабатываемой информации. Введенная идеализация, по утверждению автора, предполагает объяснение природы любых ограничений, наложен-

ных на работу познавательной системы человека не физиологией и анатомией, а «логикой психической деятельности» [Там же, с.264]. Познавательная деятельность, осуществляемая сознанием, имеет ограничения настолько мощнее физиологических, что последние не имеет смысла принимать во внимание при объяснении феноменологии психического. Каким же образом функционирует сознание в теоретической модели Аллахвердова? Логику работы сознания можно описать следующим образом. Поскольку явления сознания порождаются в результате неосознаваемых, протосознательных процессов, в осознании любое событие «оправдывается ... неслучайными причинами» [Там же, с.290]. То есть сознание не знает случайности и абсолютно всему происходящему приписывает смысл. Любой случайный выбор интерпретируется как принципиально необходимый и осмысленный. По Аллахвердову, протосознательные процессы используют механизм случайного выбора догадок о том, какова окружающая нас действительность. Порожденная случайным образом и затем осознанная догадка упорно защищается сознанием от опровержений. Сознание строит так называемый «защитный пояс осознаваемых гипотез». Догадки, естественно, не всегда оказываются верными. В этом случае возможны разные стратегии, выбираемые сознанием. Например, сознание может изменить критерии соответствия ожидаемого воспринимаемому. Согласно закону Ланге, подтверждая свои ожидания, сознание начинает работу с применения самых слабых критериев соответствия [Там же, с.495]. И если сознание выбирает какое-то решение, это решение принимается за очевидное. Вместе с этим фиксируется точность соответствия, которое было установлено в процессе сличения. При получении противоречивой информации сознание стремится или избавиться, или исказить эту информацию. Исходя из сказанного, становится ясно, что сознание дольше перерабатывает ту информацию, которая не соответствует актуальным ожиданиям. Напротив, «та информация, которая полностью соответствует ожиданиям, вообще перестает осознаваться» [Там же, с.497]. Поскольку любые стимулы, ситуации, явления могут быть осмыслены по-разному, можно говорить, согласно автору психологии, о психологической омонимии. Это означает, что «любое значение может быть приписано любому знаку» [Там же, с.497]. Отсюда В.М.Аллахвердов выводит представление о двух видах значений: негативно и позитивно выбранных. То, что осознается, является позитивно выбранным значением в поверхностном слое сознания. Одновременно с этим в базовом слое или содержании сознания любой стимул (знак) опознается как член каких-то других классов, помимо того класса, которому принадлежит позитивное осознаваемое значение. Аллахвердов подчеркивает: «Негативно выбранное отнесение стимула к классу не тождественно отсутствию отнесения к этому классу» [Там же, с.498]. Законы последствия, предлагаемые Аллахвердовым, описывают

эффекты повторного осознания (закон последствия фигуры) и эффекты повторного неосознавания (закон последствия фона). Эмпирическими индикаторами реакции неосознавания являются, например, устойчивый пропуск ответов на определенный ранее неосознанный (выбранный негативно) стимул или же устойчивая ошибка невоспроизведения стимула. Базовое содержание сознания, таким образом, выполняет фактически функцию памяти, сохраняя актуально негативные, но потенциально позитивные значения. «В базовом содержании, – пишет Аллахвердов, – заранее должны присутствовать все варианты позитивного выбора – не только настоящего, но и будущего» [Там же, с.499]. Иногда то, что ранее осознавалось, может выбираться негативно. Тогда происходит революционная перестройка понимания ситуации: значение из базового содержания сознания становится позитивно выбранным, то есть осознается. Инсайт, по мнению Аллахвердова, как раз демонстрирует такой симультанный переход от одного значения к другому, ранее не осознаваемому.

В.М.Аллахвердов считает, что сознание множественно и правомерно выделять сенсорное, моторное, сенсомоторное и мотосенсорное сознание. Требование независимости их работы продиктовано необходимостью проверки результатов, полученных в ходе деятельности разных сознаний. Независимая проверка деятельности моторного и сенсорного сознаний производится в сенсомоторном и мотосенсорном сознаниях [Аллахвердов, 1993, с. 235-247; Аллахвердов, 2003, с. 310-321]. В целом, теория сознания Аллахвердова не только имеет достаточно устойчивый эмпирический базис, но и является наиболее логически цельной.

Исследования феномена сознания в современной зарубежной науке отличаются несколько иной направленностью и спецификой решаемых проблем по сравнению с опытом изучения сознания в отечественной психологии. На это, в частности, в своем обзоре, посвященном анализу зарубежных подходов, указывает Г.В.Акопов [2003]. По классификации Чалмерса, в западноевропейской и американской науке все проблемы, интересующие исследователей сознания, можно дифференцировать на три тематические группы:

- 1) философия сознания;
- 2) философия теории психических явлений;
- 3) наука о сознании [Chalmers, 1996].

Собственно психологические проблемы, таким образом, относятся, согласно этой классификации к общей проблематике науки о сознании. Действительно, в зарубежной психологии, кроме философски ориентированных разработок проблемы сознания, большое количество работ посвящено исследованию когнитивных механизмов сознания. В рамках этого направления, тематика исследований весьма многообразна: сознание и время, сознание и искусственный интеллект, визуальное сознание, когни-

тивные модели сознания, сознание и физика и т.д. Чалмерс справедливо отмечает, что само понятие «сознание» является собирательным для целого семейства психических феноменов. Сами эти феномены обладают разной степенью сложности. Отсюда и разделение проблем на «легкие» и «трудные». «Легкие» проблемы или, иначе, исследовательские задачи могут быть решены посредством существующего арсенала средств нейронауки и когнитивной науки (и когнитивной психологии, в том числе). Что же это за проблемы? Прежде всего, это объяснение таких феноменов как:

- способность к различению, категоризации и реагированию на внешние воздействия;
- обобщение информации;
- контроль поведения;
- способность сообщать о своих внутренних состояниях;
- способность к концентрации внимания;
- различение между сном и бодрствованием и др.

Наиболее «трудная» проблема психологии сознания – это проблема субъективного опыта или, иначе, субъективной очевидности осознанных переживаний, данных человеку. Как субъективный опыт открывается носителю сознания? В этом состоит главная загадка изучения сознания. Чалмерс прав, утверждая, что для объяснения сознания необходим поиск нового подхода, который помог бы устранить существующий «объяснительный пробел». Те подходы, которые получили известность в последнее время [См., например, Dennett; 1996; Gillett, 1992; Davies, 1993; Forman, 1998 и др.], не в состоянии дать ответы на вопросы, как и зачем возникает осознание. Чалмерс считает, что вывести осознание из биологической основы организма невозможно, поэтому следует принять сознание в качестве фундаментальной характеристики окружающего нас мира. Схожей точки зрения придерживаются также ученые, культивирующие идею о трансперсональной природе сознания [Гроф, Ласло, Рассел, 2004]. Так, например, П.Рассел отмечает: «Сегодняшняя наука не слишком много внимания обращает на ... универсальную природу сознания. Она всё еще находится в плену старой модели, согласно которой пространство, время и материя составляют первичную реальность, а сознание каким-то образом возникает из них. Но по мере того как наука будет относиться к теме сознания всё более серьезно, ей постепенно придется разработать иную парадигму, в которой сознание рассматривается как столь же первичное качество реальности, как пространство, время и материя» [Там же, с.216].

М.Велманс, один из крупных ученых, занимающихся проблемами сознания, критикуя дуалистические и редуционистские теории сознания, предлагает свою модель «отраженного сознания» [Velmans, 1990, 1993,

1996, 2000]. Согласно М.Велмансу сознание возникает из «...отраженного взаимодействия инициирующего стимула с перцептуальным процессом» [Цит. по Акопов, 2003, с.45]. Г.В.Акопов так комментирует подход Велманса: «Взаимодействие результируется в осознаваемом феноменальном мире, который включает то, о чем мы обычно думаем как о "физическом мире". То, что мы обычно принимаем как физический мир, есть часть того, что мы сознательно испытываем; это не то, что в стороне от этого. Если так, то не может быть несоединимого "мостом" отдельного содержания сознания от воспринимаемого физического феномена» [Там же, с.45].

В целом, как для современной отечественной, так и зарубежной науки характерно стремление понять не только происхождение и структуру сознания, но, прежде всего, объяснить принципы, лежащие в основе функционирования сознания. Это означает, что модель сознания нового образца должна будет включать в себя представление о функциональных механизмах, работа которых обеспечивает «внутреннюю» психомеханику сознания. Думается, что при построении такой модели, одним из важнейших вопросов, на который должен быть получен ответ, является вопрос о том, каким образом сознание взаимодействует с памятью (в аспекте сохранения информации), так как объяснить эффекты осознания без учета прошлого опыта не представляется возможным. Кроме того, должна получить «новое прочтение» проблема «сознание – мозг». Хотя обсуждению этой проблемы посвящено большое количество работ, до сих пор традиционные объяснительные схемы не помогли её разрешению.

Литература

1. *Акопов Г.В.* Проблема сознания в зарубежной психологии: последняя четверть XX века // Известия Самарского научного центра РАН. Специальный выпуск «Актуальные проблемы психологии. Самарский регион». – Самара, 2003.
2. *Аллахвердов В.М.* Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. – СПб., 2003.
3. *Аллахвердов В.М.* Опыт теоретической психологии. – СПб., 1993.
4. *Аллахвердов В.М.* Сознание как парадокс. (Экспериментальная психологика. Т.1). – СПб., 2000.
5. *Ганзен В.А.* Системные описания в психологии. – Л., 1984.
6. *Голосовкер Я.Э.* Логика мифа. – М., 1987.
7. *Гроф С., Ласло Э., Рассел П.* Революция сознания. – М., 2004.
8. *Зинченко В.П.* Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. – 1991. № 2.

9. *Зинченко В.П.* Послесловие к кн.: Дормашев Ю.Б., Романов В.Я. Психология внимания. М., 1995.
10. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. // Избранные психологические произведения: В 2-х т. – М., 1983. – Т.2.
11. *Лурия А.Р.* Язык и сознание. – М., 1979.
12. *Молчанов В.И.* Различение и опыт: феноменология неагрессивного сознания. – М., 2004.
13. *Налимов В.В.* Спонтанность сознания. – М., 1989.
14. *Панов В.И.* О предмете психологии экологического сознания // Прикладная психология. – 2000. № 6.
15. *Панов В.И.* Психические состояния с точки зрения экопсихологического подхода // Прикладная психология. – 2002. № 3.
16. *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* Основы теоретической психологии. – М., 1998.
17. *Райков В.Л.* Сознание. – М., 2000.
18. *Спиркин А. Г.* Сознание и самосознание. – М., 1972.
19. Феноменологическая концепция сознания: проблемы и альтернативы. Сборник статей / Отв. ред. В.И.Молчанов. – М., 1998.
20. *Чуприкова Н.И.* Мозг, психика, сознание // Мир психологии. – 1999. №1.
21. *Chalmers D.J.* Moving forward on the problem of consciousness // JCS. – 1997. № 4 (1).
22. *Chalmers D.J.* The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory. Oxford and New York. – Oxford: Oxford University Press, 1996.
23. *Davies M., Humphreys G.* (ed.) Consciousness. – Oxford: Blackwell, 1993.
24. *Dennett D.C.* Consciousness Explained. – Boston, MA: Little, Brown & Co, 1991.
25. *Dennett D.C.* Content and Consciousness. – London: Routledge and Kegan Paul, 1969.
26. *Dennett D.C.* Facing backwards on the problem of consciousness // JCS. – 1996. № 1. – Vol.6.
27. *Forman R.K.C.* Mysticism, Mind, Consciousness. – Albany, N.Y.: SUNY Press, 1998.
28. *Gillett G.* Consciousness, Intentionality and internalism // Philosophical Psychology. – 1992. № 5.
29. *Velmans M.* A reflexive science of consciousness // Experimental and theoretical studies of consciousness: Ciba Foundation Symposium №176. – Wiley, Chichester, 1993.
30. *Velmans M.* An introduction to the science of consciousness // M.Velmans (ed.). The Science of Consciousness: Psychological, Neuropsychological and Clinical Reviews. – London: Rutledge, 1996.

31. *Velmans M.* Consciousness brain and the physical world // *Philosophical Psychology*. – 1990. № 3 (1).

32. *Velmans M.* Investigating Phenomenal Consciousness: New Methodologies and Maps. – Amsterdam: J. Benjamin and co. Philadelphia, 2000.

33. *Velmans M.* Understanding consciousness. – London: Ronledge, 2000.

А.Ю.Агафонов, Е.А.Бубнова, Е.Е.Волчек
**Изучение зависимости латентного периода
осознания от характера стимуляции
(ассоциативный эксперимент)**

Исследование проводилось при поддержке РФФИ (грант № 04-06-80090а)

Метод ассоциативного эксперимента впервые описан Ф. Гальтоном. Хотя авторство этого метода иногда приписывают К.Г. Юнгу. В общих чертах процедура ассоциативного эксперимента выглядит следующим образом: испытуемому предлагают на предъявленное слово как можно быстрее ответить первым словом, которое приходит в голову. При этом экспериментатор фиксирует время реакции и слово-ассоциацию. Латентное время ассоциативной реакции – период от момента предъявления слова-стимула до момента вербального ответа испытуемого – является информативным показателем стрессогенности стимульного воздействия. Так, например, известно, что ассоциативные ответы на слова, связанные с психотравмирующими обстоятельствами для человека, как правило, характеризуются большим латентным периодом по сравнению с реакцией на нейтральные слова. В нашем эксперименте также использовался показатель латентного периода ассоциативной реакции, но в качестве индикатора перцептивной защиты.

Предмет исследования: зависимость латентного времени ассоциативной реакции от вида вербального стимула.

Гипотеза исследования: эффект перцептивной защиты проявляется в задержки времени ассоциативной реакции. При этом среднее время реакции на разные группы стимулов будет распределяться в следующей последовательности (от наименьшего к наибольшему):

1. высокочастотные;
2. низкочастотные;
3. эмоционально окрашенные;
4. бессмысленные;
5. нецензурные.

Методика.

Испытуемые. В эксперименте приняли добровольное участие лица обоих полов в возрасте от 18 до 40 лет в количестве 85 человек. Средний возраст испытуемых составил 25,4 года. На момент исследования все ис-

пытуемые либо имели высшее образование, либо являлись студентами высших учебных заведений.

Материал и оборудование. Для проведения эксперимента была специально разработана компьютерная программа, позволяющая фиксировать время от начала предъявления стимула на экране монитора до момента нажатия на клавиатуре определенной клавиши. Таким образом, латентный период реакции измерялся хронографом персонального компьютера. В качестве стимульного материала использован список из тридцати слов русской лексики.

План эксперимента.

Зависимая переменная – латентное время ассоциативной реакции.

Независимая переменная – группа стимульных слов – имела пять состояний:

1. Десять высокочастотных слов, например, «человек» (частота словоупотребления по частотному словарю от 2167 до 1067).
2. Пять низкочастотных слов, например, «культ» (частота 10).
3. Пять эмоционально значимых слов, например, «смерть».
4. Пять бессмысленных буквосочетаний, построенных по принципу, чтобы начало буквенного ряда не воспринималось как начало слова.
5. Пять нецензурных слов.

Процедура эксперимента. В исследовании был использован метод простого ассоциативного эксперимента. Непосредственно перед началом процедуры эксперимента испытуемому давалась следующая инструкция: «На экране последовательно будут появляться слова. Вам необходимо на каждое предъявление отвечать как можно быстрее первым словом, которое придет в голову». Поскольку нас не интересовал характер ассоциаций, вербальные ответы испытуемых не фиксировались.

Слова предъявлялись в следующем порядке:

1. год
2. фасад
3. смерть
4. тупи
5. рука
6. паутина
7. *нецензурное слово*
8. слово
9. мнип
10. дело
11. отчаяние
12. *нецензурное слово*
13. седина
14. свет

15. глаз
16. мабс
17. *нецензурное слово*
18. время
19. пидк
20. страна
21. *нецензурное слово*
22. культ
23. обида
24. земля
25. свок
26. горе
27. тумба
28. человек
29. счастье
30. *нецензурное слово*

Для того чтобы поставить под контроль такую важную побочную переменную как скорость моторной реакции, нажатие на клавишу после ассоциативной реакции испытуемого, всякий раз осуществлял экспериментатор. Поэтому уровень данной побочной переменной был относительно неизменным для разных состояний независимой переменной. Время ассоциативной реакции фиксировалось в мс. с помощью компьютера.

Обработка результатов. На первом этапе обработки результатов рассчитывались средние значения времени реакции и дисперсии для каждого стимульного слова по всей выборки испытуемых.

На втором этапе рассчитывалось среднее значение времени реакции по каждой группе слов.

Для сопоставления эмпирического распределения с теоретическим (нормальным) были использованы два независимых метода: хи-квадрат (критерий Пирсона) и критерий Колмогорова – Смирнова. Применение этих методов осуществлялось с помощью компьютерной программы SPSS 10.0 (программы обработки статистических данных).

Метод сравнения двух средних произвольно распределенных генеральных совокупностей (большие независимые выборки) используется для сравнения средних, если генеральные совокупности не распределены нормально и дисперсии их неизвестны, причем выборки имеют большой объем и независимы. Наблюдаемое значение критерия рассчитывается по формуле:

$$Z_{\text{набл}} = \frac{\bar{x} - \bar{y}}{\sqrt{D_e(X)/n + D_e(Y)/m}}, \text{ где}$$

x – выборочная средняя, посчитанная по формуле среднего арифметического;

y – выборочная средняя, посчитанная по формуле среднего арифметического;

$D_s(X)$ – выборочная дисперсия, посчитанные по формуле оценки дисперсии;

n – объем выборки, равный, в данном случае, произведению количества испытуемых на количество слов в группе;

$D_s(Y)$ – выборочная дисперсия, посчитанная по формуле оценки дисперсии;

m – объем выборки, равный в данном случае произведению количества испытуемых на количество слов в группе;

Критическая точка критерия определялась из условия:

$\Phi(Z_{кр}) = (1 - 2\alpha) / 2$, где

Φ – функция Лапласа;

$Z_{кр}$ – критическая точка;

α – уровень значимости $\alpha = 0,01$ (Гмурман, 1997, с.303-304).

Результаты и их обсуждение. По завершению процедуры эксперимента было получено в общей сложности 2550 вербальных ответов испытуемых. Из них, 850 реакций – на высокочастотные слова; 425 – на низкочастотные; 425 – на эмоционально окрашенные; 425 – на бессмысленные стимулы; 425 – на нецензурную лексику.

Средние значения времени ассоциативных реакций на каждое стимульное слово приведены в Таблице 1.

Таблица 1.

Среднее время реакции испытуемых на каждое стимульное слово

№	Слово	Среднее время реакции (мс.)
1	Год	3763
2	Фасад	3094
3	Смерть	3231
4	Тупи	9433
5	Рука	2626
6	Паутина	3099
7	.....	4708
8	Слово	4500
9	Мнип	9022
10	Дело	3977
11	Отчаяние	4437
12	.....	7322
13	Седина	3622
14	Свет	2828
15	Глаз	4366
16	Мабс	6704
17	.....	5178
18	Время	3542
19	Пидк	9226

20	Страна	3046
21	.....	5713
22	Культ	3896
23	Обида	4297
24	Земля	3615
25	Свок	4760
26	Горе	4909
27	Тумба	3687
28	Человек	4434
29	Счастье	5188
30	.....	6327

Таблица 2.

Средние значения ассоциативных реакций по разным группам стимульных слов (в мс)

Группы стимульных слов	Среднее значение (мс)
Высокочастотные	3669
Низкочастотные	3479
Эмоциональные	4412
Бессмысленные	7829
Нецензурные	5849

С помощью методов математической статистики была установлена достоверность различий между полученными распределениями и нормальным.

Оказалось, что полученные распределения отличаются от нормального, поэтому был использован метод сравнения двух средних произвольно распределенных генеральных совокупностей, что дало возможность сделать вывод о значимости/не значимости расхождений между группами слов. Критический параметр ($Z_{кр.}$) при уровне значимости 0,01 составляет 2,58.

Результаты сравнения приведены в Таблице 3.

Таблица 3.

Сравниваемые группы стимульных слов	Наблюдаемый параметр ($Z_{набл.}$)	Критический параметр ($Z_{кр.}$) (при уровне значимости 0,01)
высокочастотные – низкочастотные	1,24	2,58
высокочастотные – эмоциональные	3,25	
высокочастотные – бессмысленные	11,75	
высокочастотные – нецензурные	7,75	
Низкочастотные – эмоциональные	4,26	
Низкочастотные – бессмысленные	12,49	
Низкочастотные – нецензурные	8,69	
Эмоциональные – бессмысленные	9,11	
Эмоциональные – нецензурные	4,68	
Бессмысленные – нецензурные	4,84	

На первом этапе анализа расположим группы слов в зависимости от статистических различий величины среднего времени ассоциативной реакции по каждой группе в порядке от наименьшего к наибольшему:

1. высокочастотные и низкочастотные;
2. эмоционально значимые;
3. нецензурные;
4. бессмысленные буквосочетания;

Наибольшее латентное время ассоциативной реакции (среди осмысленных стимулов) на нецензурные слова свидетельствует о проявлении эффекта перцептивной защиты. Данный вывод подтверждается так же тем, что среднее время реакции на низкочастотные (к группе которой, как представляется, относятся и нецензурные слова) наименьшая.

Отсутствие различий в величине среднего времени реакций на группы высокочастотных и низкочастотных противоречит исходному предположению. Полученный результат согласуется с выводами Johnson с соавт. (1961) и Newbigging (1961), которые в своих исследованиях показали, что частота использования слов в прошлом не влияет на порог их опознания.

Среднее время реакции на эмоциональные слова статистически значимо меньше среднего времени латентной реакции на нецензурные. И хотя нецензурная брань относится к словам несущим эмоциональный заряд, в ситуации эксперимента, т.е. вне социальных контекстов их привычного использования, такие слова, даже для людей постоянно их употребляющих, составляют предмет экстремального реагирования.

Среднее время реакции на нецензурные слова статистически значимо меньше среднего времени ассоциативной реакции на бессмысленные буквосочетания. Этот результат опровергает исходное предположение. Получается, что стимул, обладающий смысловой неопределенностью вызывает наибольшую задержку вербальной ассоциации. Таким образом, этот фактор является более важным, чем «табу» в культуре, эмоциональная насыщенность информации или частота словоупотребления. С такими стимулами сознание работает дольше, что вполне согласуется с известными в психологии данными.

В эксперименте был обнаружен еще один интересный результат: среднее время ассоциативной реакции на первое бессмысленное буквосочетание (стимул №4) оказалось наибольшим. Данный результат, вероятно, является проявлением эффекта контекста.

Выводы:

1. Эффект перцептивной защиты может выражаться в увеличении латентного времени ассоциативной реакции.
2. Фактор смысловой неопределенности в работе сознания является более важным, чем «табу» в культуре, отрицательный эмоциональный заряд или частота использования слов.

3. Частотность слова не влияет на латентный период вербальной ассоциации.

Литература

1. Гмурман В.Е. Теория вероятностей и математическая статистика. М., 1997.

А.Ю.Агафонов, Д.Д.Козлов, Е.С.Чукина **Исследование зависимости решения когнитивной задачи от семантики иррелевантной информации**

Исследование проводилось при поддержке РФФИ (грант № 04-06-80090а)

В экспериментах по дихотическому слушанию был обнаружен эффект влияния нерелевантной актуальной информации на продуктивность выполнения задачи вторения (См. Дормашев, Романов, 1995). В настоящем эксперименте преследовалась цель, с одной стороны, проверить результаты, полученные в исследованиях влияния дистрактора в процессе слухового восприятия (будет ли самым сильным дистрактором семантически близкая нерелевантная информация?) на материале изучения данного влияния в зрительной модальности, с другой, установить зависимость продуктивность такой когнитивной деятельности как чтение от фактора семантического сходства релевантной и нерелевантной текстовой информации. Т.о., когнитивной задачей в эксперименте выступало чтение отрывка научно-популярного текста, а маркером продуктивности являлось скорость чтения.

Цель исследования: обнаружить влияние семантики нерелевантной информации на скорость решения когнитивной задачи.

Предмет исследования: влияние нерелевантной информации на продуктивность решения когнитивной задачи.

Гипотеза: семантическое сходство нерелевантной информации с содержанием релевантного текстового сообщения негативно влияет на скорость чтения.

Методика.

Испытуемые. В эксперименте принимали участие 3 гетерогенные группы добровольцев в возрасте от 17 до 28 лет с нормальным или скорректированным до нормального зрением. Каждая группа включала по 25 человек.

Стимульный материал. Во всех группах релевантный текст был неизменным: научно-популярный текст о законах Вселенной и человеке. В качестве нерелевантного (фонового) текста для 1 группы был выбран

текст на норвежском языке, не знакомом ни одному из испытуемых. Для 2-ой группы – текст на историческую тематику; для 3-ей группы - текст, являющийся продолжением релевантного текста и раскрывающий смысл последнего.

План исследования.

Зависимая переменная – скорость чтения научно-популярного текста на русском языке.

Независимая переменная – нерелевантный текст – имела три состояния:

1. Текст на иностранном языке.
2. Текст на русском языке, не связанный по смыслу с содержанием релевантного текста.
3. Текст, семантически связанный с содержанием релевантного текста.

Процедура эксперимента. На бланках формата А4 испытуемым предъявлялись два текста. Один из них - релевантный текст, который по инструкции требовалось прочитать как можно быстрее, - располагался по всем нечетным строкам, начиная с первой (1,3,5,7 и т.д.). Нерелевантный текст помещался, соответственно, по всем четным строкам (2,4,6,8 и т.д.). Время выполнения задания фиксировалось при помощи секундомера.

Испытуемым зачитывалась следующая инструкция: «Вам предложено два совмещенных друг с другом текста. Первый текст располагается на нечетных строках. Второй текст соответственно располагается по четным строкам, то есть на 2,4,6,8 и т.д. Вам необходимо прочитать как можно быстрее первый текст, не обращая внимания на второй. Как только прочтете до конца, сразу подайте знак о том, что вы закончили».

Процедура эксперимента проводилась с каждым испытуемым индивидуально в отдельном помещении при нормальном освещении.

Обработка результатов. По окончании выполнения экспериментального задания фиксировалось в сек. время чтения испытуемым релевантного текста. Затем, дифференцировано по трем экспериментальным группам рассчитывалось среднее время чтения.

Все статистические расчеты проводились в статистическом пакете StatSoft Statistica v.6.0. Для анализа статистической достоверности различий средних значений времени, затраченного на чтение текста, был использован метод дисперсионного анализа (в том варианте, в котором он реализован в данном программном продукте). Выбор данного метода обусловлен тем, что зависимая переменная – время чтения текста, выраженная в секундах – является переменной метрической, поэтому именно дисперсионный анализ оказывается наиболее адекватным для решения поставленной задачи. Кроме того, результаты дисперсионного анализа в его реализации в пакете StatSoft Statistica позволяют более детально проинтер-

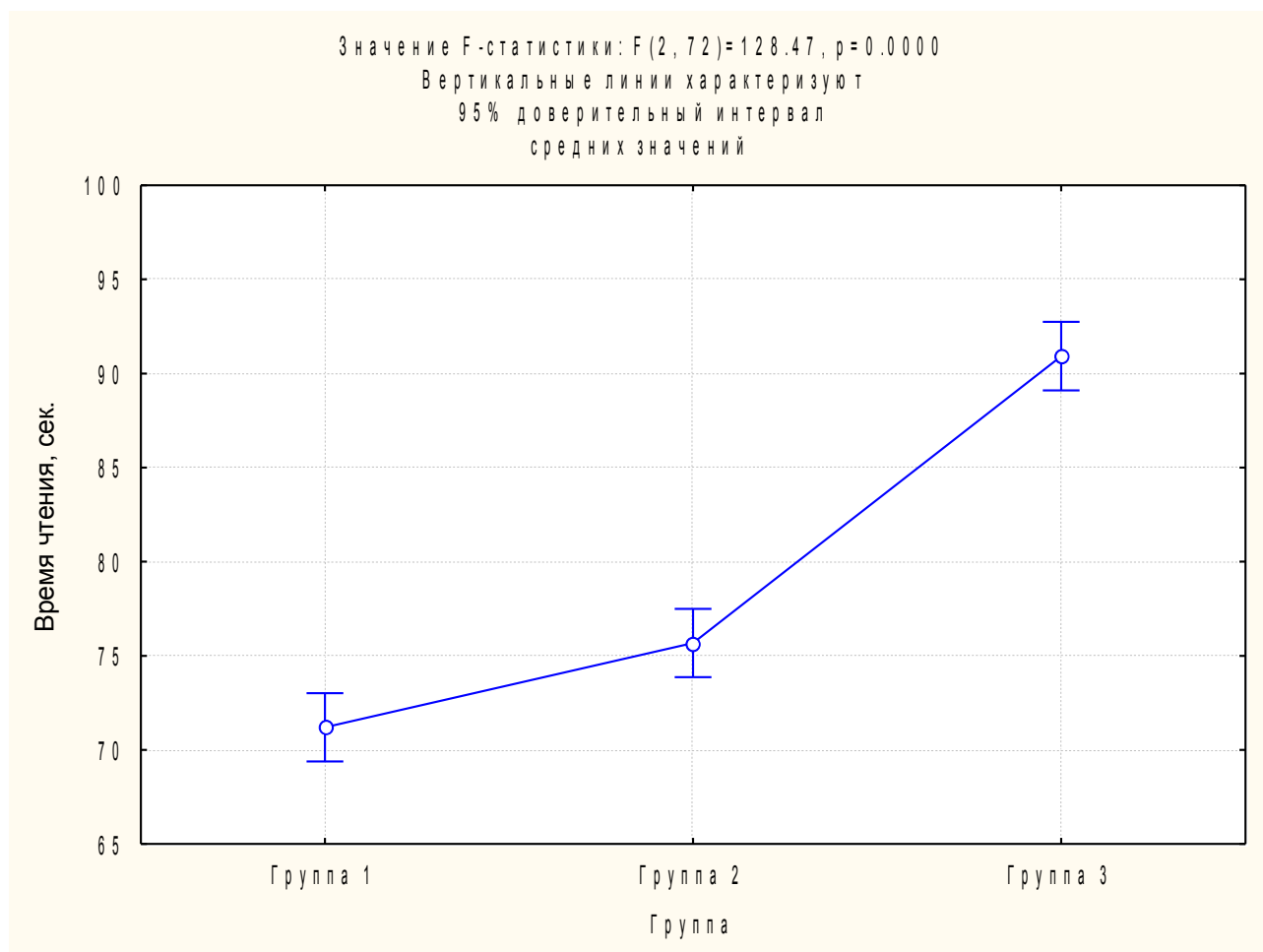

претировать наблюдаемые различия между средними значениями. В этом же пакете строились графики, отражающие результаты эксперимента.

Результаты и их обсуждение. Результаты выполнения экспериментального задания представлены графически на Рисунке 1 и в Таблице 1.

Рисунок 1.

Результаты дисперсионного анализа при сравнении среднего времени чтения релевантного текста в каждой из групп

Таблица 1.

Средние значения и доверительные интервалы для среднего значения времени релевантного чтения текста в каждой из групп

Группа	кол-во испытуемых	Стандартная ошибка среднего	Границы 95% доверительного интервала для среднего значения	
			Нижняя	верхняя
1	25	0.91	69.38	73.02
2	25	0.91	73.86	77.50
3	25	0.91	89.10	92.74

Попарное сравнение средних значений для каждой пары групп проводилось при помощи t-критерия Шеффе. Результаты анализа представлены в Таблице 2.

Таблица 2.

Статистическая достоверность различия средних значений при попарном сравнении групп

Сравниваемые группы	Разница средних значений	Стандартная ошибка разницы	p-уровень
1 и 2	-4.48	1,82	P=0.0038
1 и 3	-19.72	1,82	P<0.0001
2 и 3	-15.24	1,82	P<0.0001

Выдвинутая гипотеза предусматривает ситуацию, когда нерелевантный текст, являющийся продолжением релевантного и содержащий как слова-синонимы, так и сходные синтаксические структуры, будет в наибольшей степени замедлять скорость чтения релевантного текста. В свою очередь, текст на историческую тематику, не сходный по смыслу с содержанием релевантного текста будет негативнее влиять на скорость чтения релевантного текста, чем текст на норвежском языке, который в силу своей семантической неопределенности будет являться самым слабым фактором из всех трех вариантов нерелевантного влияния. Результат эксперимента подтверждает исходную гипотезу: действительно семантически близкий нерелевантный текст будет больше всего замедлять скорость чтения по сравнению с текстом, не связанным по смыслу с релевантным. В свою очередь, минимальное интерферирующее влияние оказывает текст на незнакомом языке. На графике заметна большая разница между временем чтения испытуемыми 1 и 2 групп по сравнению с результатами выполнения задания испытуемыми 3-ей группы. В среднем испытуемые 2 группы читали текст на 5% времени дольше, чем испытуемые 1 группы, а испытуемые 3 группы читали текст на 18% времени дольше, чем испытуемые 2 группы и на 23% времени дольше, чем испытуемые 1 группы. Все различия между группами оказались высоко статистически значимы ($p < 0,001$).

Т.о., актуальная нерелевантная информация оказывает существенное влияние на выполнение релевантной когнитивной деятельности. По сути, обнаруженный эффект будет оправдано причислять к разряду интерференционных явлений.

Литература

1. Дормашев Ю.Б., Романов В.Я. Психология внимания. М., 1995.

А.Ю.Агафонов, А.В.Макаров, О.Г.Молодченко
**Изучение зависимости эффектов деятельности
сознания от специфики предваряющей
информации при выполнении задачи
«лексического решения»**

Исследование проводилось при поддержке РФФИ (грант № 04-06-80090а)

Выполнение задачи «лексического решения» предполагает выбор испытуемым одного из вариантов ответа: относится ли предъявляемый на короткое время экспозиции стимул к лексике (т.е., является ли он осмысленным словом) или же представляет собой бессмысленный набор букв. Эксперименты в данной парадигме, как правило, проводятся с целью выявления закономерностей в работе неосознаваемых механизмов сознания.

Выполнение задачи «лексического решения» (вербальный ответ: «слово» или «бесмыслица») является, по существу, осознаваемым результатом неосознаваемого принятия решения. Человек не способен осознавать то, как он осознает, поскольку осознанию подлежит всегда лишь интегральный продукт деятельности сознания. Корреспонденция сознания и памяти (в аспекте сохранения информации) и подготовка информации к осознанию происходят на неосознаваемом уровне. Вместе с тем, само принятие решения об осознании детерминировано семантикой неосознанной стимульной информации, предваряющей предъявление тестового стимула. (В задачи «лексического решения» тестовый стимул следует по инструкции идентифицировать или как слово, или как бессмысленный набор букв.).

В проведенном эксперименте преследовалась **цель** выяснить характер зависимости между эффективностью выполнения задачи «лексического решения» и спецификой предваряющей стимульной информации.

Предмет исследования: влияние характера неосознанной предваряющей стимульной информации на эффективность выполнения задачи «лексического решения».

В эксперименте проверялись следующие **гипотезы**:

1. Результативность опознания слова при выполнении задачи «лексического решения» будет наибольшей, если предваряющим стимулом будет являться слово.

2. Результативность опознания бессмысленной информации при выполнении задачи «лексического решения» будет наибольшей в случае, если предваряющим стимулом будет являться бессмысленная информация.

Методика.

Испытуемые. В эксперименте приняли участие 105 человек в возрасте от 21 до 45 лет с нормальным или скорректированным до нормального зрением. Испытуемые были разделены на три группы, одну контрольную и две экспериментальные, по 35 человек в каждой группе.

Материал и оборудование. Перед проведением процедуры эксперимента была разработана компьютерная программа, дающая возможность произвольно задавать требуемые режимы стимуляции: варьировать время предъявления стимульного материала и время межстимульных интервалов; изменять фоновые характеристики (светлоту, цвет и хроматическую насыщенность); устанавливать вид и время действия зрительной маскировки. Для проведения процедуры был использован персональный компьютер, оснащенный процессором Intel Pentium 4 и LCD монитором Samsung с диагональю 17”.

Для обеспечения внутренней валидности эксперимента все основные задаваемые параметры, такие как: время предъявления стимулов, межстимульные интервалы, шрифт, хроматические характеристики фона, количество стимульных рядов, характеристики зрительной маскировки и т.п., оставались постоянными при изменении состояния независимой переменной, то есть при варьировании экспериментальных условий.

План эксперимента.

В экспериментальной схеме *независимой переменной* являлся вид предваряющей стимульной информации. Независимая переменная имела три состояния:

1. Числовой ряд.
2. Бессмысленный набор букв.
3. Слово.

Зависимая переменная – результативность опознания тестового стимула. В качестве тестовых стимулов использовался бессмысленный набор букв или слово русской лексики.

Планом эксперимента было предусмотрено создание трех стимульных ситуаций, названных условно: стимульная ситуация №1 (контрольная), стимульная ситуация №2, стимульная ситуация №3.

Процедура эксперимента. В каждой из стимульных ситуаций испытуемому необходимо было воспринять последовательность из 12 стимульных рядов. Каждый ряд, в свою очередь, состоял из двух стимулов, объединенных в стимульную пару. Первый стимул в стимульной паре был условно назван *предваряющим стимулом*. Он предъявлялся на 25 мсек. Второй стимул в паре был назван *тестовым стимулом*. В отношении тестового стимула испытуемому следовало выполнить задачу «лексического решения», то есть определить является ли этот стимул словом или нет. Время предъявления тестового стимула составило также 25 м/сек. После каждого стимула, как предваряющего, так и тестового, использовалась

зрительная маскировка: на экране монитора на 2 сек. появлялся однородный фон ярко красного цвета. При выбранном времени предъявления стимулов и использовании зрительной маскировки, процесс опознания тестовых стимулов оказывался существенно затрудненным.

Набор тестовых стимулов был инвариантным для всех четырех стимульных ситуаций и представлял собой 6 слов, состоящих из 6 букв и 6-и бессмысленных буквосочетаний, также состоящих из 6 букв. Слова и бессмысленные буквосочетания менялись в случайной последовательности. Бессмысленный набор букв в каждом из 6-ти случаев включал в себя четыре согласных и две гласные буквы, поэтому буквенный ряд при малом времени экспозиции мог быть ошибочно опознан как слово. В дальнейшем такой вид стимуляции будет обозначаться как *бессмысленный набор букв*.

Тестовые стимулы в процедуре эксперимента предъявлялись всем испытуемым в следующем порядке: СМЕТИЛ, КОЛЕСО, КАКТУС, ФИРТИК, ДОРОГА, ЧАЙНИК, УПРИТА, ВЕКБИМ, ОГОРОД, ТУРВАД, МОЛОКО, МАРКАТ.

Предваряющий стимул изменялся следующим образом:

а) В *стимульной ситуации №1* (контрольное условие) предваряющим стимулом являлся числовой ряд из 6-ти цифр.

б) В *стимульной ситуации №2* – бессмысленный набор из 6-ти букв.

в) В *стимульной ситуации №3* – слово, состоящее из 6-ти букв. (В этой ситуации предваряющий стимул подбирался по принципу семантической связи с тестовым).

Стимульный материал представлен в Таблице 1 .

Таблица 1.

Стимульные ряды, использованные в экспериментальных ситуациях

№ п/п	Стимульная ситуация №1	Стимульная ситуация №2	Стимульная ситуация №3
1.	783251 СМЕТИЛ	СОВДЕМ СМЕТИЛ	СОЛНЦЕ СМЕТИЛ
2.	431892 КОЛЕСО	БЕРТЕЯ КОЛЕСО	МАШИНА КОЛЕСО
3.	752943 КАКТУС	МОВТОН КАКТУС	ЦВЕТОК КАКТУС
4.	325690 ФИРТИК	ВЕСТЯР ФИРТИК	ЯБЛОНЯ ФИРТИК
5.	632975 ДОРОГА	СУНИРА ДОРОГА	ТРАССА ДОРОГА
6.	143276 ЧАЙНИК	УХЕМЕТ ЧАЙНИК	ПОСУДА ЧАЙНИК
7.	321074 УПРИТА	ХИМРАС УПРИТА	ВОКЗАЛ УПРИТА
8.	803421	СУВТИН	СОБАКА

	ВЕКБИМ	ВЕКБИМ	ВЕКБИМ
9.	738215 ОГОРОД	МИТРОД ОГОРОД	ГРЯДКА ОГОРОД
10.	643892 ТУРВАД	ПИРАСО ТУРВАД	ПЕДАЛЬ ТУРВАД
11.	532218 МОЛОКО	ОСТИНА МОЛОКО	КОРОВА МОЛОКО
12.	658230 МАРКАТ	РУТЕВА МАРКАТ	СТРЕЛА МАРКАТ

Процедура эксперимента строилась следующим образом. Испытуемый располагался перед экраном монитора на расстоянии приблизительно 50 см. Затем экспериментатор зачитывал инструкцию: «Вам необходимо как можно внимательнее смотреть на экран. Ваша задача – отмечать всё, что будет появляться на экране и затем отвечать на мои вопросы». После инструктирования производился запуск программы. Время задержки предъявления первого стимула в серии составляло 5 сек. Затем на экране монитора последовательно предъявлялись двенадцать пар стимулов. После предъявления каждой пары испытуемому задавался вопрос: «Вам были предъявлены два стимула. Как Вам кажется, что было последним: слово или бессмыслица?»

Обработка результатов. Все полученные данные были сгруппированы в три таблицы. Для каждой стимульной ситуации было посчитано количество правильных ответов и количество ошибок: отдельно на все тестовые стимулы, представляющие собой слова и на все тестовые стимулы категории «бессмысленный набор букв» (см. Таблицы 2, 3, 4).

Таблица 2.

Ответы испытуемых в стимульной ситуации №1 (предваряющая стимуляция – «числовой ряд»)

Тестовый стимул – «слово»			Тестовый стимул – «бессмысленный набор букв»		
№ стимульной пары	Количество правильных ответов	Количество ошибок	№ стимульной пары	Количество правильных ответов	Количество ошибок
2	22	13	1	23	12
3	21	14	4	18	17
5	30	5	7	31	4
6	26	9	8	24	11
9	28	7	10	24	11
11	29	6	12	25	10
Всего:	156	54	Всего:	145	65

Таблица 3.

Ответы испытуемых в стимульной ситуации №2 (предваряющая стимуляция – «бессмысленный набор букв»)

Тестовый стимул – «слово»			Тестовый стимул – «бессмысленный набор букв»		
№ стимуль-	Количество	Количество	№ стимуль-	Количество	Количество

ной пары	правильных ответов	ошибок	ной пары	правильных ответов	ошибок
2	30	5	1	23	12
3	26	9	4	23	12
5	29	6	7	23	12
6	26	9	8	29	6
9	26	9	10	27	8
11	31	4	12	29	6
Всего:	168	42	Всего:	154	56

Таблица 4.

Ответы испытуемых в стимульной ситуации №3 (предваряющая стимуляция – «слова, семантически близкие с тестовыми стимулами»)

Тестовый стимул – слово			Тестовый стимул – бессмысленный набор букв		
№ стимульной пары	Количество правильных ответов	Количество ошибок	№ стимульной пары	Количество правильных ответов	Количество ошибок
2	23	12	1	13	22
3	29	6	4	18	17
5	32	3	7	24	11
6	30	5	8	25	10
9	34	1	10	27	8
11	30	5	12	28	7
Всего:	178	32	Всего:	135	75

В ходе дальнейшей обработки были отдельно просуммированы все данные по выполнению задачи «лексического решения» в каждой стимульной ситуации, и на основании общего количества правильных ответов и количества ошибок, была составлена сводная таблица ответов испытуемых (см. Таблицу 5) для каждой стимульной ситуации.

Таблица 5

Сводная таблица результатов выполнения задачи «лексического решения» в зависимости от характера предваряющей стимуляции

Стимульная ситуация	Эффективность выполнения задачи при опознании слова		Эффективность выполнения задачи при опознании бессмысленного набора букв	
	Количество правильных ответов	Количество ошибок	Количество правильных ответов	Количество ошибок
№ 1	156	54	145	65
№ 2	168	42	154	56
№ 3	178	32	135	75

В Таблице 6 приведены показатели результативности выполнения экспериментального задания, выраженные в процентах.

Таблица 6.

Результаты выполнения задачи «лексического решения» (в %)

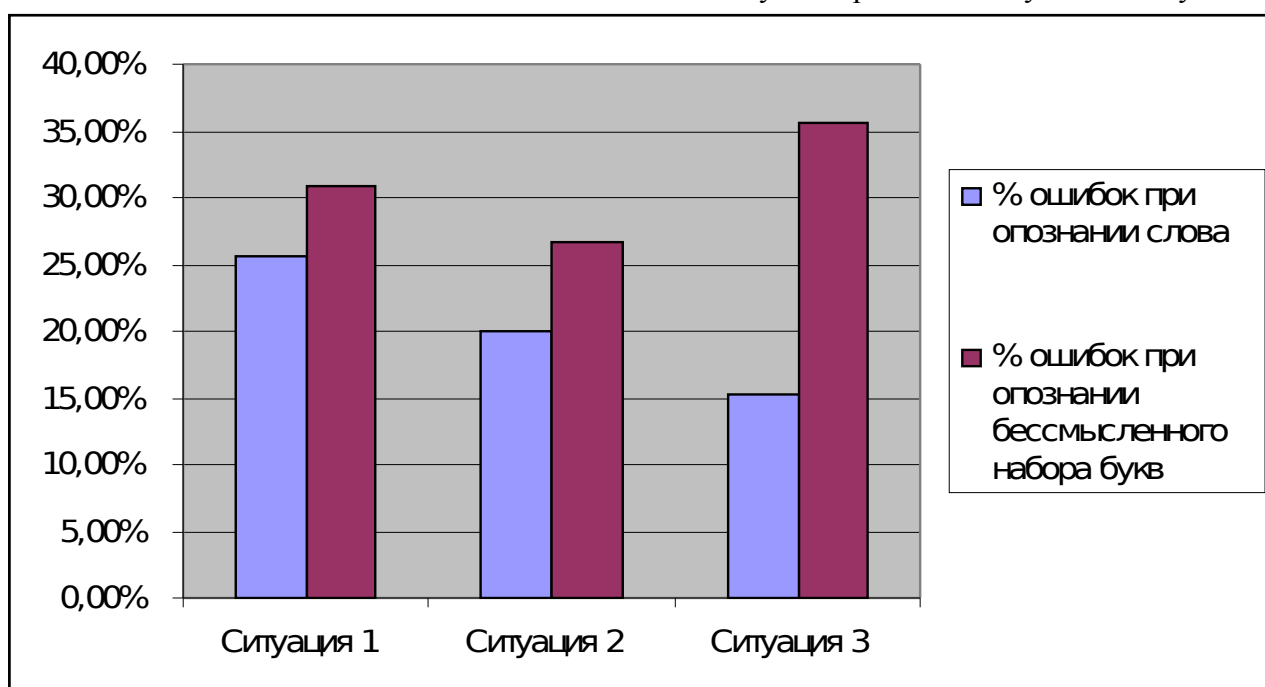
Стимульная ситу-	Эффективность выполнения	Эффективность выполнения задачи при
------------------	--------------------------	-------------------------------------

ситуация	задачи при опознании слова		опознании бессмысленного набора букв	
	% правильных ответов	% ошибочных ответов	% правильных от- ветов	% ошибочных ответов
№ 1	74,3%	25,7%	69,1%	30,9%
№ 2	80,0%	20,0%	73,3%	26,7%
№ 3	84,8%	15,2%	64,3%	35,7%

Чтобы наглядно продемонстрировать разницу в ответах испытуемых при опознании тестовых стимулов разных категорий были построены диаграммы.

Диаграмма 1.

Количество ошибок опознания тестовых стимулов «слово» и «бессмысленный набор букв» в разных стимульных ситуациях.

Для определения статистической значимости результатов был использован критерий χ^2 Пирсона. Сравнивались результаты выполнения задачи «лексического решения» при опознании слова и при опознании бессмысленного набора букв отдельно для каждой стимульной ситуации. Также анализировалась достоверность различий в результативности выполнения задачи «лексического решения» между стимульными ситуациями отдельно для групп испытуемых, правильно опознававших слова и правильно опознававших бессмысленный набор букв. Все расчеты проводились в статистическом пакете StatSoft Statistica v 6.0. Результаты анализа представлены в Таблицах 7, 8, 9.

Таблица 7.

Статистическая значимость различий в результативности выполнения задачи «лексического решения» в зависимости от характера предваряющей стимуляции

Сти-	Эффективность выполнения	Эффективность выполне-	Значение	p-уровень
------	--------------------------	------------------------	----------	-----------

мультимедийная ситуация	задачи при опознании слова		задачи при опознании бессмысленного набора букв		χ^2	
	Количество правильных ответов	Количество ошибочных ответов	Количество правильных ответов	Количество ошибочных ответов		
№ 1	156	54	145	65	1,42	p=0,2336
№ 2	168	42	154	56	2,61	p=0,1063
№ 3	178	32	135	75	23,19	p<0,0001

При сравнении эффективности опознания слова и бессмысленного набора букв, единственное значимое различие было установлено в стимульной ситуации №3, когда предваряющим стимулом являлось слово, семантически близкое к тестовому стимулу ($p < 0,0001$). Это означает, что эффективность выполнения задачи при опознании слова гораздо выше по сравнению с эффективностью выполнения задачи при опознании бессмысленного набора букв, если предваряющим неосознанным стимулом также являлось слово. Соответственно, количество ошибок в стимульной ситуации №3 значимо больше, когда тестовым стимулом являлся бессмысленный набор букв.

Таблица 8.

Статистическая значимость различий в результативности выполнения задачи «лексического решения» в зависимости от стимульной ситуации для задачи опознания слова

Сравниваемые стимульные ситуации	Эффективность выполнения задачи в стимульной ситуации №1		Эффективность выполнения задачи в стимульной ситуации №2		Значение χ^2	Р-уровень
	Количество правильных ответов	Количество ошибочных ответов	Количество правильных ответов	Количество ошибочных ответов		
№ 1 и № 2	156	54	168	42	1,94	p=0,1632
Сравниваемые стимульные ситуации	Эффективность выполнения задачи в стимульной ситуации №1		Эффективность выполнения задачи в стимульной ситуации №3		Значение χ^2	Р-уровень
	Количество правильных ответов	Количество ошибочных ответов	Количество правильных ответов	Количество ошибочных ответов		
№ 1 и № 3	156	54	178	32	7,08	p=0,0078
Сравниваемые стимульные ситуации	Эффективность выполнения задачи в стимульной ситуации №2		Эффективность выполнения задачи в стимульной ситуации №3		Значение χ^2	Р-уровень
	Количество правильных ответов	Количество ошибочных ответов	Количество правильных ответов	Количество ошибочных ответов		

		ветов	тов			
№ 2 и № 3	168	42	178	32	1,64	p=0,2003

Значимые различия в эффективности опознания слова были обнаружены только при сравнении результатов, показанных испытуемыми в стимульной ситуации №1 и стимульной ситуации №3 ($p < 0,01$).

Таблица 9.

Статистическая значимость различий в результативности выполнения задачи «лексического решения» в зависимости от стимульной ситуации для задачи опознания бессмысленного набора букв

Сравниваемые стимульные ситуации	Эффективность выполнения задачи в стимульной ситуации №1		Эффективность выполнения задачи в стимульной ситуации №2		Значение χ^2	p-уровень
	Количество правильных ответов	Количество ошибочных ответов	Количество правильных ответов	Количество ошибочных ответов		
№ 1 и № 2	145	65	154	56	0,94	p=0,3322
Сравниваемые стимульные ситуации	Эффективность выполнения задачи в стимульной ситуации №1		Эффективность выполнения задачи в стимульной ситуации №3		Значение χ^2	p-уровень
	Количество правильных ответов	Количество ошибочных ответов	Количество правильных ответов	Количество ошибочных ответов		
№ 1 и № 3	145	65	135	75	1,07	p=0,3006
Сравниваемые стимульные ситуации	Эффективность выполнения задачи в стимульной ситуации №2		Эффективность выполнения задачи в стимульной ситуации №3		Значение χ^2	p-уровень
	Количество правильных ответов	Количество ошибочных ответов	Количество правильных ответов	Количество ошибочных ответов		
№ 2 и № 3	154	56	135	75	4,00	p=0,0454

Значимые различия в эффективности опознания бессмысленного набора букв были обнаружены только при сравнении результатов, показанных испытуемыми в стимульной ситуации №2 и стимульной ситуации №3 ($p < 0,05$).

Результаты и их обсуждение. Исследование зависимости выполнения задачи «лексического решения» от характера предваряющей стимуляции (числовой ряд, бессмысленный набор букв, осмысленное слово) дало следующие результаты. При опознании слова в качестве тестового стимула наибольшее количество ошибок было допущено испытуемыми в стимульной ситуации №1, когда предваряющим стимулом являлся числовой ряд. В этой ситуации, испытуемые в 26% случаев давали ошибочные от-

веты. Наименьшее количество ошибок совершили испытуемые третьей группы. В ситуации, когда предваряющим стимулом являлось слово, семантически связанное с опознаваемым словом, испытуемые ошибались лишь в 15% случаев, а 85% случаев давали правильный ответ. Можно отметить тот факт, что опознание слова в качестве тестового стимула происходит лучше по сравнению с опознанием бессмысленного набора букв при любом из трех вариантов предваряющей стимуляции, использованной в данном эксперименте. По всей видимости, ожидание, связанное с восприятием стимула как слова, а не как бессмыслицы, является всегда более актуализированным. Поэтому можно говорить, что в отношении вербальных стимулов субъективная вероятность подтверждения этого ожидания всегда выше по сравнению с субъективной вероятностью подтверждения ожидания бессмысленной информации.

Анализ результатов выполнения задачи «лексического решения» в части опознания тестового стимула категории «бессмысленный набор букв» показал, что максимальное количество ошибок было совершено в стимульной ситуации №3, где предваряющим стимулом было слово. Почти в 36% случаев испытуемые третьей группы при опознании бессмысленного набора букв давали ответ «слово». Как и предполагалось, минимальное число ошибок испытуемые допустили в стимульной ситуации №2, где в качестве предваряющего стимула выступал бессмысленный набор букв. Количество ошибок составило 27%, что статистически значимо отличается от аналогичного результата, полученного в стимульной ситуации №3, где предваряющим стимулом служило слово.

В результате проведенного экспериментального исследования можно сделать следующие *выводы*:

1. На результативность выполнения задачи «лексического решения» и, следовательно, на сам факт принятия решения о том, что и как будет осознаваться, существенное влияние оказывает характер предваряющей неосознаваемой стимуляции.

2. Опознание слова происходит с наибольшей результативностью, если предваряющим неосознаваемым стимулом является слово, связанное по смыслу с опознаваемым. Результативность опознания уменьшается в случае, когда первым членом в стимульной паре выступает бессмысленный стимул и снижается еще больше, если ему предшествует числовой ряд.

3. Опознание бессмысленного набора букв происходит с наибольшей результативностью, если в качестве предваряющего стимула в паре также выступает бессмысленный набор букв. В случае, если предваряющим стимулом является слово, опознание бессмысленного набора букв происходит с максимальным количеством ошибок даже по сравнению с той ситуацией, когда предваряющим стимулом в паре является числовой ряд.

Таким образом, эксперимент подтвердил выдвинутые гипотезы: характер предваряющей стимуляции оказывает значимое влияние на эффективность опознания.

А.А.Адамова, Д.А.Тудейкина

Исследование эффективности опознания при решении лексической задачи

Научный руководитель А.Ю.Агафонов

На сегодняшний день в экспериментальной психологии одним из самых интересных направлений исследований является изучение влияния неосознаваемой информации на эффекты осознания. Широко известен эксперимент А.Марсела. Испытуемому на 10 мс предъявлялось либо слово, либо пустое поле, затем в течение 30 мс – хаотически расположенные буквы для маскировки следа в иконической памяти. На следующем этапе испытуемому предлагалось решить одну из двух задач. В задаче обнаружения он должен был указать, предъявлялось слово или нет. В задаче лексического решения испытуемым предъявляли ряд букв и просили как можно быстрее указать, слово это или бессмысленный набор букв. Испытуемые в задаче обнаружения с равной вероятностью давали положительные ответы и в случае предъявления пустого поля (то есть сам факт стимуляции не осознавался). Но в задаче лексического решения опознание буквенного ряда происходило значительно быстрее, если оно было по смыслу связано с предшествующим словом. Явления такого порядка были названы эффектами семантического предшествования. [1] Эксперименты, подтверждающие существование этого эффекта, навели нас на мысль о создании такой процедуры исследования, в которой бы семантическая подсказка предъявлялась одновременно со словом.

Итак, перед нами стояла задача обнаружить фактор, влияющий на результативность решения лексической задачи. Нами выдвигалась следующая **теоретическая гипотеза**: одним из факторов, влияющих на работу сознания при решении лексической задачи, является цвет, в который окрашено слово. **Эмпирическая гипотеза** состояла в следующем: опознание буквенного ряда как слова происходит с наибольшей результативностью, если слово окрашено в цвет, который ассоциируется с этим словом; а бессмыслица продолжает оставаться окрашенной в черный цвет.

Характеристика процедуры исследования

В эксперименте участвовало 20 человек в возрасте от 12 до 67 лет.

Для проведения эксперимента была использована программа «Stimul», позволяющая варьировать условия предъявления (размер и цвет шрифта, цвет фона, время предъявления стимула и межстимульного ин-

тервала). В процедуре исследования были предусмотрены две экспериментальные ситуации и соответственно две группы испытуемых.

- Первой предъявлялись слова и бессмыслица, окрашенные в черный цвет

- Второй группе предъявлялись слова (каждое из которых окрашивалось в цвет, который с ним ассоциируется) и бессмыслица, которая продолжала оставаться окрашенной в черный цвет.

Для наибольшей достоверности эксперимента, основные параметры, такие как время предъявления стимулов (20мс), межстимульные интервалы (8000мс), шрифт (64), цвет фона (белый), количество стимулов и сама стимульная информация оставались постоянными в обеих группах.

Испытуемым предъявлялось 20 стимулов – 10 шестибуквенных слов и 10 бессмыслиц, также состоящих из 6 букв. Для усложнения задачи опознания во всех 20 стимулах была пропущена одна буква (например в слове «малина» пропускалась буква «и»). На месте пропущенных букв оставались пустые места. Слова подбирались таким образом, чтобы каждое из них ассоциировалось с каким-то конкретным цветом (например, слово «небеса» – с голубым). Эти 20 стимулов в обеих процедурах исследования предъявлялись в определенном порядке и представляли следующий ряд:

№	Стимульный ряд
1	Мал на
2	Бя унл
3	Сол це
4	Мса ер
5	Свек а
6	Вуп ал
7	Зе ень
8	Кли мб
9	Не еса
10	Лю зйп
11	Ку ага
12	Роб кт
13	Сол ма
14	Жю якн
15	Же ток
16	Гд кив
17	Кофе н
18	Нах кл
19	Фо ьга
20	Що епц

Испытуемые получали следующую инструкцию: «Пожалуйста, после каждого стимульного предъявления на экране монитора, укажите, было ли это слово или бессмысленный набор букв. Учтите, что и там и там пропущены определенные буквы». Ответ испытуемого заносился в та-

блицу (см. таблицы 1,2). Если испытуемый опознавал стимул как слово, ставился знак (+), если опознавал стимул как бессмысленный набор букв, ставился знак (-).

Таблица 1. Экспериментальная ситуация №1.

Испытуемые	№ П/П																			
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
1	+	-	+	+	+	-	-	-	+	-	-	+	+	-	+	-	-	+	+	+
2	+	-	+	+	+	-	+	-	+	+	-	+	+	-	+	+	+	+	+	-
3	+	-	-	+	+	-	+	-	-	+	+	+	+	-	+	-	+	-	-	+
4	-	+	+	-	-	+	-	+	+	-	-	+	-	+	+	-	-	-	+	-
5	+	-	+	-	-	+	+	-	+	-	-	+	+	-	+	-	+	-	+	-
6	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-
7	-	-	+	+	-	-	+	+	-	-	+	-	-	-	+	+	+	-	+	+
8	-	-	+	+	+	+	-	-	+	-	+	-	-	+	-	-	+	+	-	-
9	+	-	-	-	-	+	+	+	-	-	+	-	-	-	+	+	+	+	-	+
10	+	-	+	+	+	-	+	+	-	+	-	-	+	-	-	-	-	+	+	+

Таблица 2. Экспериментальная ситуация №2

Испытуемые	№ П/П																			
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
1	+	+	-	+	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-
2	-	-	+	+	+	-	+	-	+	-	-	-	+	-	+	-	+	-	-	-
3	+	+	+	+	+	+	+	+		-	+	+	+	+	-	+	+	+	+	+
4	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	+	-	-	+	+	+	-
5	+	+	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	-	-	+	-	-	-
6	-	+		-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	-	-	+	-	-	-
7	-	-	+	-	+	-	+	-	-	-	+	-	-	-	+	-	+	-	+	-
8	-	-	+	-	+	-	+	-	-	+	-	+	+	-	-	-	+	-	+	-
9	+	+	+	-	+	-	+	+	+	-	+	-	+	-	-	-	+	+	-	-
10	+	-	+	-	+	-	+	+	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-

Обработка результатов. Все полученные данные были сгруппированы в две таблицы (для 1 группы и для группы 2). Для каждой из них было подсчитано количество ошибок и количество правильных ответов, отдельно для слов и бессмысленного набора букв. Если на стимул «слово» был получен ответ «бессмыслица», то он считался ошибкой и вносился в графу «количество ошибок». Если стимул «слово» был опознан как «слово», то он вносился в графу «количество верных ответов» и определялся как правильный ответ. В другой таблице, при определении бессмысленного набора букв как «слово», ответ считался ошибкой и вносился в графу «количество ошибок». При правильном определении бессмысленной информации ответ испытуемого заносился в графу «количество верных ответов» (см. таблицы 3,4).

Таблица 3. Экспериментальная ситуация № 1

Слова			Бессмысленный набор букв		
№п/п	Кол-во ошибок	Кол-во верных ответов	№п/п	Кол-во ошибок	Кол-во верных ответов

1	3	7	2	1	5
3	2	8	4	6	4
5	4	6	6	4	6
7	3	7	8	3	7
9	3	7	10	3	7
11	4	6	12	5	5
13	4	6	14	1	9
15	2	8	16	3	7
17	3	7	18	5	5
19	3	7	20	5	5
Сумма	31	69	Сумма	36	64

Таблица 4. Экспериментальная ситуация № 2

Слова			Бессмысленный набор букв		
№п/п	Кол-во оши-бок	Кол-во вер-ных ответов	№п/п	Кол-во оши-бок	Кол-во вер-ных ответов
1	4	6	2	5	5
3	1	9	4	3	7
5	0	10	6	1	9
7	1	9	8	3	7
9	3	7	10	2	8
11	2	8	12	1	9
13	0	10	14	2	8
15	5	5	16	2	8
17	0	10	18	3	7
19	3	7	20	1	9
Сумма	19	81	Сумма	23	77

Далее были отдельно просуммированы все данные по решению лексической задачи в каждой экспериментальной ситуации, и на основании общего количества правильных ответов и количества ошибок при определении слова или бессмысленной информации была составлена сводная таблица вариантов ответов испытуемых в каждой ситуации (см. таблицу №5).

Таблица 5.

Экспериментальная ситуация	Эффективность решения лексической задачи при опознании слова		Эффективность решения лексической задачи при опознании бессмысленного набора букв	
	Правильный ответ	Ошибка	Правильный ответ	Ошибка
1	69	31	64	36
2	81	19	77	23

Нами были получены следующие результаты исследования: наибольшее количество ошибок было допущено испытуемыми в 1 группе,

когда слова и бессмыслица были окрашены в одинаковый черный цвет. В этом случае количество ошибок составило 67 единиц.

Наибольшее количество правильных ответов было дано испытуемыми из 2 группы – 158 единиц, по сравнению с 1, где 133 единицы. Разница составляет 25 единиц.

В обеих группах испытуемые лучше опознавали слова, нежели бессмысленный набор букв. В 1 группе количество верных ответов опознавших слова составляет 69 единиц, а бессмысленную информацию – 64 единиц. Во второй группе - 181 единицу по сравнению с 77 единицами соответственно. Различия в качестве узнавания слов, окрашенных в черный цвет и в различные цвета, являются статистически недостоверными ($p > 0,05$).

Выводы

На наш взгляд, статистическая незначимость результатов связана прежде всего с небольшим объемом выборки. В полученных результатах можно проследить некоторую тенденцию. При предъявлении стимулов, которые различаются между собой по цвету, эффективность опознавания увеличивается, а количество ошибок снижается. Следует также учитывать, что каждое слово было окрашено в цвет, который с ним ассоциируется. Данные результаты можно объяснить тем, что такое разделение стимулов по цветовой гамме является своего рода подсказкой для испытуемого. Значит, сознание лучше опознает те стимулы, в которых есть цветовая подсказка. В отличие от Струп-теста, в данном случае интерференционного эффекта не наблюдается. Слово и цвет, в который оно окрашено, согласованы между собой. А значит, семантическая переработка стимулов происходит намного быстрее и легче. В процессе опознавания стимулов включается ассоциативная зона коры головного мозга. Ведь мы никогда не представляем себе, например, что зелень красная, а небеса желтые. Благодаря, тому, что цвет этих предметов всегда одинаков, зелень ассоциируется только с зеленым, а небеса только с голубым. Такая семантическая подсказка, как оказалось, позволяет опознавать стимулы намного качественнее.

Литература

1. *Агафонов А.Ю.* Основы смысловой теории сознания. СПб.: Издательство «Речь», 2003.

Т.Н.Подъячева

Влияние социально-психологических факторов на эффекты восприятия времени

Анализ факторов восприятия времени, изучение социально-психологических аспектов этого особого вида отражения способствует лучшему пониманию не только функционирования человеческой психики, но и познанию личности человека, включённого в социокультурный контекст. Кроме того, анализ факторов, влияющих на восприятие времени даёт возможность осуществить диагноз и прогноз социально-психологического развития личности, понять её регулятивные возможности в условиях уско-ряющейся социальной жизни.

Целью проведённого эмпирического исследования являлось выявление зависимости восприятия времени от социально-психологических факторов.

В ходе предварительного анализа научно-психологической литературы были выделены пять основных факторов, которые влияют на формирование отношения человека ко времени и восприятие течения времени на протяжении жизни: пол, возраст, уровень образования, место жительства и религиозность человека. Несомненно, перечисленные факторы не претендуют на полноту охвата всех переменных социально-психологического характера, однако можно предположить, что они имеют определённое, и, при том, весьма существенное детерминирующее влияние на процесс восприятия времени как социально-психологического феномена.

Сбор первичных социально - психологических данных производился посредством опроса респондентов по анкете, подготовленной специально для решения поставленной исследовательской задачи. Анкета включала в себя 36 закрытых вопросов с вариантами ответов. Наряду с вопросами, направленными на определение перечисленных выше факторов, был также включён ряд вопросов, касающихся основных параметров, что определяют субъективные представления человека о времени. Эти вопросы относились к таким аспектам времени, как насыщенность прошлого, настоящего или будущего значимыми событиями; воспринимаемая скорость течения времени; субъективное принятие или отвержение прошлого, настоящего или будущего; ориентация человека на прошлое, настоящее или будущее; субъективное представление человека о способности контролировать своё время и управлять им. Вопросы и варианты ответов на них составлялись таким образом, чтобы при необходимости можно было рассматривать ответы на каждый вопрос как представленные в ранговой шкале.

Аппарат экспериментальной психосемантики является адекватным и валидным инструментом исследования целого спектра социально-психо-

логических феноменов. Поэтому неслучайно, в исследовании использовалась психосемантическая методика субъективного шкалирования. Суть процедуры субъективного шкалирования заключается в оценивании испытуемым заданных объектов по некоторому набору шкал. Выбор набора объектов оценивания был продиктован предметом настоящего исследования и включал в себя три конструкта: «прошлое», «настоящее» и «будущее». В качестве критериев оценивания выступали оценочные биполяры, заданные парой оценочных прилагательных: медленное – быстрое, пустое – насыщенное, плавное – скачкообразное, приятное – неприятное, непрерывное – прерывистое, сжатое – растянутое, однообразное – разнообразное, организованное – неорганизованное, цельное – раздробленное, беспредельное – ограниченное. И методика Смирнова Б.Н. «Исследование психологической структуры темперамента».

Исследование социально-психологических особенностей восприятия времени проводилось с 2001г. по 2005г. Общая выборка исследования составила 142 человека. Социально-демографические данные испытуемых приведены в Таблице 1.

Таблица 1.
Социально-демографические данные испытуемых, принявших участие в исследовании.

Характеристика испытуемого		Количество испытуемых	% испытуемых от общей выборки
пол	женский	73	51.4
	мужской	69	48.6
возраст	14-24	68	47.9
	25-34	24	16.9
	35-60	41	28.9
	старше 60	9	6.3
образование	высшее	31	21.8
	неполное высшее	34	23.9
	среднее	72	50.7
	неполное среднее	5	3.5
место жительства	г. Самара	74	52.1
	сёла и посёлки Самарской области	27	19.0
	г. Тольятти	27	19.0
	г. Похвистнево	14	9.86
отношение к религии	верующие	111	78.2
	не верующие	31	21.8

Процедура исследования проводилась поэтапно и заключалась в последовательном заполнении бланков всех трёх методик, использовавшихся в исследовании.

В качестве метода статистической обработки данных был выбран метод дискриминантного анализа. С математической точки зрения этот метод очень близок дисперсионному анализу и множественной регрессии,

однако не требует таких строгих ограничений на анализируемые данные и может работать даже в случае только номинативных переменных. В этом случае аналогов дискриминантному анализу не существует. Основная идея, лежащая в основе этого метода, аналогична дисперсионному анализу и множественной регрессии и заключается в отыскании математической модели (уравнения), наиболее точно аппроксимирующей полученные экспериментальные данные. Наиболее общим применением дискриминантного анализа является включение в исследование многих переменных с целью определения тех из них, которые наилучшим образом разделяют совокупности между собой. При проведении пошагового дискриминантного анализа с исключением на каждом следующем этапе из общего набора переменных исключается та из них, которая вносит минимальный вклад в различение интересующих нас совокупностей. И, наоборот, при пошаговом анализе с включением на первом шаге выбирается переменная, обладающая максимальной различительной силой из всех оставшихся (ещё не включённых в дискриминантный набор) переменных. Решение о включении или исключения переменной из модели применяется на основании значения F статистики. Эта переменная вычисляется для каждой переменной и указывает на её статистическую значимость при дискриминации между совокупностями, то есть, она является мерой вклада переменной в предсказание членства в совокупности. Одновременно с этим вычисляется толерантность каждой переменной - мера её корреляции с другими переменными из набора, а переменные с наиболее низкой толерантностью также исключаются из анализа. В результате можно выбрать окончательный набор переменных, который наилучшим образом различает две или более совокупности. В нашем случае такими совокупностями будут, например, испытуемые разного возраста, пола и так далее – по каждому из исследуемых социально – психологических факторов.

Таким образом, дискриминантный анализ позволяет статистически достоверно определить те переменные, которые будут взаимно независимы и в максимальной степени объяснять различия между интересующими нас группами.

На основании проведённого анализа всех экспериментальных данных были сформулированы основные выводы эмпирического исследования:

1. Женщины склонны считать будущее периодом, наиболее насыщенным значимыми событиями, определяющими их жизнь. Для женщин характерно ожидание лучшего будущего. В то же время, для мужчин невозможно однозначно указать наиболее важный для них воспринимаемый период жизни: они могут ориентироваться как на будущее, так и на настоящее и прошлое.

2. Изменение субъективного отношения ко времени является одной из важных составляющих кризиса среднего возраста. До 35 лет вопрос отношения ко времени и отношения со временем не является для человека важным и актуальным, и поэтому человек рассчитывает на то, что самые важные события в его жизни ещё не произошли. Как следствие, до 35 лет человек не склонен рассматривать события, происходящие в его настоящей жизни, как имеющие для него решающие значения. Осознание того, что половина жизни уже прошла, приводит к переосмыслению собственного отношения ко времени и более серьёзному восприятию событий, происходящих в настоящем. В пожилом возрасте человек склонен задумываться о времени, переосмыслять события, произошедшие в его жизни, и не ждёт, что в будущем произойдут ещё какие-либо значимые события.

3. Для верующих людей вопрос об отношении ко времени и со временем становится более актуальным. Вера укрепляет представление людей о значимости их прошлого и событий, в нём происходивших, и даёт надежду на совершение значимых событий, в будущем, тем самым, наполняя их жизнь внутренним содержанием. Восприятие времени верующими является более целостным и гармоничным, с большим соотношением настоящего с прошлым и будущим, что приводит к снижению уровня эмоционального дискомфорта при восприятии настоящего, и большей осмысленности.

4. Характер полученного образования и профессиональной деятельности является основным фактором, определяющим субъективное отношение человека к своему прошлому, настоящему или будущему. Однако его влияние может быть как прямым, так и косвенным, поскольку часто профессиональная деятельность является не только целью, но и средством достижения других значимых для человека целей.

5. Восприятие времени является более целостным у людей, занятых более квалифицированным трудом, требующим высокого уровня образования. Для них настоящее воспринимается как связанное с прошлым и будущим, достигнутое в результате прошлого опыта и подготавливающее дальнейшие жизненные события. В то же время, люди с неполным средним образованием сконцентрированы на настоящем и не склонны рассуждать о времени и связывать настоящие события со своим прошлым и будущим.

6. Условия большого города являются стрессогенными для его жителей, что приводит к эмоциональному дискомфорту в их восприятии настоящего. В то же время в этих условиях личность обладает потенциально большими возможностями для самореализации, что позволяет воспринимать будущее с точки зрения потенциальных возможностей. Однако нестабильная социальная ситуация, сложившаяся в городе, может подрывать уверенность человека в завтрашнем дне и вызывать опасения по поводу

будущего. В то же время, жители небольших городов – районных центров, не видят перспектив собственной жизни и недовольны ей, что приводит к негативному восприятию своей жизни в целом и всех временных периодов в отдельности. При этом они не стремятся внести изменения в свою жизнь, внутренне соглашаясь с тем, что в их жизни не было и не будет никаких особенно значимых и позитивных событий.

7. Темперамент и особенности нервной системы не оказывают никакого влияния на восприятие времени как социально-психологического феномена. Социально-психологическое восприятие времени обусловлено исключительно факторами, имеющими социально-психологическую природу.

Литература

1. *Багрова Н.Д.* Фактор времени в восприятии человеком. Л.: Наука. 1980. 96 с.
2. *Бекасов О.Б.* Анализ событийной структуры жизненного пути личности. // Гуманистические проблемы психологической теории. М., 1995. с169-179.
3. *Болотова А.К.* Фактор времени в переживании и преодолении ситуации социальной нестабильности // Психология человека в условиях социальной нестабильности. М., 1994. С. 47-62.
4. *Бурлачук А.Ф., Коржова Е.Ю.* Психология жизненных ситуаций. М., 1998.
5. *Бурлачук Л.Ф., Полунин А.В.* Исследования времени в психологии: основания нового подхода / Актуальні проблеми сучасної психології. Харків, 1995. С.20-24.
6. *Волкова С.Ю.* Влияние уровня тревожности на оценку времени // Вопросы сенсорного восприятия. Свердловск, 1987. с. 140-145.
7. *Волович А.С.* Проблемы социализации выпускников средней школы. Канд. дисс. М., 1990.
8. *Дёмина Л.Д., Ральникова И.А.* Психическое здоровье и защитные механизмы личности. Алтай: изд-во Алтайского госуниверситета, 2000.
9. *Ковалёв В.И.* Личностное время как предмет психологического исследования // Психология личности и время. Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научно- теоретической конференции. Черновцы: 1991. Т.1. С.4-8.
10. *Ковалёв В.И.* Особенности личностной организации времени жизни // Гуманистические проблемы психологической теории. М., 1995. С. 179-185.
11. *Ковалёв В.И.* Особенности личностной организации времени // Активность и жизненная позиция личности. М., 1988. С. 110-127.

12. *Кроник А.А., Головаха Е.И.* Психологическое время: удивительные свойства сжиматься и прерываться // *Знание-сила*. 1983. №11. С.19-21.
13. *Кроник А.А., Хомик В.С.* Отношение ко времени // *Вопросы психологии*. 1988. №1. С. 98-105.
14. *Кудлицкене Л.Ю.* Организация времени личностью как показатель её активности // *Гуманистические проблемы психологической теории*. М., 1995. С. 185-191.
15. *Лисенкова В.П.* Об особенностях отражения времени человеком // *Психологический журнал*. 1981. №1, Т.2, с.113-119.
16. *Логина Н.А.* Жизненный путь человека как проблема психологии // *Вопросы психологии*. М.:Наука 1978. с.156-172.
17. *Лычковская О.Р., Баш Е.В.* Трансформирующаяся реальность в субъективных представлениях о времени. (Теоретические и эмпирические аспекты исследования) // *Харьковские социологические чтения – 98*. Харьков, 1998.
18. *Митина Л.М.* Статистический анализ некоторых закономерностей восприятия пространства и времени // *Экспериментальные исследования по проблемам общей, социальной психологии и психофизиологии*. М., 1976.
19. *Молчанов Ю.Б.* Проблема времени в современной науке. М.: Наука, 1990. 132 с.
20. *Росек К.* Психологические особенности личностной ориентации во времени у пожилых людей // *Новые исследования в психологии*. М., 1990. №2, С.4-7.
21. *Самохина Т.В. и другие.* Методы изучения психического времени как показатель адаптации. / *Адаптационные возможности человека в условиях больших городов*. Л.: Наука. 1988. с.64-67.
22. *Серенкова В.Ф.* Исследование проблем психологии времени // *Методологические и теоретические проблемы современной психологии*. М., 1988. С.89-99.
23. *Серенкова В.Ф.* Типологические особенности планирования личностного времени // *Гуманистические проблемы психологической теории*. М., 1995. С. 192-204.

Д.А.Тулейкина

**Исследование роли эффекта семантического
предшествования в решении задачи на
опознание**

Научный руководитель А.Ю.Агафонов

Широко известны многочисленные эксперименты, в которых доказывалась роль неосознаваемой информации в процессе осознания предъявляемых стимулов. Так, А. Марсел в своем эксперименте обнаружил так называемый эффект семантического предшествования.

Эксперименты, подтверждающие существование этого эффекта, навели нас на мысль о присутствии данного явления в случае решения задачи на узнавание ранее предъявленных стимулов. Это позволило сформулировать проблему исследования: существует ли связь между скоростью и точностью опознания ранее предъявлявшегося стимула в новом стимульном ряду и предшествующим неосознаваемым предъявлением семантически связанного с ним слова.

Цель исследования: установить зависимость скорости и точности опознания ранее предъявлявшихся стимулов от порогового предъявления семантически связанных с ними слов.

Теоретическая гипотеза исследования: неосознаваемое семантическое предшествование связано с актуальным осознанием.

Эмпирическая гипотеза: ранее предъявлявшийся стимул в новом стимульном ряду опознается точнее и за меньшее время, если первому его предъявлению предшествовало неосознаваемое предъявление семантически связанного с ним слова.

Общая характеристика процедуры исследования

Объектом данного исследования является гетерогенная группа из 15 человек в возрасте от 12 до 68 лет.

Предмет исследования: точность и скорость опознания стимула в стимульном ряду.

Для исследования был выбран метод предъявления лексических стимулов с помощью программы Stimul, позволяющей варьировать условия предъявления (размер и цвет шрифта, цвет фона, время предъявления). Ответы испытуемые фиксировали путем нажатия на клавишу.

В качестве стимульного материала использовались пятибуквенные слова, относящиеся к разным семантическим группам и выровненные по частоте встречаемости в речи. На первом этапе было отобрано 150 слов, сто из которых объединили в связанные по смыслу пары. Для второго опыта применялось 100 слов из первого стимульного ряда (50 «одиночных» стимулов и 50 «парных») и 100 новых слов.

Проведение процедуры исследования. На первом этапе исследования каждому испытуемому давалась инструкция: «На экране вам будут предъявляться слова. Вы должны их запомнить. Будьте внимательны: слова будут предъявляться на короткий промежуток времени». После этого на белом фоне предъявлялись слова, написанные черным шрифтом (размер 64). Стимулы предъявлялись в следующем порядке: первое слово на 20 мс, затем слово, связанное с ним по смыслу, на 1000 мс, затем слово, не

связанное с первыми двумя, на 1000 мс. Межстимульный интервал – 500 мс.

На втором этапе испытуемые получали следующую инструкцию: «На экране вам будут предъявляться слова. Если вы увидите слово, которое предъявлялось вам в прошлом ряду, вы должны как можно быстрее нажать на клавишу «пробел». После чего испытуемым в случайном для них порядке предъявлялось 200 слов. Время предъявления стимула на этом этапе – 1500 мс, межстимульный интервал – 500 мс

Обработка результатов исследования. Обработка результатов заключалась в вычислении процентного соотношения и среднего времени опознания стимулов различных групп (данные представлены в таблицах 1,2). В расчет брались три группы стимулов:

1. «Парные» стимулы – те, которым в случае первого предъявления предшествовало кратковременное предъявление семантически связанных с ними слов.
2. «Одиночные» стимулы – те, которые не имели пары.
3. Ошибочно воспроизведенные стимулы – новые слова, которые отсутствовали в исходном стимульном ряду.

Каждому парному и одиночному стимулу соответствует 2 % от исходного числа стимулов (50 стимулов – 100 %, 1 стимул – 100/50, т.е. 2 %). Каждый ошибочно воспроизведенный стимул – 1 % (100 стимулов – 100 %, соответственно, 1 стимул – 1 %).

Таблица 1. Качество узнавания стимулов (в % от исходного числа стимулов)

№ исп.	П	О	Ош
1	731	683	827
2	776	772	882
3	804	830	778
4	736	796	888
5	770	782	887
6	803	829	842
7	814	736	726
8	618	598	541
9	898	992	1011
10	678	650	824
11	925	897	1072
12	907	841	785
13	782	764	925
14	396	762	521
15	709	597	730
Среднее	756	769	816

Что касается времени опознания стимулов, то для каждого испытуемого вычислялось среднее время узнавания стимулов каждой из трех групп.

Затем вычислялся средний для всей группы процент и время опознания слов.

Таблица 2. Время узнавания стимулов (в мс)

№ исп.	П	О	Ош
1	40 %	32 %	12 %
2	46 %	58 %	10 %
3	58 %	50 %	16 %
4	30 %	20 %	4 %
5	56 %	52 %	16 %
6	24 %	20 %	10 %
7	50 %	52 %	16 %
8	78 %	62 %	9 %
9	40 %	38 %	8 %
10	90 %	66 %	9 %
11	42 %	28 %	2 %
12	38 %	36 %	16 %
13	64 %	36 %	1 %
14	64 %	52 %	5 %
15	60 %	38 %	8 %
Среднее	52 %	43 %	9 %

П – парные стимулы,

О – одиночные стимулы,

Ош – ошибочное узнавание.

Результаты и их обсуждение. В результате исследования мы обнаружили, что время опознания стимулов, которым предшествовало семантически связанное слово, на 13 мс меньше, чем одиночных. Парных слов в среднем узнается на 9 % больше, чем одиночных. Эти различия нельзя считать достоверными ($p > 0,05$), поэтому можно говорить о том, что исходная гипотеза не подтвердилась.

При построении гипотезы мы руководствовались следующей логикой. Смысл слова, предъявленного на пороговом уровне, может не осознаваться в актуальный момент времени, но в любом случае это слово перерабатывается сознанием (происходит семантическая переработка). Поэтому если следующее за ним слово находится в том же семантическом поле, происходит как бы «повторение», «заучивание». Человек запоминает не столько сам стимул, сколько смысл. Одиночные же стимулы должны запоминаться механически. Но так как «осмысленное» запоминание, то есть запоминание семантического поля, более эффективно по сравнению с механическим, то при однократном предъявлении парные стимулы, даже если один из них не осознается, запоминаются прочнее и в большем

объеме, нежели одиночные. Соответственно опознание парных стимулов должно быть более качественным и происходить быстрее, т.к. для их припоминания требуется меньше времени.

В то же время при обосновании гипотезы не были учтены некоторые побочные переменные. Часть из них, например, состояние, мотивация испытуемых, контролю не поддаются. Важным фактором являлось также и то, что некоторые испытуемые запоминали слова, соответствующие их интересам, потребностям, установкам. Существует также еще одна побочная переменная, которую можно проконтролировать в последующих исследованиях: многие испытуемые одиночные слова объединяли в семантические группы, иногда туда же включались и парные стимулы (например: ручей, озеро, волна, моряк), поэтому значимых различий в количестве опознанных стимулов не наблюдалось. Судя по отчетам испытуемых, именно по этой причине часто происходило ошибочное узнавание: среди новых стимулов опознавались те, которые были связаны по смыслу с ранее предъявлявшимися (так, например, вместе со словом «спорт» ошибочно узнавались слова «табло», «игрок», «мышца»). Для устранения этого фактора необходимо подобрать стимулы таким образом, чтобы максимально снизить возможность их объединения в семантические группы.

Кроме того, при данной процедуре фиксации времени узнавания многое зависит от скорости сенсомоторной реакции. Часто к концу процедуры за счет утомления происходило увеличение времени реакции.

Однако можно говорить о том, что неосознаваемая информация все же влияет на эффекты осознания. Если принять во внимание то, что испытуемые осознанно объединяли стимулы в семантические группы, но при этом различия во времени и качестве опознания парных и одиночных стимулов незначимы, то можно сделать вывод о том, что смысл неосознаваемого элемента все же создается и служит своеобразным смысловым или ассоциативным «подкреплением» при запоминании.

НАПРАВЛЕНИЕ 2. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

О.П. Зинченко

Социально-психологические аспекты эффективного взаимодействия

В настоящее время большинство авторов отмечает, что нормальное, эффективное общение по своему внутреннему содержанию является диалогом, так как именно в диалоге наглядно прослеживаются все характеристики, присущие субъект-субъектной природе общения (М.С.Каган, А.М.Эткинд, Л.А.Петровская, А.Ф.Копьев, Г.А.Ковалев, Л.А.Радзиховский, Т.А.-Флоренская, А.У.Хараш, С.А.Шеин, Л.И.Рюмшина и др.).

А.А.Бодалев говорит, что «общение, в ходе которого один человек доверяет другому свои мысли о важных событиях, чувствах, раскрывая те или иные стороны своего внутреннего мира, называется доверительным» [1].

Внутренний мир каждого человека относительно замкнут, а передача информации предполагает оценку ее содержания обоими участниками общения, что с психологической точки зрения особенно важно. Поэтому главным является момент вовлечения во внутренний мир, а не факт передачи информации. Анализ литературы показывает, что такое вовлечение предполагает добровольность одного индивида как обязательный компонент истинного доверия и децентрацию другого на внутреннем мире первого. Вынужденная, не добровольная передача информации не служит фактом проявления доверия, а без децентрации налицо лишь факт передачи и приема информации, то есть акт коммуникации, но не факт вовлечения во внутренний мир другого.

В основе эффективного взаимодействия лежит акт отношения или, выражаясь словами М.Бубера [2], акт соприкосновения, предполагающий принципиальную неустранимость дистанции между субъектом и объектом принятия, в то время как в основе веры лежит акт принятия вплоть до отождествления, что принципиально невозможно между людьми. Ведь сколь глубоко ни доверял бы один человек другому, он не способен с ним отождествиться, взаимодействующие субъекты в любом случае остаются различными автономными, суверенными субъектами активности.

Сходная мысль выражена в работе А.А.Кроник и Е.А.Кроник [4], посвященной изучению значимых отношений человека. Авторы, описывая свой опыт консультативной работы с семьей, пишут, что «только будучи уже сам на очень высокой ступени личностного развития, освоив высший пилотаж общения, человек постигает, наконец, что другой – это Другой! Ты

не можешь то, что может он, а он не может (и не должен мочь) того, что можешь ты. Но ты его выбрал, он открыл тебе новый мир, он внес в твою жизнь свои умения, опыт, свою мудрость, свою любовь. Да, он доверил тебе и свои недостатки» [4, с. 21].

Таким образом, можно говорить, что следствием эффективного взаимодействия субъектов являются отношения, строящиеся на взаимопроникновении людей в смыслы друг друга, что служит условием порождения новых смыслов. Именно поэтому, выражаясь словами М.М.Бахтина, оно «творчески продуктивно», причем имеется в виду, естественно, не просто понимание передаваемой информации и ее оценка, а понимание личности друг друга, взаимопроникновение в субъективный мир друг друга и формирующиеся на этой основе отношения друг к другу.

Условиями подлинного взаимного доверия, по мнению Т.П.Скрипкиной, будут выступать добровольность, децентрация и социально-психологическая взаиморефлексия, которые позволяют творчески решать стоящие перед взаимодействующими индивидами задачи и формировать взаимоотношения друг к другу [6]. Поэтому доверительность в отношениях предполагает не столько познание другого, сколько вовлечение другого (или друг друга) в собственный внутренний мир, причем различными способами, а не только посредством самораскрытия, понимаемого как передача конфиденциальной информации.

Таким образом, в процессе общения происходит не только и даже не столько процесс передачи информации, сколько взаимное согласие людей принимать воздействия друг друга при условии, что они относятся к себе и к другому как к автономному суверенному субъекту активности и как к ценности. И в этом смысле вновь можно констатировать, что факт взаимодействия является порождающим, ибо он порождает новую реальность, новые смыслы в силу происходящего взаимовлияния.

В социально-психологических исследованиях, посвященных изучению межличностных отношений, Н.Н.Обозов и другие авторы неоднократно отмечали, что «отношения вражды проявляются в отсутствии доверия, скупости в контактах и передаче информации партнеру, тенденции к размежеванию и обнаружению различий» [5, с. 119].

А.И.Донцов, основываясь на исследованиях, проведенных М.Дойчем, указывал, что выбору партнерами по взаимодействию корпоративной или некорпоративной стратегии кооперации способствуют:

- 1) свобода и открытость коммуникативного обмена;
- 2) взаимная поддержка действий, убеждение в их оправданности и правомерности;
- 3) дружелюбие и доверие в отношениях сторон [3, с. 208].

Взаимное доверие выступает условием или модусом эффективного взаимодействия «человек-человека». Именно доверие является системообразую-

щим фактором общности «мы», то есть благодаря его наличию возможно установление связи между людьми. Причем независимо от того, осуществляется ли эта связь в рамках совместной деятельности, совместно решаемых задач или в каких-то других ситуациях. Учитывая традицию отечественной социальной психологии, можно утверждать, что совместно выполняемая деятельность, с одной стороны, невозможна без доверия, а с другой – способствует установлению доверительности в отношениях.

Необходимо выделить специфику изучения эффективного взаимодействия и в зарубежной психологии. Например, А. Рапопорт с помощью стратегии, разработанной для игры «дилемма заключенного», показал социально-психологический принцип сотрудничества. В этой игре наилучшего результата победитель достигает тогда, когда делит выигрыш с оппонентом и не пытается выиграть за чужой счет. По его мнению, жизнь – это игра со смешанными мотивами, где интересы людей частично совпадают, частично противоречат друг другу. Чтобы достичь желаемого люди должны сотрудничать. То есть последовательно доверять и быть готовыми поделиться выигрышем. «Вы играете раз за разом с одним партнером, так что происшедшее в одной партии влияет на то, что произойдет в следующей. Периодически у вас появляются новые партнеры, так что со временем круг людей, с которыми вы контактируете, становится очень широким. Основная цель деятельности – набрать наибольшую сумму баллов, но для этого вовсе не обязательно сокрушать соперника в каждой партии. Поэтому, делая выбор надо начинать не с вопроса «Как мне лучше поступить?», а с вопроса «Как нам лучше поступить?» и если имеется взаимное доверие, достаточное для сотрудничества, тогда ответ очевиден» [7].

Доверие всегда предполагает ценностное отношение к личности другого, основанное на позитивном прогнозировании его будущих поступков. Поэтому психологически доверие строится на основе отношения к потенциально позитивным возможностям личности другого. Доверяя другому, человек рассчитывает, что тот не поступит ему во вред. С социально-психологической точки зрения – это рефлексивный процесс, заключающийся в том, что человек оценивает другого в предикативной форме: не предаст, не использует полученную информацию во вред, не будет пренебрегать ею, но эти оценки и ожидания не всегда оправдываются. Поэтому доверие связано с риском.

Все вышесказанное дает основание предположить существование между людьми отношений, которые можно трактовать как внутреннее состояние готовности к проявлению принятия, хотя бы одного из двух взаимодействующих субъектов, как внутреннюю диспозицию личности на людей вообще и на определенный круг лиц в частности. В связи с этим становится очевидным, что если в любом акте общения или взаимодействия людей существует определенная доля доверия (ибо доверие есть условие любого обще-

ния), то его количество или мера есть динамическая характеристика, определяющая качественную сторону эффективного общения или взаимодействия, и чем выше уровень или мера доверия в общении и взаимодействии (причем взаимного доверия), тем сильнее выражена связь в отношениях между людьми и только тогда они способны к сотрудничеству.

Литература

1. *Бодалев А.А.* Личность и общение. – М., 1990.
2. *Бубер М.* Два образа веры. – М., 1995.
3. *Донцов А.И.* Психология коллектива. – М., 1984.
4. *Кроник А.А., Кроник Е.А.* В главных ролях: вы, мы, он, ты, я. Психология значимых отношений. – М., 1989.
5. *Обозов Н.Н.* Психология межличностных отношений. – Киев, 1990.
6. *Скрипкина Т.П.* Психология доверия: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: «Академия», 2000.
7. *Rapoport, Anatol.* Fights, games and debates. Ann Arbor: University of Michigan Press. 1960.

А.В.Соболева

Социально-психологические механизмы стигматизации людей с гомосексуальной ориентацией

В настоящее время туберкулез утратил свою устрашающую легенду. Как метафора зла он более не пригоден. Мы научились обходиться более осторожно и со словом «рак». Их место занял СПИД как оскорбительная и унижительная метафора. А затем, к нему присоединился гомосексуализм.

Гомосексуализм, как рак, СПИД, а прежде – туберкулез, одновременно является метафорой. Это понятие может означать что угодно, но ничего хорошего. Таким образом, слово «гомосексуализм» становится метафорой диффамации. Его употребление в качестве метафоры является решающей основной частью стигматизации.

Термин «гомосексуализм» приобрел самостоятельное значение, не соответствующее современному представлению о гомосексуализме. Это прямое последствие «инструментализации» понятия как метафоры, которая приобрела признаки диффамации. Гомосексуализм как метафора не имеет ничего общего с гомосексуальной ориентацией как таковой. Гомосексуализм как метафора питает представления о непредсказуемости и насилии, о непонятном, странном и алогичном поведении. Находят ли тинэйджеры в ком-то «гомо», или политические деятели высмеивают

своих противников – разницы никакой. Само слово удивительным образом подходит в качестве оскорбительной аббревиатуры.

Употребление слова «гомосексуализм» в качестве метафоры является фактом, который невозможно отрицать. Это не может не оказывать влияния на понимание гомосексуализма общественностью и самим гомосексуалистом.

При стигматизации отдельных групп речь идет об удовлетворении некой общественной потребности: «кажется, что любому обществу необходима болезнь, которую можно было бы отождествить со злом, а ее жертв воспринимать как позор» [8]. Для этой цели гомосексуализм бесспорно подходит – так же как рак, СПИД и шизофрения. Это непонятная болезнь. Она воспринимается многими как нечто ужасное.

«В конечном счете, все зависит от личного восприятия и социальной политики, от результатов борьбы за правильное обозначение гомосексуализма в нашей речи, т.е. от того, как он ассимилируется в аргументации и привычных клише. Древний, казалось бы, непререкаемый процесс, согласно которому значение гомосексуализма возрастает, в зависимости от того, как он поддерживает глубоко запрятанные страхи, и приобретает характер стигмы» [8].

Что же такое страх? Ответить на этот вопрос не просто. Как известно, для определения какого-либо явления необходимо прежде всего выяснить его родовую сущность – включить в более широкий (в идеале, в предельно возможный) класс явлений, объясняющих природу данного явления, или, в гносеологическом плане, подвести понятие данного явления под более широкое. В истории становления понимания феномена страха и в его современных трактовках мы встречаемся с попытками определения страха как чувства, эмоции, аффекта, страсти, фрустрации. Заметим, что за каждым определением стоит солидная экспериментальная база, результаты экспериментов обобщены и оформлены как научные направления, выработаны соответствующие методики, ставшие во многом эффективными средствами профилактики неврозов, возникающих по поводу тех или иных разновидностей страха. Вместе с тем следует признать, что обобщающей теории страха, при всей важности этого общественного феномена, пока еще не создано.

Анализ работ психологов, так или иначе связанных с изучением страха, показывает, что трудности его понимания – во многом результат того кризисного состояния, в котором оказалась современная психология эмоций. Рассматривая причины методологического тупика В. К. Вилюнас в числе наиболее серьезных причин называет сведение эмоций, в том числе и страха, либо к чувственной, либо к когнитивной сфере, что во многом является отражением до сих пор не преодоленной

общеметодологической, общефилософской дилеммы сексуализма и рационализма.

«Специфика психического образа-эмоции заключается в том, что он с одной стороны, воплощает в себе выработанное в результате онто- и филогенетического развития индивида воззрение на окружающий мир, а с другой – образ-эмоция обуславливает предметно-чувственную ориентацию человека в мире. Даже если какой-то (чувствительный или рациональный) компонент психического образа и доминирует над другим, в нем сохраняются черты подавленного компонента. В психическом образе органически сплетены непосредственное субъективное видение внешнего мира с рациональными уровнями его отражения. В свою очередь когнитивные образования имплицитно содержат в себе все богатство конкретных способов взаимоотношения человека с миром.

Природа эмоций заключается в появлении рассогласований между наличным психическим образом человека, отразившим потребности наличной практики, и образами, либо всплывающими в памяти из прошлого, либо конструируемыми как желаемое будущее, либо возникающими в результате изменения взаимоотношения человека с реально окружающим его миром. Если бы этих рассогласований не было, то не было бы эмоций.

В таком случае страх следует понимать как результат рассогласования наличного психического образа с другими, когда эвристические и перцептуальные потенции наличного образа беднее потенций этих образов. Именно образное представление собственных потенций, саморефлексия собственного качества лежат в основе определения границ признанности качества человека в иных социальных, противостоящих ему, структурах, а также определения полезности этих структур для развития самого человека.

У человека под воздействием биологических инстинктов и при активном воздействии среды, формируется в виде неврифицированных образов объективное состояние страха, способное при соответствующих обстоятельствах оформляться в соответствующие наглядные образы. Это состояние может усиливаться за счет привнесения неопределенности, а может уменьшаться при определенном сочетании объективных и субъективных факторов человеческого взаимоотношения с миром. Но исчезнуть совсем оно не может, выступая тем фундаментом, на котором строятся все конкретные проявления страха» [1].

Поскольку рациональными средствами этот совокупный феномен объективного страха в силу его виртуальности зафиксирован быть не может, то его называют иррациональным основанием страха.

«Механизм становления и функционирования психического образа, рассматриваемый сквозь призму взаимодействия чувственного и

рационального, позволяет высветить проблему появления иррационального содержания рефлектирующей деятельности. Появление иррационального заложено уже в самом образе как результат несовпадения эвристических мощностей чувственного и рационального компонентов образа. Достраивая образ до целостного состояния, чувственная сфера, например, выполняя определенные функции рационального, искажает реальный процесс рефлексии, экстраполируя на совокупный образ собственные чувственные потенции. С другой стороны, если доминирует рациональная сфера, то образ строится с искажениями, привносимыми в результате экстраполяции рационализированных сущностей. Кроме того, в результате сопоставления наличного образа с образами прошлого или будущего появляются новые иррациональные качества, которых не было первоначально. Можно предположить, что наиболее сильные эмоции человек испытывает как раз в результате рассогласования наличного психического образа с образами иррационального мировидения, поскольку если для «встречи» образов прошлого или для конструирования образов будущего он располагает определенными инвариантами их согласования и корректировки, то иррациональные образы всегда неожиданны и для их признания или отвержения подчас просто не существует адекватных средств. Эти образы могут быть вытеснены в бессознательную сферу: время от времени напоминая о себе, они, наконец, могут быть рационализированы с соответствующей выработкой чувственного к ним отношения, но могут стать и самостоятельными регуляторами психического мира, блокируя другие образы, подавляя их, то есть вносить существенные рассогласования в психические структуры, вплоть до их разрушения» [1].

Итак, мы выявили, что страх принадлежит к ряду понятий, имеющих множество определений, которые практически невозможно операционализировать в силу их многогранности и полисемантической. В психологии страх рассматривается преимущественно как одно из эмоциональных состояний человека, аффектов, возникающих в качестве реакции на какое-то событие (опасность). А иррационализм – система образов-фетишей, которые составляют фундамент иллюзорного миропонимания. Еще З. Фрейд разграничивал реальную опасность и, следовательно, реальный страх и неопределенную опасность, порождающую иррациональный, «невротический» страх. Преимущественно страх базируется на непонятности и неопределенности (в нашем случае – этиологии и генеза гомосексуализма). Страх непонятного – это, по словам Фрейда, «страх «Я» перед неизвестной реальностью» [9]. Действительно, даже на уровне обиходного языка мы нередко выражаем идею такого страха, говоря, что любая, даже страшная определенность, лучше любой неопределенности, которая не позволяет

подготовиться к опасности и вызывает ощущение полного отсутствия контроля над ситуацией. А чем меньше информированность о реальной опасности, тем более выражен иррациональный компонент страха.

Для обывателей «гомосексуализм» – это странное, непонятное, чуждое явление. Гомосексуализм для них – сигнал опасности. Таким образом, слово «гомосексуализм», если оно употребляется в его первоначальном смысле, ведет прямым путем через метафору к стигме.

Гомосексуализм как метафора берет свое начало от безоговорочных, предвзятых представлений о нем как о болезни. Употребление слова «гомосексуализм» в качестве метафоры, в свою очередь, формирует общественное мнение о людях с гомосексуальной ориентацией. Гомосексуализм превращается в диагноз, который во что бы то ни стало надо скрывать. Так как, предубеждения против гомосексуализма переносятся на конкретных гомосексуалистов.

Что происходит, если кто-то признается, что он – гомосексуалист: собеседники отступают на должную дистанцию. Включается внутренний сигнал тревоги. Оживают все предубеждения и предостережения, связанные со словом «гомосексуализм»: непредсказуемость, агрессивность, недопустимость, продажность, чуждость, СПИД и многое другое со знаком «минус».

Это страх. Страх стар, как мир, и чрезмерные, необоснованные, мучительные страхи тоже. Страх настолько же важен для сознания, как боль для тела, – это сигнал, предупреждающий об опасности.

Иррациональные, необъяснимые, неразумные страхи. Подобным образом боялись люди на протяжении тысячелетий. Человек боится чего-то неопределенного, связанного вполне с обычным предметом или ситуацией. Если он попытается объяснить, чего именно он опасается, то, скорее всего, получится что-то из области ненаучной фантастики. Это тот страх, который кажется, превыше всех разумных доводов. Вот он, иррациональный страх, который невозможно победить с помощью логических доводов.

Поэтому, откровения гомосексуалистов фатальным образом изменяют отношение к ним обычных людей. Они сделали свою стигму очевидной для других. И стигма выводит их за рамки привычных социальных связей.

Трудность заключается и в том, что сами люди с нетрадиционной сексуальной ориентацией являются частью общества и в известной степени разделяют те же представления об образе гомосексуализма – вопреки собственному опыту.

Гомосексуальная ориентация человека изменяет личную жизнь – жизнь его самого и жизнь его друзей и родственников.

Это также обвинения и самообвинения. Гомосексуалисты задают себе мучительный вопрос: «Почему именно я?» Родственники, и в первую очередь родители, так же мучительно спрашивают себя: «Что мы сделали неправильно?» Так как родственники гомосексуалистов также отмечены стигмой: напрямую – обвинением, опосредованно – тесной связью с гомосексуалистом. Они постоянно ощущают это в общении с соседями, друзьями, знакомыми, как если бы гомосексуализм был заразен. Стоит напомнить: «каждая болезнь, к которой относятся как к тайне, которой очень опасаются, воспринимается в моральном (если и не в буквальном) смысле как заразная» [8].

Итак, признание в наличии гомосексуальной ориентации сегодня слишком часто становится социальной катастрофой. Так как человек начинает страдать от предубеждений, диффамации и обвинений, то есть от стигмы. Те люди, которые узнают о его нетрадиционной ориентации, при встрече с ним выстраивают образ гомосексуалиста на основании собственного опыта социализации. При этом проявляется более или менее выраженные предубеждения в форме страха предполагаемой непредсказуемости или опасности. И сознание предубежденного отношения приводит к тому, что многие гомосексуалисты и их близкие стараются скрыть нетрадиционную ориентацию.

Но это все же имеет свои последствия, так как сокрытие одной из сторон своей личности очень обременительно. Социальная жизнь в атмосфере обмана может ввести человека в длительную депрессию и завершится суицидом. Так как гомосексуалисты, которые скрывают свою сексуальную ориентацию, живут в состоянии напряжения и страха быть разоблаченными и дискредитированными.

Другими словами, сокрытие своей гомосексуальной ориентации способно решить некоторые проблемы, но обостряет другие.

Однако мы не должны оставаться во власти иллюзий и думать, что способны коренным образом изменить положение дел. Мы должны пытаться смягчить, а в отдельных случаях, быть может, и преодолеть особенно опасные и иррациональные предубеждения с помощью целенаправленного просвещения и завоевания симпатий.

Но, что касается средств массовой информации, на которые очень многие возлагают огромные надежды, то просветительная кампания практически невозможна. Да, она должна была бы заключаться в том, чтобы с помощью понятной, доступной информации добиваться разрушения существующих предубеждений и страхов общения с гомосексуалистами, формировать, на основе полученных новых знаний, доброжелательное понимание. Но главным признаком средств массовой информации в настоящее время является искажение фактов вместо информации, поляризация вместо примирения, обострение вместо выравнивания, распространение

подозрений вместо разъяснений, плакатное обобщение вместо дифференцирования. Поэтому, то, чего реально можно достичь с помощью средств массовой информации, это только контроль над чрезмерно радикальными реакциями и уродливыми проявлениями стигматизации.

Итак, речь идет о страхах, иррациональных страхах, которые поддерживают стигматизацию. А иррациональность невозможно преодолеть с помощью просвещения и увеличения знаний. Поэтому работа над убеждениями должна быть работой по формированию отношений. Только тогда, когда имеется личная убежденность, можно на ее основе строить доверие, можно придавать динамику социальным представлениям о гомосексуализме и таким образом изменять старые представления. В конце этого процесса, но не в начале его, можно начать заново конструировать свои знания.

Литература

1. *Андрусенко В.А.* Социальный страх: Опыт философского анализа. Свердловск: Уральский университет, 1991
2. *Борохов А.Д., Исаев Д.Д., Столяров А.В.* Социально-психологические факторы гомосексуального поведения у заключенных // Социологические исследования, 1990. № 6. С.93 – 97
3. *Голод С.И.* XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб.: Апетейя, 1996
4. *Кисилев М.Ю.* Страх и стигма: о социально-психологических механизмах стигматизации больных СПИДом и жертв радиационных катастроф // Психологический журнал. 1999. Том 20. С.40-47
5. *Клейн Л.С.* Другая любовь. Природа человека и гомосексуальность. СПб. 2000
6. *Кон И.С.* Любовь небесного цвета. СПб.: «Продолжение жизни», 2001
7. *Морз Б.* Лесбиянки. Пер. с англ. Кулаков В.Г., Кузнецов С.В. М.: Пан Маркет, 1993
8. *Финзен А.* Психоз и стигма. Пер. с нем. Сапожниковой И.Я. М.: Алетейя, 2001
9. *Фрейд З.* Страх. Пер. с нем. Вульф М.В. М.: Современ. проблем, 1927.

НАПРАВЛЕНИЕ 3. ПЕРИНАТАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Н.С.Куделькина

О некоторых психологических аспектах «партнерских» родов

В настоящий момент активно закрепляется традиция так называемых совместных или партнерских родов. Мужчины все чаще оказываются в родовом зале вместе со своими рожаящими женами. Причем в современном обществе, не только западно-европейском, но уже и в российском, это далеко не редкость, а скорее отражение «модной» тенденции, которая очевидно будет в дальнейшем усиливаться.

Интересно отметить: несмотря на то, что имеет место целый ряд практических разработок (программ и курсов), ориентированных на реализацию и «пропаганду» партнерских родов, **практически отсутствуют сколько-нибудь серьезные попытки научного исследования данного феномена** (его психологических механизмов, последствий, пользы, вреда, специфических эффектов). Такое неосторожное внедрение, не получивших должное изучение явлений, в лучшем случае может оказаться бесполезным и хаотичным («кто во что горазд») и приведет к неконтролируемым последствиям.

Исходя из этого, целью данной статьи видится очерчивание круга проблем, связанных с *психологической реальностью* родов «вдвоем», а так же выделение основных линий анализа данного феномена, которые будут в дальнейшем нами разрабатываться.

Для начала рассмотрим, те факты, которые считаются установленными практикой.

Так, результат участия супружеской пары в родах может объективно оказаться как позитивным, так и негативным.

В качестве положительных последствий констатируются такие, как:

- укрепление семейных отношений,
- формирование у отцов большей привязанности к ребенку,
- более благоприятное протекание родов,
- лучшее сотрудничество роженицы с персоналом родильного дома.

К отрицательным относят:

- разрушение семейных взаимоотношений, в основном из-за утраты мужчиной сексуального влечения к жене,
- осложненное протекание родов,

□ затруднение установления отношений сотрудничества с персоналом как со стороны рожаящей женщины, так и со стороны мужчины-супруга.

Что же касается субъективного отношения самих «рожающих» к феномену партнерских родов, то необходимость рожать «супружеской четой» самими супругами, готовящимися стать родителями, так же оценивается неоднозначно. И мужчины и женщины имеют и аргументы «за» и опасения «против» такого совместного опыта. Причем, если рассмотреть количественное соотношение готовых к партнерским родам мужчин и женщин, то оказывается, что со стороны женщин «готовых» к подобному опыту больше (порядка 60%), нежели мужчин (по нашим данным, около 30-40%).

Интересно рассмотреть женские и мужские мотивы участия в партнерских родах или отказа от них.

Так, женщины считают, что присутствие мужа в родах могло бы быть полезным, так как, это

- обеспечило бы им эмоциональную поддержку,
- облегчило бы взаимодействие с персоналом родильного дома (муж являлся бы в данном случае посредником между медиками и женой),
- укрепило бы отцовские чувства к ребенку (в народе явно бытует мнение, основанное на научно-популярных публикациях, о том, что чем раньше отец увидит свое дитя, тем сильнее он его полюбит),
- укрепило бы семью в целом, так как «семья тем крепче, чем большее количество совместных семейных событий она переживет»,
- муж мог бы помогать в родах тем, что делает массаж, например, или еще чем-то... (в целом, чем именно он может помочь женщинам не совсем понятно).

Мужчины считают свое участие в родах необходимым из следующих «соображений»:

- чувство долга перед любимой женщиной, должен поддержать,
- предупредить возможную невнимательность со стороны персонала,
- пережить роды как совместное семейное событие,
- оказаться хоть в чем-то полезным,
- продемонстрировать свою смелость и современность.

Мотивы нежелательности совместных родов:

У женщин:

- боятся, что муж испугается и упадет в обморок,
- боятся быть непривлекательными в момент родов, чтобы муж видел «в таком состоянии»,
- боятся, что муж потеряет к ним сексуальный интерес в дальнейшем.

У мужчин:

- страх врачей, больниц, медицинских процедур, родов,
- не понимание смысла своего присутствия («а я то там зачем»).

Несмотря на такое противоречивое отношение к феномену совместных родов как у ученых, так и у самих, готовящихся к родам родителей, и не смотря на двоякие результаты самой практики интересующего нас феномена, социальный запрос на подобную практику достаточно четко обозначился. И как его отражение, немедленно стали появляться многочисленные курсы и программы по подготовке к родам.

Программы как правило включают в себя два блока:

1. информационный (подробная информация о том как протекает беременность и как происходят роды). Включает в себя демонстрацию фильмов о родах, лекции, беседы.

2. психологический (целью которого является формирования «должного» отношения к родам, материнству, отцовству и т.д.).

Содержание психологического блока различно для разных психопрофилактических программ. Но, как правило, подавляющее большинство из них основаны на, так называемой, *модели сознательного (ответственного) родительства*, воспринятой из соответствующих зарубежных программ. Выделим основные представления о сущности семьи, и о смысле участия мужа в родах, акцентируемые этой моделью:

1. Семья – это высшая ценность.

2. Смысл семьи заключается в переживании «мы», семья – это мы.

3. Основа семьи - ответственность, ответственность перед семьей.

4. В действии такая ответственность проявляется в том, чтобы по возможности все делать вместе, единой семьей. Муж и жена на равных участвуют во всех областях жизни семьи.

5. Вообще, муж и жена – равны, а отношения между ними строятся по демократическому признаку, но на базе взаимной ответственности.

6. Роды – это важнейший этап в развитии молодой семьи, соответственно их надо прожить вместе, семьей, разумеется муж должен быть на родах, это естественно.

7. Роды – *«мы»-явление. Мы рождаем.*

Появляется термин *«беременные пары»*. Муж и жена должны быть равны и в родах. Оставить жену рожать одну в этом контексте практически означает совершить предательство.

Т.о. программы подготовки «беременных пар» к родам, основанные на выше описанных представлениях, рассматривают участие мужа в родах как само собой разумеющееся, ответственное и полезное как для семьи в целом, так и для каждого ее члена, поведение.

Известные случаи негативных последствий участия мужа в родах, в данной методологии расцениваются как результат либо невежественности

мужчины, либо личностной незрелости, либо недостаточно развитого чувства семьи, либо недостаточности самой подготовки.

Соответственно целью подготовки объявляется:

- усилить решимость мужчины участвовать в родах
- обучить его приемам помощи в родах (техники дыхания, массажа и т.д.).

Если на занятиях и обсуждается возможность отказа от совместных родов, то такое обсуждение при данном подходе все же не может не обнаруживать скрытую тенденцию клеймить такое поведение как безответственное, или по крайней мере трусливое и незрелое, хотя бы и косвенно.

Методами проведения такой подготовки является трансляция парам идей «сознательного родительства», причем это достаточно часто происходит в очень эмоциональной, аффективно заряженной, практически суггестивной, форме, о чем свидетельствуют высказывания «подготовленных» мужчин и женщин. Рассмотрим, некоторые из них:

– «присутствием на родах мужчина подтверждает не на словах, а на деле свою ответственность за жизнь ребенка и жизнь своей жены!»,

– «Как бы благополучно не проходили роды, трудно выразить степень драматизма этого акта! Родители должны в полной мере пройти через полное переживание испытаний, отдав ему свои физические и духовные силы! Именно при такой самоотдаче создается здоровая семья, и родители обретают совершенно неожиданное знание всех предыдущих поколений людей! В результате сознательного и волевого участия в родах, родители обретают истинное просветление, знание друг о друге и о семье ... роды в меньшей степени физический, чем духовный акт!»

– «мне не возможно представить, что я смог бы струсить настолько, чтобы оставить собственную жену в таком состоянии, где-то, с какими-то чужими людьми! Чтобы я бросил ее в самый важный момент нашей жизни!»

– «роды – это первый день рождения ребенка, почему отец должен бросить его в такой день!»

– «только в родах я смог узнать свою жену истинной, такой какая она есть на самом деле! Нигде и никогда я не переживал такой любви к жене и нашему ребенку, как во время родов!»

– «Только в родах мужчина может осознать себя творцом новой жизни! ...» и т.д.

Если мы зададимся целью выявить психологическую подоплеку таких высказываний, т.е. то психологическое состояние, из которого они исходят, перед нами возникнет ряд вопросов:

Зачем такая взвинченность?

Зачем такая дополнительная искусственная самостимуляция таких чувств, как любовь к жене, к ребенку?

Разве естественной эмоциональной заряженности отношений между мужем и женой не хватает для того чтобы брак оставался живым, полноценным?

Или супружеские отношения были слабыми, незрелыми, некачественными, и только участие семьи в родах может их возродить?

Отцовские чувства к ребенку, в случае его неучастия в родах - не достаточны, ущербны?

То есть, если смысл совместных родов в попытках укреплять хилое (крепкое не нуждается в таких реанимирующих мероприятиях), то значит ли это, что **массовость феномена совместных родов – фактически означает умирание брака как социального института?**

Если мы и в самом деле будем исходить из того, что семья как институт – явление слабое, и в силу этого периодически нуждающееся в реанимации, то вся система подготовки к родам с подобным образом расставленными акцентами, должна быть оставлена в существующем виде. Если же нет, то очевидно, она принципиально неточна в своей направленности, и соответственно в методах и в производимых ею эффектах.

Рассмотрим некоторые из таких неточностей. Наиболее общая и глубинная из них на наш взгляд состоит в том, что утверждением очевидной необходимости участия мужа в родах мы **игнорируем многовековую традицию исключения мужчины из родов**. Странно, что это обстоятельство оказывается как бы вне поля нашего зрения. Нелепо отрицать, что мы живем в культурной среде, в которой **участие мужчины в родах табуировано**.

Поясним понятие. В узком первоначальном смысле под табу понималась существующая в первобытном обществе система запретов, нарушение которых якобы карается сверхъестественными силами. Табу регулировали и регламентировали жизнь индивидов и групп.

Феномен табу имеет место и в современных культурах и выполняет по сути те же функции, только на современном этапе часть табу была кодифицирована нормами обычного права, а другая более многочисленная по большей части утратила свой внешний по отношению к человеку ритуальный характер, и трансформировалась в характерные для культуры моральные, религиозные представления, традиции и общественные нормы.

Редклиф-Браун пишет, что ориентированное на табу поведение выражает и подкрепляет чувства и ценности, важные для поддержания общества.

Согласно В.Вундту табу самый древний неписанный моральный кодекс человечества.

Так в чем же смысл табу? И в кругу каких понятий и проблем оказывается человек который самостоятельно или с подачи психолога пытается его нарушить

Прежде всего это такие категории как человек, человеческое, человечность, личность, мораль, нравственность, культура, религия и т.п.

Вкратце охарактеризуем это пространство.

Человек единственный из всех живых существ не принадлежит своему (виду? роду?) по факту рождения. Ему нужно свою человеческую сущность присвоить, обрести. Как пишет немецкий философ И.Гердер, человек первый «вольноотпущенник природы». Утратив автоматизированные схемы действий, человек обрел **свободу** выбирать.

Но все ли свободен выбрать человек? Насколько безгранична его свобода?

Тут трудно не вспомнить слова апостола Павла: «все мне позволительно, но не все полезно». Психотерапевт Алексейчик рассуждая о свободе приходит к выводу, что она не только ограничена, но, более того нуждается в самоограничении, она растет и развивается вместе с человеком.

Человек постепенно в течении своей жизни учится распоряжаться свободой наиболее человеческим способом, обретая тем самым свою подлинную человеческую сущность.

Сам процесс обучения индивидуален. У Братуся, нахожу интересную мысль, что личность как раз и есть механизм, инструмент обретения человечности.

Что же представляет из себя эта человеческая природа?

М.Л.Покрасс пишет – главным обстоятельством человека как человека является не природа, ни предметы, а другие люди, появление потребности в своей среде – в другом человеке, как залоге возможности своего существования. С таким пониманием согласуются представления о личности как системе отношений, характерные для отечественной психологии школы Мясищева. Можно так же процитировать Рубинштейна «первейшее из первых условий жизни человека – это другой человек. Отношение к другому человеку, к людям составляет основную ткань человеческой жизни, ее сердцевину».

Принципиальным является так же сам способ отношения к другому человеку. А.Д.Зурабашвили, М.Л.Покрасс пишут о том, что человек скорее не Homo Sapiens (разумный), а homo moralis, что его специфика в этом.

Мораль – это всеобщая, общеадресованная сфера высших человеческих ценностей. Мораль – это механизм культуры, задающий человеку вневременной и надситуативный критерий оценки собственных действий. У любого поступка, события появляются глубина, смыслы, место на шка-

ле доброе-злое, преходящее-вечное, точное – ошибочное (по гречески грех –amortano, промах, не попадание).

Таким образом, личность развивается в нравственно – психологическом пространстве, осваивая как свой мир людей с его историей и культурой. В процессе такого развития постепенно иерархически сменяют друг друга различные психологические образования: подсознание снимается сознанием, характер личностью (как пишет Братусь, если подросток-сплошной характер, то, юноша уже личность с характером, а у зрелого человека личность должна возрасти на столько чтобы снять характер). И, наконец личность в итоге снимается человеком.

Культура – система исторически развивающихся надбиологических способов человеческой жизни. Она хранит и транслирует исторически накапливаемый социальный опыт.

Культурная социальная реальность первична по отношению к личности. То есть хотим мы или не хотим, разделяем или не разделяем существующие в ней традиции, мы в них живем, как в едином пространстве, своеобразной «матрице», сквозь которую выстраивается вся наша психическая реальность. «Выпрыгнуть» за пределы собственной среды невозможно, игнорировать ее на сознательном уровне можно, но очевидно разрушительно, как для этой среды, так и для самого себя.

Культура содержит в себе ориентиры и маркеры нравственного развития человека, прежде всего любая культура в своей основе содержит ту или иную религию, как устоявшиеся, проверенные веками ответы на вопросы о человеческом существовании. Как пишет Алексейчик, если человек вырос в христианской культуре, там и следует искать его основания и ключи.

Таким образом, возвращаясь к понятию табу, мы понимаем, что это как раз один из культуральных маркеров, который выделяет подчеркивает область реальности, причем реальности именно **человеческой**, отражающая саму **сущность человечности**. Это область, содержащая тонкую грань между человеческим и бесчеловечным, и поэтому, с одной особой, важная, священная, а с другой, опасная запретная, закрытая.

Табу имеет важный социальный, а значит и личностный смысл. С одной стороны, это механизм делающий возможными социальность как таковую (например, табу на убийства, поедание себе подобных, табу на инцест). А с другой, это своеобразно закрепленное знание людей о тех областях отношений, в которых личность либо создается, либо разрушается, в зависимости от самого способа проживания личностью этой области.

Табу носит превентивно-оградительный характер, запрещает то, что может потенциально принести вред, неготовому, без необходимости, неосторожно, не точно «лезущему» человеку.

На ранних этапах развития человечества табу носили внешний характер, т.е., были организованы во внешних действиях, традициях, обычаях, ритуалах, постепенно в ходе исторического развития **табу стали, как бы, смещаться из плоскости внешних ритуалов, во внутриличностный план**, стали носить характер внутренних действий, или запретов на действия и все меньше сопровождаться какими либо внешними.

Рассмотрим это на примере ставшей анекдотичной ситуации взаимоотношений мужчины с тещей, которые очевидно тоже являются табуированными. В первобытном обществе, мужчина не имел никаких разрушительных для себя последствий общения с тещей, т.к. в случае если он ее случайно встречал, она немедленно пряталась в кусты а он отворачивался и убегал прочь как можно быстрее (здесь мы конечно утрируем, сохраняя смысловые акценты).

Современными же мужчинами необходимая дистанция с тещей достигается не благодаря физическому избеганию, а благодаря поддержанию дистанций внутренних. Причем еще раз подчеркнем здесь то, что смысл данного табу, как и любого другого, не в том, что отношения с тещей разрушительны сами по себе и их надо избегать, напротив табуируется наиболее важное, значимое и с социальной и с личностной точки зрения. Смысл здесь в акцентировании значимости отношения с тещей, но не любых отношений, а отношений достаточно осторожных, дистантных, т.е. бережных, в которых в каждый момент времени «понимаешь» (точнее чувствуешь), что вторгаешься в чужое пространство, вторгаешься без права, что делать это можно только в случае конкретной личностной необходимости. Только такие отношения становятся созидательными, они растут, обогащают личность, т.е. отношения, не только с тещей, но и с женой (хотя бы потому, что она похожа на свою маму), с женщиной в надличностном смысле, с собой, со своей мамой, со своей дочкой и т.д....

Возвращаясь к интересующему нас феномену родов, учитывая существование связанных с ним табу, обнаруживаем, что **«рожающей пары»** не бывает и **быть не может**, есть только рожающая женщина. **Мужчина и женщина в родах не равны**, точно так же как не равны они и в жизни. Более того, любое подобное уравнивание, являясь грубым нарушением личностно необходимых дистанций, неизбежно наносит вред, «ранит», разрушает. Здесь видимо проходят важные смысловые границы между мужским и женским, взрослостью и детством, независимостью и потерей себя, властью и подчинением, обретением и утратой мужа (жены).

И вообще, придерживаясь такой осторожной позиции в отношении практики совместных родов, так же критично следует подойти к радикальным концепциям семьи как единого «мы», так как в этом «мы» очень часто (не учитывается) нет ни мужчины ни женщины (игнорируется сама особость бытия мужчины и женщины), которые в ней выступают как това-

рищи... «взаимоответственные» субъекты. Ответственность которых, в этом контексте, как раз и заключается в том, чтобы как можно больше отказаться от своей разности, от собственных границ, от возможности оставаться непонятными, то есть тайными, от свободы. Семья – при этом становится областью взаимного «рабства», где каждый имеет право требовать от другого быть «ответственным», то есть, ручным, карманным, где «по праву» можно без стука вламываться в любые двери, в жизни друг друга,... в роды... например.

Таим образом, исходя из выше изложенных соображений и критических замечаний, получаем, что мужчина не может так просто, игнорируя табу, без вреда для себя (а значит и для жены, и для ребенка) оказаться в родах в том случае, если он мотивирован тем, что **имеет право**, или потому, что *должен*, или потому что *хочет*, так как роды – это жизнь **женщины**.

Роды – процесс интимный, личный, тайный, женский по своей сути. Ницше пишет «все в женщине – загадка, и этому всему одна отгадка – беременность».

Но так же было бы ошибочно, на наш взгляд, считать, впадая в другую крайность, что лишь в родах женщина по настоящему истинная и подлинная, а в своей обыденной жизни эту подлинность скрывает, или эта подлинность скрывается.

Когда мужчина в родах впервые обнаруживает жену настоящей, и все про нее и про себя понимает, обретает более глубокое знание – он скорее всего обманывается. Конечно в родах женщина естественна, но эта естественность иного качества. Не стоит забывать, что роды – это, все-таки, «процесс на грани» – на грани здоровья и болезни, на грани физических и психологических возможностей и усилий, это некая **экстремальная ситуация женской реальности**. Если рассматривать роды как экстремальную ситуацию, то в ней люди, конечно, проявляются, но эти проявления **нельзя принимать за эталоны подлинностей**. Повседневная жизнь тоже подлинна, и в некотором смысле эта подлинность сложнее, многомернее, тоньше.

Рассмотрим на примере. Муж и жена живут вместе более 20 лет, все это время он пьет, а она ведет себя как типичная жена алкоголика: то «спасает» (утверждаясь в превосходстве), то «унижает» (рождая тем самым чувство ненужности), то «страдает» (вызывая бестолковое чувство вины), тем самым снова провоцируя его на выпивку, то дерется с ним, то заявляет в милицию и т.д.. Но вот, однажды, она попадает в беду, на нее катится тяжелая цистерна, которая непременно раздавит. И тут ее муж кидается на помощь, останавливает цистерну ногой, и держит до тех пор пока женщина не спасется. В результате оказывается, что у него изувечена нога, но он держит... Вот она – любовь! Теперь можно сказать, что мы по-

няли подлинное отношение этой пары друг к другу, и муж с женой это тоже поняли. Он даже перестал пить, а она начала наконец-то «видеть в нем мужчину», и жить стали они «душа в душу»... пару недель. А потом все заново. Почему? Память коротка?

Так что же здесь реальность? То, что любят или то, что друг друга мучают и «гробят»?

Очевидно, что и любят и «гробят», но видимо реальнее для них те отношения, которые в жизни, они ведь гораздо сложнее. Спасти человека оказалось легко, труднее с ним жить. Усилий и личностного вклада намного больше в том, чтобы изо дня в день едва заметно строить повседневные отношения. И тогда, конечно любят, но настоящее в том, что любить они могут только мучая. Поэтому воодушевление от любви «в чистом виде», которая проявилась в «подвиге», очень быстро проходит, уступая место «просто» жизни. И тогда получается, что друг не проявляется в беде. В беде проявляется лишь самое упрощенное, но воодушевляющее из того, что может быть в дружбе.

Аналогично в родах. Конечно, все «ах!». И жена стала ближе и подлинней, и семейные отношения крепче, и отцовские чувства, и все будет теперь иначе... пару недель. Так как весь этот накал реально представляет из себя лишь **побочный эффект** экстремальности родов и грубого нарушения дистанций. Если же ориентироваться на это переживание восторга, как на эталон отношений, то в дальнейшей семейной жизни непременно надо будет «из кожи вон лезть», чтобы это ощущение поддерживать, устанешь, будет «тошнить» друг от друга, но все равно не удержишь, и разочаруешься, и будешь виноватым за то, что предал, ведь обещал подлинную любовь (в особенности самим фактом своего участия в родах), и тогда, либо сбежишь из семьи, но сам себя не уважая, либо останешься из чувства долга, мучаясь и мучая окружающих.

Таким образом, на наш взгляд принципиально важно, чтобы **участие мужчины в родах не представлялось само собой разумеющимся**. Означает ли это, что необходимо ликвидировать практику совместных родов? Нет. Но при подобном взгляде рассматриваемая проблема перестает быть банальной и получает ряд интересных разворотов, которые можно сформулировать в следующих вопросах:

- Зачем мужчине нарушать табу, появляясь в родах?
- Каким образом мужчине нарушить табу, его не нарушая? И возможно ли это?
- Как мужчине, присутствуя в родах, остаться при этом мужчиной, не превратиться в напуганного и зависимого мальчика или бесполого помощника-товарища?
- Как мужчине сохранить необходимые ему дистанции даже в таком интимном процессе как роды?

□ При каких условиях участие мужчины в родах перестает быть для него, а значит и его женщины разрушительным и становится созидательным, полезным?

□ Кто обеспечивает эти условия, он или она?

□ Чем женщина обеспечила безопасность своего мужчины (а значит и себя) в родах? Обеспечила ли? И можно так же поставить этот вопрос более широко:

□ Любому ли мужчине безопасно на родах? Любая женщина может такую безопасность обеспечить? И т.д.

Обозначив таким образом всю глубину и многоплановость интересующего нас феномена совместных родов, попробуем выявить так же некоторые другие скрытые пласты, «подводные камни», психологической реальности проживания родов вдвоем.

Поведение человека в ситуации, точнее сам характер его участия в ситуации, выстраивается исходя из его представления о ней (ориентировочная основа действия).

Другими словами, человек не проживает объективных ситуаций непосредственно, а проживает их так и такими, какими они ему представляются (чувствуются). В силу этого, одну и ту же ситуацию разные люди переживают по разному, и даже один и тот же человек, в сходных ситуациях может пережить их как совершенно особые, и соответственно вынесет из них разные результаты. То есть даже если человек, что-то «выдумал» про какое-то событие жизни (неадекватно его воспринял), то последствия для него будут иметь именно эта выдумка, а не реальность, и последствия эти будут вполне реальными.

Причем этот внутренний образ ситуации имеет два пласта - рациональное представление, и представление аффективное, эмоциональное, которые могут не соответствовать друг другу, и вообще часто друг от друга практически не зависят, происходят из разных источников.

Так, например, взрослый человек боящийся темноты, рационально понимает, что в темной комнате бояться нечего, и что темная комната, это та же комната, что и при свете (которую он уже не боится), но существует и его эмоциональное представление о комнате, например, как об опасной, враждебной, поглощающей, которое существует наряду со всеми его знаниями, и чувствует он себя в темной комнате исходя из своего эмоционального образа.

Рассмотрим проживание человеком родов используя данную методологию.

Современные пары готовящиеся к родам как правило имеют хорошо построенный рациональный образ родового процесса. Знают, как текут роды, какие выделяют стадии, что надо делать на каждой из них. Это является результатом, как собственной активности (с интересом читаются

книги о родах), так и подготовки со стороны специалистов (психологов, медиков). Этот рациональный образ как правило является так сказать позитивным, т.е. роды представляются как процесс логичный и понятный, естественный («все рожали, и я рожу, это дело не хитрое»).

Каковы же основные эмоциональные представления о родах? Эти представления будут не только определять поведение женщины и мужчины в родах, но и психологические последствия родов для каждого из них в отдельности и пары в целом.

Проведенное нами предварительное исследование с использованием метода семантического дифференциала выявило, что эмоциональные представления о родах у мужчин и женщин сходны. Наиболее распространенными из них являются:

1. представление о родах как о чрезвычайно болезненном, неуправляемом процессе происходящим с телом женщины.
2. как о медицинской манипуляции (наподобие операции без наркоза).
3. роды – это некий раздвоенный процесс: с одной стороны телесный (боль), а с другой духовный (акт рождения жизни, проявление материнской сущности женщины). Эти две стороны существуют параллельно, при этом обычно считается, что необходимо отвлечься от первого методом концентрации на втором.

Подобные представления вызывают адекватные им эмоциональные реакции (они могут осознаваться или нет), такие как страх; тревожное ожидание приближающейся опасности (напряжение нарастает к концу беременности); тревога по поводу компетентности персонала, недоверие к врачам, страх врачей; недоверие к себе, что смогу, к партнеру, что сможет.

Все это в свою очередь приводит к формированию следующих стратегий поведения:

1. попытки избавиться от страха разными методами, в основном путем отвлечения и концентрации на духовной стороне процесса, Результатом чего закономерно является еще большее усиление страха.
2. чрезмерно активные попытки проверить компетентность персонала, выбрать платный родильный дом, или просто заплатить врачу, тем самым обеспечив его **особое отношение** к себе в родах. Такая активность часто является попыткой компенсировать собственный страх и тревожность.
3. **базовая психологическая позиция в родах – перетерпеть.**

Таким образом, и мужчинам и женщинам роды на эмоциональном уровне представляются как процесс, который «с тобой происходит», т.е. внешний по отношению к «Я», к личности. «Я» выступает в качестве пассивного, страдающего и терпящего. Это находит отражение в языке, так

наиболее часто используется выражение типа «у меня начались роды», и очень редко употребляется «я рожая».

Женщина переживает роды как насилие над ее телом, которое надо перетерпеть ради высшей цели. Не она рождает, а роды с ней «происходят». Но если она родами не управляет, то кто? Тогда в качестве «ответственного» начинает восприниматься, а точнее переживаться, врач. Т.е происходит делегирование ответственности. Если соединить это с представлениями о современной медицине как находящейся в упадке, а о врачах как о недоучках, и «по блату устроившихся», то получается что женщина чувствует себя во власти человека, которому совершенно не доверяет, а «деваться не куда».

То есть, на эмоциональном уровне роды являются для женщины приблизительно тем же, что и прием у зубного врача: надо открыть рот и перетерпеть пока врач все сам сделает, причем заведомо известно, что врач шарлатан, который уж точно искалечит. Со всеми вытекающими из этого последствиями.

Рожаящая женщина ощущает себя как в ловушке. Результатом чего становится постоянный контроль за действиями мед. персонала, каждая медицинская процедура, осмотр переживается как пытка, к тому же опасная, вызывает страх, чрезвычайное психологическое напряжение, пассивное и активное сопротивление. Женщина начинает требовать постоянного присутствия врача в родах, как будто бы это смогло что-то поменять в самом течении родов, выдвигает множество претензий, обижается, чувствует себя обманутой, и тем самым значительно мешает работе врачей. Женщина выматывается психологически и уже к середине родов остается «выжатым лимоном» не только в эмоциональном, но и в физическом плане.

Еще одним следствием подобного восприятия родов как внешнего по отношению к себе процесса (а соответственно и восприятия своего рожаящего тела как некоего объекта), является своеобразная наблюдательная позиция. И муж и жена в родах как бы «глазеют» на роды подобно зрителям в кинозале, причем кино из разряда «ужастиков», или драм, или же трогательных и вдохновляющих историй про духовное развитие семьи, рождение истины в муках и т.п.

Ярким проявлением данной позиции является «мода» на фотографирование во время родов, или фиксирование родов видеокамерой.

Эта же позиция отражается в попытке психологически подготовить женщину к родам методом показывания ей документальных фильмов о родах, которые на деле производят только пугающий эффект.

Реальность же состоит в том, что в нормальных родах увидеть что-то глазами практически не возможно (ну лежит женщина, ну ходит, и т.п.), ничего внешнего особо не происходит. К тому же такая сторонне-наблю-

дательная позиция делает практически невозможным сопереживание, сочувствие, через которые собственно только и возможно мужчине, например, быть каким-то боком сопричастным к родам своей женщины, быть с ней.

Кроме того, остается не понятным – зачем же женщине, которой присуща рассмотренная выше пассивная версия проживания (переживания) родов необходим муж?

Думается, что здесь возможно предположить, по крайней мере, три варианта.

Первый заключается в том, чтобы продемонстрировать собственные мучения и героизм (некоторые женщины формулируют его прямо «пусть посмотрит как я из-за него страдаю»), извлекая из этого ряд психологических выигрышей. Этот мотив является явно агрессивным по отношению к мужчине.

Подсознательно исходящая из такого мотива женщина, начинает вести себя в родах так, чтобы как можно больше напугать мужа своими родами. Т.е. роды и в самом деле становятся адскими муками в первую очередь для нее самой.

Мужчина же при таком сценарии получает возможность, выбрать из двух вариантов поведения: поддаться (начать «падать в обмороки») или как бы не поддаться («и не такое видали!») и «играть в героя», находя соответствующие подсознательные выгоды для себя в каждом из них.

При этом оба «партнера» эмоционально взвинчены и взвинчивают друг друга, испуганы и фиксируют друг друга в этом, измотаны и изматывают друг друга, и т.д. Межличностные границы при этом отсутствуют: что впрочем успешно может трактоваться как духовная близость, катарсис, открытие высшей истины друг о друге и о сущности семьи.

Или же второй вариант: муж требуется для контроля над «никудышным» медицинским персоналом.

В этом случае он пытается управлять действиями врачей, перепроверять их, стимулировать, т.е. всячески лезть в те области, в которых не разбирается, мешать.

В этом контексте, интересно заметить, что система родильных домов, живо отреагировавшая на социальный запрос о необходимости «парных» родов, созданием соответствующих возможностей, активно включилась в такую игру. Услуга совместных родов, как правило, вводится как осуществляемая за дополнительную плату. Причем, врачи обычно относятся к присутствию мужчины как к нежелательному и мешающему, но допустимому в том случае, если мужчина соответственно подготовлен. Т.е. создается впечатление, что медики приспособились к модной тенденции, начав извлекать из этой «блажи» выгоды, в первую очередь материальные. Т.о. мужчина в родильный дом пускается, но там он немедленно

предлагается **роль мешающего всем, но за собственные деньги** (к которой он, как правило, внутренне готов). Не трудно предположить, что такая реальность бытия мужчины в родах либо,

□ в лучшем случае, приводит его в состояние психологического дискомфорта, от собственной ненужности и лишности (он подсознательно ощущает, что путается у всех под ногами, и его снисходительно или раздражительно терпят, и он в этом абсолютно прав). Тогда он теряется, но сознательно борется сам с собой «во имя»... ответственности, долга перед женой и семьей, то есть занимается самоедством, чувством собственной вины, своей некомпетентности, неудачливости, которые как правило уже мало связаны с родами, а как говорят психоаналитики – с ранними детскими травмирующими переживаниями, то есть мужчина теряет контакт с происходящим и концентрируется на самом себе («тихо сам с собой ведет беседу»), что вряд ли является полезным как для него самого, так и для рождающей жены, так и для будущих семейных отношений, и т.д.

□ либо, в худшем случае, он испытывая тот же дискомфорт, стремится снять его реализуя позицию «я же заплатил деньги, так обеспечьте мне...». В этом случае наряду со всеми деструктивными тенденциями, указанными в пункте первом, такой мужчина начинает и в самом деле активным образом мешать медицинскому персоналу работать, предъявляя различные претензии, а собственной жене рожать, создавая ситуации «драки» с мед. персоналом за справедливость, ведь война не лучшее место для родов.

Ну и в третьих, муж берется в роды для «приобщения к высшему духовному процессу», открытия истин. Пары с такой позицией оказываются как правило совершенно не готовыми к физической реальности родов, к их трудности. Ведь при такой позиции физическая сторона родов игнорируется, оказывается вне поля осознания супругов.

Здесь уместно отметить, что рождающая женщина объективно не является привлекательной с точки зрения социально принятых образов «сексапильности». В этом случае оба подсознательно чувствуют себя обманутыми (купили билет на один спектакль, а оказался совсем другой), глубоко по-детски обиженными друг на друга, на врачей, на психологов которые готовили, на родственников которые советовали и т.д.. Такая обида может проявиться сразу во время родов, а может и значительно позже, в дальнейшей супружеской жизни, с отсрочкой до нескольких лет.

Таким образом, кратко подводя итоги статьи, сформулируем следующие выводы

□ Во-первых, обнаруживается сложность, многомерность и не однозначность психологической реальности совместных родов, которая требует дополнительного более детального изучения, намечены основные линии такого исследования.

□ Подвергнут критике упрощающий подход к пониманию совместных родов как безусловного блага для семьи. Совместные роды предлагается рассматривать с точки зрения их глубинной соотнесенности с областью культуральных табу. Подходя к проблеме партнерских родов в таком ракурсе, становится очевидным, что исследуемый нами феномен влечет за собой значительные личностные последствия, причем эти последствия в равной мере могут оказаться как созидательными, так и разрушительными для личности и семьи (что подтверждается на практике).

□ Фактором конструктивности/деструктивности здесь является сам способ психологического проживания личностью и супружеской парой в целом партнерских родов, который в свою очередь складывается из ряда психологических феноменов таких как: психологическая позиция супругов в родах, аффективный неосознаваемый образ родов, чувств возникающих на основе этого образа и многих других элементов.

□ Выявлены типичные неосознаваемые аффективные представления о родах, а так же актуализирующиеся на их основе в процессе родов негативные игровые позиции, которые по существу превращают совместные роды в специфическую психологическую игру со всеми вытекающими из этого последствиями, а именно:

- роды превращаются во взаимную манипуляцию, т.е. разрушаются супружеские отношения;
- роды переживаются как серьезная травма (и физическая и психическая) обоими супругами;
- супруги в родах усиливают травмирующий эффект друг для друга;
- нарушается контакт с персоналом, что затрудняет работу врачей, осложняя тем самым роды;
- выработанный в родах деструктивный игровой стиль супружеских отношений, очевидно, будет переноситься в дальнейшую семейную жизнь.

Исходя из вышесказанного можно сделать и вывод о том, что психологическая подготовка пары к партнерским родам – задача требующая высокого профессионализма психолога, целью которого является не просто трансляцию супругам идей сознательного отношения к собственному родительству (мы исходим из того что в благополучных семьях оно [такое отношение] и без психолога есть, так как формируется значительно раньше в детском и подростковом возрасте), а скорее выявление неосознанных аффективных представлений супругов о родах и работа с ними, то есть с действительными психологическими мотивами которыми руководствуется пара, принимая решение о необходимости рожать вместе. Результатом подобной работы психолога не обязательно должен быть факт совместных родов, возможно в процессе подготовки к партнерским родам пара примет

решение рожать традиционно, и такое решение является ничуть не менее ответственным, чем решение об обратном.

При таком подходе программы подготовки супружеской пары к родам становятся менее тенденциозными и вместе с тем более неопределенными, творческими, где перед специалистом всегда гораздо больше вопросов, чем готовых ответов.

Е.В.Литягина, О.Усенкова

Исследование эмоциональной сферы женщин после рождения ребенка

В последние десятилетия в психологической науке большое внимание уделяется проблемам перинатальной психологии, освещаются вопросы материнства на этапе беременности и родов, изучаются влияния различных факторов беременности на развитие плода и др. В рамках этой проблематики особая роль отводится проблемам связи эмоционального состояния матери и младенца. Актуальность заявленной тематики, с одной стороны, объясняется падением рождаемости, ростом социальных сирот и «отказных детей», ухудшением общего состояния здоровья детей, большим числом неполных семей и др. С другой стороны, мы вынуждены констатировать, что социально-психологические программы и проекты сопровождения семей практически отсутствуют или недостаточно внедрены в практику работы.

Изучение материнства целенаправленно началось во второй половине XX века. В зарубежной психологии эта проблематика разрабатывалась в рамках психоанализа, в теории привязанности и объектных отношений, и связывалось в основном с понятиями *mattering* (состояние быть матерью) и *matherhood* (материнство, выполнение материнских функций). В отечественной психологии в основном речь шла о родителско-детских отношениях, в научных публикациях слово «мать» практически не встречалось, чаще всего использовался термин «близкий взрослый». К концу 80-х годов возрос интерес к проблемам материнства, развернулись работы по изучению психологического самочувствия матери в перинатальный период и его влияния на состояние младенца.

В настоящее время психология материнства является самостоятельной областью психологии, тесно взаимодействующей с психотерапией, акушерством, гинекологией, педагогикой. Значимое место в психологии материнства отводится изучению эмоциональной сферы женщин, после рождения ребенка. Обусловлено это тем, что существует глубокое влияние материнской депрессии, которую с большой долей вероятности переживают женщины, и поведения и самочувствия младенца. Толчком

для возникновения послеродовой депрессии могут быть также такие факторы, как: гормональные изменения, события, предшествующие родам, окружение в родах, трудности с ребенком, история жизни матери, количество детей в семье, материнский стресс, кризис в карьере, личностные особенности матери, взаимоотношения в семье, социо-культурные мифы и др.

Часто эмоции, испытываемые матерью, относятся к ребенку, как источнику, который их вызывает. Сложный эмоциональный комплекс отношений к ребенку, включающий эмоции недовольства и разочарования, является неблагоприятным для психического и личностного развития ребенка. Исследователи описывают два основных стиля взаимодействия матери, находящейся в состоянии послеродовой депрессии, и младенца: отчужденно-пассивный стиль, характеризующийся медлительностью и монотонностью взаимодействия, и навязывающий стиль, когда матери напряженны, суетливы, проявляют чрезмерную вовлеченность во взаимодействие.

В своей работе мы предположили, что сложный комплекс эмоций, который может включать в себя и депрессивные проявления, может быть вызван несформировавшейся готовностью к новой роли матери. Если психологическая готовность к роли матери не формируется до рождения ребенка, то она начинает развиваться (или доформируется) в период развития и взросления ребенка.

Психологическая готовность к роли матери (или шире, к родительству) представляет собой сложную динамическую структуру, которая в развитой форме включает родительские ценности, установки и ожидания, родительское отношение, чувства, позиции, родительскую ответственность и определенный стиль воспитания. Связь вышеперечисленных компонентов между собой осуществляется через пересечение составляющих их элементов: когнитивного, эмоционального и поведенческого аспектов готовности. У матери может быть не сформирован один или несколько элементов готовности к принятию новой роли, также возможна согласованность или противоречивость аспектов готовности.

Процесс родов и период первичного ухода за ребенком может нарушить психологическое равновесие, разрушить ожидания и установки, скорректировать образ ожидаемого будущего материнства и образа ребенка. Если новорожденный не похож на образ, который мама сформировала для себя, то может возникнуть чувство разочарования и неудовлетворения. Это фрустрирующая ситуация может привести к негативному эмоциональному воздействию на ребенка.

Одна из самых распространенных реакций сразу после родов – чувство опустошенности, вызванное нарушением биологического и психологического равновесия между матерью и ребенком. Депрессивная симпто-

матика может быть вызвана субъективной невозможностью соединить новые обязанности и те, которые были до рождения ребенка. Постоянная физическая и эмоциональная привязанность к ребенку заставляет матерей осознавать, что придется расстаться с привычным образом жизни, когда они могли большую часть времени посвящать работе, любимым занятиям, супругу и др. В новой ситуации ребенок, особенно в первые месяцы жизни, переструктурирует привычное распределение времени, ограничивает или делает невозможным выполнение привычных функций. Вследствие этого может развиваться конфликт между требованиями новой роли матери и прежними запросами, характеризующийся чувством неудовлетворенности жизнью, несправедливостью и подавленностью.

При столкновении матери с противоборствующими требованиями внешнего окружения, или внутренними мотивами может возникнуть ролевой конфликт. В нашем случае, в основе ролевого конфликта могут лежать противоречия между ролью жены и матери, социально успешной женщины и матери и др. При ролевом конфликте могут возникать тревожные переживания, которые являются отражением неподготовленности женщины к новым моделям (стереотипам) поведения.

В свою очередь состояние матери непосредственно влияет на развитие ребенка. Выявлено, например, что дети матерей, страдающих послеродовой депрессией, попадают в группу высокого риска для развития эмоционально-поведенческих отклонений и задержек развития на первом году жизни [2], [3], психических нарушений в сфере психологических проблем в подростковом возрасте [1].

Учитывая все вышесказанное, в частности, что эмоциональное состояние матери обуславливает эмоциональное состояние ребенка и особенности его психического развития, становится актуальной разработка специальных программ профилактики депрессивных состояний матерей. Так как причины постнатальной депрессии могут быть рассмотрены только в комплексе, то есть ни одна из них не может однозначно обусловить развитие депрессивного состояния, необходимо подходить к организации психологической работы с позиций системного подхода, включая все многообразие причин, факторов и условий развития состояний послеродовых депрессий матерей.

Литература

1. *Баженова О.В., Баз Л.Л., Копыл О.А.* Готовность к материнству: выделение факторов, условий психологического риска для будущего развития ребенка// Синапс, 1993, №4.

2. *Баз Л.Л., Скобл Г.В.* Особенности общения со взрослыми младенцев от матерей с послеродовыми депрессиями// Психология сегодня. Ежегодник РПО, Т.2, вып.3, М., 1996.
3. *Филипова Г.Г.* Материнство и основные аспекты его исследования в психологии// Вопросы психологии. 2001, №2.

НАПРАВЛЕНИЕ 4. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛО- ГИЯ

Д.Б.Бутаков

Психологические аспекты профилактики девиантного поведения подростков из безнадзорной среды

В настоящее время в российской системе школ-интернатов и коррекционных образовательных учреждений широко распространяется практика социально-психологической службы, среди направлений деятельности которой особое место занимают программы коррекции социальных дезадаптаций у детей. Вместе с тем, вне поля профессиональной деятельности психологов и социальных педагогов оказывается большая группа детей и подростков из неблагополучных, неполных или приемных семей, которые большую часть времени фактически проводят на улице. «Уличная» социальная среда способствует развитию следующих видов девиантного поведения: функциональная безграмотность, употребление психоактивных веществ, асоциальное поведение и др., а также значительно затрудняет адаптацию подростков в современном обществе. Несмотря на большое количество научных работ в области психологии подросткового возраста, а также исследований, посвященных изучению отклоняющегося поведения, существует дефицит научно-практических разработок, связанных с технологиями психопрофилактики девиантного поведения детей из асоциальных групп. Необходимо отметить, что психологи в большей степени уделяют внимание изучению нормального развития. Подростки же, развивающиеся в безнадзорной среде, оказываются вне поля внимания исследователей.

Данные факты имеют особую практическую значимость, поскольку подростковая безнадзорность содержит в себе очевидную угрозу нормальному развитию не только личности, но и общества в целом, способствуя росту преступности, наркомании, увеличению количества заболеваний, подрывая нравственные устои человека.

Помимо углубления и расширения психологических знаний о развитии подростка и механизмах формирования девиантного поведения, актуальность исследования продиктована социальной востребованностью раз-

работки мер профилактики отклоняющегося поведения в безнадзорной подростковой среде.

На базе МУ СП «Ровесник» нами было проведено исследование, которое заключалось в создании, апробации и оценке эффективности комплексной программы психопрофилактической работы с безнадзорными подростками, направленной на развитие их самоотношения и создание социально-благоприятной среды. Мы полагаем, что именно адекватный уровень самоотношения в сочетании с формированием комфортной среды для социализации могут привести к видимым результатам, и позволят наиболее быстро и эффективно адаптировать трудных подростков в обществе.

Учитывая специфику социальной группы, для которой разрабатывалась данная программа, результаты проведенного теоретического исследования проблемы взаимосвязи девиантного поведения и самоотношения в среде безнадзорных подростков, а также благодаря результатам психодиагностики были определены условия и стратегия формирования позитивного самоотношения в данной группе.

Исходным допущением при создании программы являлось следующее положение: данная программа должна быть направлена на коррекцию и формирование системы внешних и внутренних отношений личности безнадзорного подростка. Обоснование необходимости учета самоотношения в качестве фактора, влияющего на поведение безнадзорных подростков, базировалось на следующей логике: во-первых, самоотношение – это системное личностное образование, которое рассматривается как единство содержательных и динамических аспектов личности, мера осознания и качество эмоционально-ценностного принятия себя как инициативного и ответственного начала социальной активности. Во-вторых, самоотношение участвует в процессах саморегуляции личности, связано с поведением и формируется в процессе осмысления личностью себя как субъекта жизненных отношений. В третьих, как показывают многие исследования, особенности развития безнадзорных детей таковы, что большинство из них испытывают дефицит важнейших отношений и навыков их построения. Поэтому, при формировании позитивного самоотношения, является необходимым развитие системы внешних и внутренних отношений личности.

Рассматривая систему внешних отношений личности безнадзорного подростка, были выделены следующие автономные сферы, работа с которыми обеспечит позитивную динамику социальных отношений:

- Межличностные отношения;
- Семейные отношения;
- Производственные (учебные) отношения;

- Социально-ролевые отношения.

Анализируя систему самоотношения безнадзорного подростка (система внутренних отношений), можно выделить следующие направления психологической работы:

- Формирование функций саморегуляции, саморуководства и самоконтроля;
- Развитие самоинтереса, повышение уровня самопринятия и самопонимания;
- Развитие восприятия и понимания эмоционального состояния другого человека и собственных эмоций;
- Формирование уважения к самому себе и другим;
- Формирование адекватной самооценки и уровня притязаний.

Таким образом, целью разработанной комплексной программы является формирование различных аспектов системы самоотношения безнадзорных подростков и психологической готовности к развитию, обеспечивающую быстрое их включение в новую социальную среду и деятельность в ней.

Принимая во внимание особенности работы с группой безнадзорных подростков и самой программы, были сформулированы следующие частные задачи:

- установление доверительного контакта психолога с безнадзорниками;
- снятие психоэмоционального напряжения и тревожности;
- наличие ощущения защищенности во взрослом мире;
- формирование психологической готовности (знания и умения) безнадзорного подростка включения в новую социальную реальность.
- создание развивающей ситуации для изучения и изменения поведения;
- стимуляция новых путей взаимодействия с ситуацией и получение нового опыта в человеческих отношениях;
- формирование новых моделей идентификации и развитие «Я - концепции»;
- формирование отношения к собственному прошлому, настоящему и будущему;
- решение актуальных задач возрастного развития;
- формирование различных аспектов системы самоотношения, таких как: самопонимание, самоуважение, самоинтерес, самоинтерес и самопринятие.

Итак, эффективность воздействия данной программы определяется, на наш взгляд, двумя условиями:

1. Формирование тех аспектов самоотношения личности, которые влияют на поведение;

2. Социально – психологическая подготовка к эффективному участию в социальной реальности. Эти знания и умения ориентироваться в социальной среде будут выступать тем фоном, на котором станет возможно формирование системы самоотношения личности безнадзорного подростка.

Психокоррекционная работа проводилась в следующих направлениях:

1. Индивидуальные психокоррекционные занятия, направленные на установление доверительного контакта с детьми и их первичную диагностику.

2. Групповые психокоррекционные занятия, направленные на формирование самоотношения. Группа сверстников является источником многих, значимых для подростка, обратных связей, она дает возможность увидеть реакцию людей на собственные проявления и возможность изменить свое представление о себе. В условиях групповой работы возможно также ознакомление безнадзорных подростков с качественно иными знаниями, умениями и способами взаимодействия. В процессе работы использовались такие инновационные технологии, как: кинотерапия, фототерапия, арт-терапия и игровые методы.

3. Организация совместной развивающей деятельности, такой как: совместные праздники, туристические походы, посещение кинотеатра и др.

4. Психодиагностическое направление, позволяющее судить об изменении личностных характеристик данной группы детей.

Комплексная психолого – педагогическая программа по формированию самоотношения в целях психопрофилактики девиантного поведения подростков из безнадзорной среды проводилась в течение одного календарного года на базе МУ социального приюта «Ровесник». Индивидуальные занятия проводились по свободному графику, групповые – два раза в неделю, длительность занятий составляла 1 – 1,5 часа.

Результатом проведенной работы является тот факт, что среди постоянно меняющегося потока детей в дневном стационаре СП «Ровесник» выделилась относительно постоянная группа детей, с которой велась регулярная работа. В процессе проведения психолого-педагогического формирующего экспериментального исследования мы обнаружили результаты, свидетельствующие о позитивной динамике развития самоотношения в данной группе. Также, с помощью специальных методик (карта Стотта) и отзывов со стороны родственников и воспитателей, мы получили подтверждение о значимом понижении степени дезадаптации безнадзорных детей, участвующих в эксперименте.

В настоящем исследовании мы доказываем, что существует явная взаимосвязь между самоотношением подростка и различными видами его девиантного поведения. Особенности же его возрастного и социального развития, на наш взгляд, могут влиять на силу и направленность этой взаимозависимости. Таким образом, мы исходим из того, что самоотношение является одной из причин подростковой девиации и его позитивная динамика является важнейшим фактором, влияющим на социализацию подростков. Выделение данной связи и изучение ее особенностей открывают новые возможности для деятельности психолога в плане психологической помощи подростку, а также эффективные способы его социальной адаптации.

Д.Б.Бутаков, О.О.Попова

Становление гендерной идентичности как фактор преодоления девиантного поведения в среде безнадзорных подростков

В современном обществе отмечается рост негативных явлений в подростковой среде, связанных с нарушениями в поведении. Среди наиболее распространенных асоциальных явлений выделяют: воровство, драки, употребление алкоголя и наркотиков, необоснованно рискованные поступки. Также, стоит отметить тот факт, что отклоняющееся поведение наиболее присуще беспризорным и безнадзорным детям, которые и составляют основную группу риска. В психолого-педагогических исследованиях указывается высокая вероятность влияния несформированной гендерной идентичности на выбор подростком способов и форм поведения, в частности, девиантных (Алешина Ю.Е., Клецина И.С. и др.). Так, асоциальное поведение может являться одним из путей становления, подтверждения или доказательства подростком своей гендерной идентичности с целью принятия себя в кругу значимых людей. В данной работе рассматривается несформированная гендерная идентичность, как одна из предпосылок развития дезадаптивного поведения у безнадзорных подростков.

Таким образом, актуальность данной работы продиктована изучением гендерной идентичности в целях разработки приемов психопрофилактической и коррекционной работы, направленной на преодоление девиантного поведения в подростковой безнадзорной среде.

Гендерная идентичность определяет степень, в которой каждый индивид идентифицирует себя в качестве мужчины, женщины или некоего сочетания того и другого. Это внутренняя структура, создаваемая в процессе развития, которая позволяет индивиду организовать образ Я и соци-

ально функционировать в соответствии с воспринимаемым полом и гендерном.

Существуют различные взгляды на формирование гендерной идентичности. Теория, основанная на психоанализе, подчеркивает роль эмоций и подражания, где ребёнок бессознательно имитирует поведение взрослых представителей своего пола. Процесс идентификации ребенка с родителями - основной механизм становления гендерной идентичности. Теория социального научения придаёт значение механизмам психического подкрепления, подчёркивает влияние микросреды и социальных норм на внешнее полоролевое поведение, делает акцент на типичном для пола поведении (Р. Уолтерс, Х. Биллер, Коломинский Я. Л., Мелтсас М. Х.). Существуют теории, подчеркивающие познавательную сторону процесса становления гендерной идентичности и значение самосознания (Л. Колберг, И.С.Кон). Формирование гендерной идентичности может зависеть в таком случае от самокатегоризации, от согласования усвоенных представлений о мужчине и женщине, и представлений о себе. Идентичность по Эриксону позволяет человеку определять степень своего сходства с разными людьми при одновременном видении своей уникальности и неповторимости.

В течение жизни гендерная идентичность вырабатывается в результате сложного взаимодействия природных задатков человека и его социализации, наполняется различным содержанием в зависимости от социальных и культурных изменений, от собственной активности личности. На процесс полоролевой идентификации влияет множество факторов, как средовых, так и внутриличностных. Немаловажную роль при этом играет общая схема тела, внешность: в какой мере лицо, причёска, фигура, манера держать себя соответствуют половой идентификации «Я как мужчина» или «Я как женщина».

Относительной стабильности чувство идентичности достигает лишь с завершением подросткового периода. Исключительно важным фактором становления гендерной идентичности, помимо родителей, являются отношения со сверстниками. В отрочестве соответствие общепринятым образцам играет ведущую роль, в том числе и соответствие образцам маскулинности-феминности.

Дифференцированность полоролевых эталонов в подростковой среде повышает влияние гендерной идентичности как механизма, влияющего на поведение отрока, выбор ценностей. Оценивая телосложение и поведение ребенка в свете своих, гораздо более жестких, чем у взрослых, критериев маскулинности-феминности, сверстники тем самым подтверждают, укрепляют или, наоборот, ставят под вопрос его половую идентичность и полоролевые ориентации. Что отражается на уровне адекватности самоотношения подростка, выступающего регулятором установления межличностных отношений, постановки и достижения цели, выбора способов формирова-

ния и разрешения кризисных ситуаций. (Субъективное отношение к себе реализуется когнитивной активностью, эмоциональными реакциями и системами действий или готовностью к действиям в адрес самого себя).

Так как любые изменения какого-то аспекта образа Я влекут за собой изменение и других аспектов представления о себе, изменение частной самооценки по значимому измерению вызовет изменение многих других самооценок, можно говорить о том, что отражение в группе собственной гендерной идентичности вызовет определённое изменение в эмоционально-ценностном отношении к себе, а значит и самоотношении личности в целом (Столин В.В.).

Несоответствие уровня притязаний ребёнка и имеющихся условий для реализации притязаний создаёт ситуацию для самокоррекции поведения, самовоспитания, поиска иных путей самореализации подростком. Но нередко отрок не учится преодолевать препятствия в общении со сверстниками, и вместо того чтобы направить усилия на преодоление своих неудач, он уходит от проблемы. Так, в результате непринятая в кругу значимых людей и как следствие возможно непринимая собой модель полоролевого поведения закрепляется не только в сознании индивида, но и в реальности.

Считается, что устранение искаженного образа Я, положительное отношение к себе и конструктивные паттерны поведения способствуют более полноценному функционированию, что значительно улучшает адаптацию личности.

Учитывая вышесказанное, можно предположить, что развитие позитивной гендерной идентичности (имеется ввиду конфигурация элементов идентичности, которая обеспечивает человеку эмоциональное благополучие, высокий уровень самопринятия, оценки со стороны общества) будет являться одним из условий формирования адекватного самоотношения подростка и его адаптивного поведения в значимой среде.

В результате теоретического анализа и сбора эмпирических данных, исходя из особенностей беспризорных и безнадзорных подростков, были выявлены и сформулированы следующие условия развития позитивной полоролевой идентичности:

- принятие собственной внешности и образа тела;
- развитие самостоятельности подростка, зрелости «Я» посредством разрешения задач взросления (отношения с родителями как предъявителями моделей полоролевого поведения, освобождение от эмоциональной зависимости, индивидуализация в группе);
- когнитивное развитие (возможность субъекта адекватно сознавать себя в изменяющихся условиях жизни и собственного развития);
- отношение к роли мужской, женской (усвоение, принятие), выстраивание отношений с противоположным полом.

Данные условия понимались как задачи при разработке психокоррекционной программы, направленной на развитие позитивной гендерной идентичности безнадзорных подростков.

В настоящий момент вышеуказанная программа апробируется на базе социального приюта «Ровесник» г. Самары. Работа проводится в следующих направлениях: индивидуальная, групповая работа, эмпирические методы, психодиагностика. По результатам психокоррекционной работы предполагается провести экспериментально-психологическое исследование, целью которого будет являться: 1) определение влияния гендерной идентичности безнадзорных подростков на их поведение; 2) оценка эффективности модели психокоррекционной программы.

И.О.Косарева **Перенос в обучении**

Видимо, вопросы становления личности сродни извечным философским вопросам. Они были, есть и будут. Каждая эпоха будет пытаться дать свой, оригинальный ответ, будет создавать педагогические и психологические теории и технологии, а педагоги, на очередной конференции выслушав идеи о новых подходах в образовании, будут продолжать передавать знания и учить на собственном примере.

Не претендуя на создание чего-либо нового, попытаемся лишь осмыслить образовательный процесс с позиций психоаналитических воззрений, экстраполировав психоаналитическое знание на педагогическую ситуацию. Ограничимся процессом обучения в вузе на престижных специальностях, вделав акцент на специальности психологической. Для этого рассмотрим последовательно ряд положений: 1) в процессе обучения в вузе в отношениях «студент – преподаватель» возникает перенос; 2) этот перенос носит характер нарциссического, что связано с психологическими особенностями современных студентов, в частности, студентов психологического факультета; 3) знание характера нарциссического переноса позволяет выявить необходимые принципы взаимодействия преподавателя и студентов; 4) учет этих принципов позволит направить развивающую составляющую образовательного процесса в вузе в сторону развития целостной личности.

Исследование переноса в психоанализе. Основное отличие психоанализа от появившихся впоследствии иных психотерапевтических направлений – в его глубинном изучении процесса взаимодействия психоаналитика и пациента. Собственно, и суть психоаналитической психотерапии есть проработка этих отношений с целью трансформации личности. Остальное – и свободные ассоциации, и катарсические переживания, и толкование сновидений – процессы вспомогательные, скорее даже тех-

ники, позволяющие глубже проникнуть в суть этих отношений. Известно, что в отношении психоаналитика у пациента возникает перенос – некое переживание, относящееся скорее к значимым фигурам прошлого. У аналитика же в отношении пациента также возникает своеобразное переживание, именуемое в психоанализе контрпереносом. Понимание того, что феномен переноса действует практически во всех межличностных отношениях, позволяет предположить, что он возникает также и в процессе обучения, в частности, в процессе обучения в высшем учебном заведении в отношениях «студент – преподаватель».

Сегодня перенос определяется как «транспозиция, перемещение на другое лицо – главным образом на психоаналитика – чувств, желаний, модальностей отношений, которые некогда были сформированы и испытывались субъектам к инвестируемым в процессе его истории и людям, в первую очередь – к родителям» [10; 169].

Уже в «Исследовании истерии» (1895), первой работе З.Фрейда, написанной совместно с Й.Брейером, был выделен и описан феномен переноса. Отметим сразу, что, как и большинство психоаналитических понятий, это понятие претерпело серьезные изменения в ходе развития психоаналитического направления. Изначально З.Фрейд считал, что явление переноса мешает психоаналитическому процессу, являясь сопротивлением, и задача аналитика – помочь пациенту избавиться от него в максимально короткие сроки. Позже, в работе «Фрагмент анализа истерии» (1905) Фрейд указал на «множественность» переносов и ряд моментов, которые требуется учитывать аналитику в работе с пациентом: в психоаналитическом пространстве перенос не создается, а открывается, то есть он есть всегда, нельзя игнорировать его существование, его нужно сделать важной частью анализа. В работе «О психоанализе» (1910) было указано, что перенос наступает во всех человеческих отношениях, а уточнения о том, что нереализованная потребность в любви получает свое выражение во встречах с новыми людьми в виде ожиданий от них этой любви, появились в работе 1912 года «О динамике переноса». В этой же работе Фрейд выделил виды переноса по типу материнского, отцовского, сиблингового, там же были дифференцированы негативный и позитивный переносы. Наконец, в «Очерке о психоанализе» – работе, вышедшей после смерти З.-Фрейда, было отмечено, что в переносе пациент воспроизводит перед аналитиком важную часть своей жизни, наделяя его властью, аналогичной власти родителя, то есть власти Сверх-Я над Я. У нового Сверх-Я в лице аналитика теперь есть задача исправить ошибки родительского Сверх-Я, то есть родительского отношения и воспитания. При этом задача воспитания и обучения не является задачей аналитика. Укажем также, что именно в связи с особенностями переноса, точнее, с его отсутствием, З.Фрейд определил нарциссическую личность как личность, не пригодную для пси-

хоанализа. Точнее, психоанализ, по мнению З.Фрейда, оказался непригоден для нарциссически ориентированных людей.

Последователи З.Фрейда предпринимали неоднократные попытки расширить, реже – сузить понятие «перенос». А.Фрейд в «Эго и механизмах защиты» (1936) дифференцировала два вида переноса по критерию сложности, в результате чего выделила «перенос импульсов либидо», когда влечения, связанные с прошлым опытом, прорывающиеся и направляющиеся на новый объект – психоаналитика, и «перенос защиты», при котором пациент использует повтор прежних способов защиты от влечений. Разрабатывая это понятие, А.Фрейд выделяет также понятие экстернализации, подразумевая экстернализацию частей (аспектов) личности. Например, при экстернализации части Супер-Эго пациент, ощущающий в какой-то момент или в какой-то ситуации чувство вины, вместо переживания угрызений совести проецирует их на аналитика и ожидает упреков либо наказаний с его стороны.

Сужение понятия «перенос» касалось различения переноса, возникшего в аналитическом процессе, и переноса, наблюдаемого вне психоанализа. Так, Уэльдер в 1956 году предложил рассматривать перенос только в рамках психоаналитической терапии, а Левенштейн в 1969 году сделал вывод о том, что и перенос как сопротивление, и перенос как средство выявления и лечения возникает исключительно в ситуации аналитической терапии.

Дж.Сандлер с соавт., анализируя историю развития понятия «перенос», пришел к выводу о том, что аргументы Левенштейна и Уэльдера малоубедительны: «Не вызывает сомнения, что те явления, с которыми мы сталкиваемся в психоанализе, могут иметь место и вне его [7; 43].

80-е годы двадцатого столетия были годами, когда первоначальное представление о переносе как о воспроизведении прошлых отношений были подвержены сомнениям. Купер в 1987 году указал на то, что в современном представлении перенос рассматривается как «...новый жизненный опыт, а не как проигрывание старого. Цель интерпретации переноса, согласно такой трактовке, заключается в том, чтобы внести в сознание все аспекты конкретного жизненного опыта, включая отблески, отбрасываемые на этот новый опыт прошлым» [цит. по 7; 44].

В работах современных эго-психологов перенос рассматривается как проекция (или экстернализация) внутренних объект-отношений. О.Кернберг формулирует это положение следующим образом: «Я представляю себе интернализированные объект-отношения не как отражающие действительные объект-отношения из прошлого. Они, скорее, отражают комбинацию реалистичных и основанных на фантазиях, – часто сильно искаженных, – интернализаций таких прошлых объект-отношений и защиту против них под воздействием активации и проекции дериватов инстинктивно-

го влечения. Другими словами, существует динамическое напряжение между здесь-и-теперь, которое отражает интрапсихическую структуру, и там-и-тогда бессознательных генетических детерминант, проистекающих из «реального» прошлого, из самой развивающейся истории пациента» [7; 50].

Наряду с рассмотрением переноса, аналитики стали выделять и другое понятие, связанное с установлением реальных, не переносных отношений между аналитиком и пациентом – «рабочий (лечебный, терапевтический) альянс». Под рабочим альянсом принято понимать союз пациента и аналитика, необходимый для успешного осуществления процесса психоанализа, в основе которого лежат «последовательные стабильные отношения, которые позволили бы пациенту сформировать позитивное отношение к аналитическому процессу в тот момент, когда трансферентный невроз вынесет на поверхность сознания вызывающие дискомфорт желания и фантазии» [7; 24].

Эго-психологи разделили понятия перенос и рабочий альянс, разработав понятие «автономные функции Эго» – функции и качества Эго, которые независимы от влечений.

Дж.Сандлер указывает на то, что «создание лечебного альянса не является исключительно функцией пациента, поскольку в развитии важную роль должно играть личное искусство любого психоаналитика. «Чем лучше психоаналитик сумеет, используя эмоциональную сторону общения, показать больному свою терпимость по отношению к тем бессознательным стремлениям, против которых стремится выставить защиту психика пациента, чем больше ему удастся продемонстрировать свое уважение к защитным реакциям пациента, тем прочнее между ними образуется лечебный альянс» [7; 32].

Итак:

1. Перенос – основное понятие психоанализа, выделенное З.-Фрейдом и понимаемое как перенесение пациентом на психоаналитика всех составляющих сферы влечений, относившихся ранее к значимым объектам.

2. Последователи З.Фрейда предпринимали многочисленные попытки уточнить, расширить, либо сузить это понятие. В настоящее время, наряду с переносом, в отношениях аналитика и пациента выделяют так называемый рабочий альянс. Это реальные, здесь-и-теперь отношения, направленные на разрешение проблем пациента, в создании которых участвует как пациент, так и психоаналитик.

3. Перенос возникает и вне аналитической ситуации, особенно там, где есть отношения со значимыми фигурами.

Исследование нарциссизма в психоанализе. Современный мир – мир нарциссизма. Бытовое представление о нарциссической личности ка-

сается завышенной самооценки и нереального уровня притязаний. Аналитики рассматривают нарциссическую личность как человека, «личность которого организована вокруг поддержания самоуважения путем получения подтверждения со стороны» [9; 219]. Современная жизнь развивает в нас некую нарциссическую озабоченность, обеспокоенность собственным положением, статусом, уважением со стороны других. Современный человек часто ощущает себя субъективно пустым, при этом не принятым социумом. Бесконечно размышляя о славе, богатстве, абстрактной успешности, он сосредотачивается на построении собственного имиджа, отвечающего всем этим параметрам. Юнговская «персона» все чаще побеждает в нас сущность. Базовые проблемы нарциссической личности – поиск идентичности и самоуважения сочетается в них со страхом, стыдом и компенсаторно развитым грандиозным Я – предъявляемым вовне образом сверхуспешного человека.

З.Фрейд, используя миф о Нарциссе для определения особенностей нарциссической личности, выделил ряд аспектов понятия «нарциссизм»:

1) так называемый нормальный нарциссизм – потребность в ощущении собственной значимости, в поддержании самооценки на достаточно высоком уровне, проявляющаяся в здоровой любви к самому себе;

2) патологический нарциссизм в виде фиксации либидо на собственном Я;

3) механизм возникновения и развития шизофренического психоза – отнятия либидо от объекта и обращение его на собственное Я;

4) нарциссический выбор объекта, то есть выбор объекта на нарциссической основе, осуществляемый не на основании реальных и известных свойств другого человека, а посредством приписывания ему идеальных желаемых чувств.

Напомним, что, предполагая отсутствие у нарциссических людей переноса из-за аутонаправленности либидо, З.Фрейд считал такую личность не пригодную для психоанализа.

Последователи З.Фрейда скорректировали его позицию относительно нарциссической личности. Особенности психоанализа нарциссизма стали центром внимания Хайнца Кохута – одного из основателей Self-психологии, сравнительно нового направления в психоанализе, рассматривающего человеческие отношения и жизненный цикл как историю бессознательных процессов поиска и нахождения Self-объектов. Self – четвертая (наряду с Ид, Эго, Супер-Эго) психическая инстанция, регулирующая развитие самоуважения в процессе отношений любви со значимыми объектами. Под Self-объектами понимаются фигуры для подражания/идентификации, способные к эмпатической поддержке, принятию, участию вне ситуации оценивания, некие «идеальные родительские модели». «Данный тер-

мин отражает тот факт, что индивидуумы, играющие эту роль, функционируют и как объекты вне собственного «Я», и как часть внутри очерченного собственного «Я». Помогая моделировать самоуважение, они присоединяют или замещают то, что у большинства из нас является внутренней функцией» [9; 228].

Развитие Self происходит в двух направлениях. Первое относится к развитию образа Я и проходит путь от фантазии о всемогуществе через реалистический образ Я к реалистическим жизненным целям. Второе касается представленности образа значимой фигуры – идеальной родительской репрезентации – от идеализации родителей к набору принципов и идеальных представлений о воспитании плюс образы конкретных людей с их достоинствами и недостатками.

Следует отметить, что семейная ситуация нарцисса отличалась атмосферой постоянного оценивания, прямой и косвенной критики и так называемым «нарциссическим расширением» – родительским стремлением сделать из ребенка то, чем не удалось стать самому. Нарушение самоуважения, некое нарушенное Self приводит к развитию так называемого «нового социализационного типа» – обойденного в эмоциональном отношении и неуверенного ребенка, который рос под фрустрирующим воздействием доминирующей матери, испытывая разочарование в «эмоционально тусклом» отце.

Основными нарциссическими проблемами современной личности являются:

- постоянная фиксированность на проблемах, связанных с самооценкой;
- выраженная зависимость от похвал и критики;
- невозможность испытывать чувство удовлетворения;
- чувство внутренней «пустоты»;
- холодность в межличностных контактах или периодическая «невовлеченность»;
- «паралич» деятельности вследствие крайне завышенных притязаний.

В такой ситуации стабильное чувство собственного достоинства не может развиваться при отсутствии достойных идеалов для подражания. Фигура преподавателя, обладающего знанием и являющегося носителем практики, может восполнить этот недостаток.

На представляется, что главная проблема нарциссизма – отсутствие self-объектной поддержки и реальных фигур для подражания, через идеализацию и последующее обесценивание которых можно стать личностью, что приводит к фантазиям об идеальных родителях, идеальной среде оби-

тания и идеальном Я – возможности достичь совершенства, могла бы быть хотя бы отчасти решена в образовательном процессе.

А.Лэнгле, рассматривая нарциссизм как антропологически-экзистенциальный феномен, отметил недостаточное развитие Я как ведущий признак: «нарцисс внутренне слаб – у него «нет себя». Он не знает, кто он есть, так как не может проникнуться бытием Персоны. Он не знает, чего он может в самом себе ценить, потому что не знает своего внутреннего ви-зави. Его Я в соотношении с внутренним попадает в пустоту. И поэтому, говоря образно, оно обеими руками хватается за соотношение с внешним – включая и ту руку, которая припасена для соотношения с внутренним» [4; 51].

Типичными паттернами нарциссического реагирования, по мнению А.Лэнгле, являются:

- дистанцированно-отстраненное, формальное поведение, ведущие к восприятию нарцисса как холодного и недоступного;
- актавизмы – часто используемые копинг-стратегии, проявляющиеся в компенсации дефицита чего-либо за счет чрезмерно активной деятельности – как форма гиперкомпенсации;
- ревность, зависть и соперничество, обусловленные чувством постоянного нелополучения чего-либо;
- агрессия в форме упрямства, раздражения, либо гнева;
- рефлексы мнимой смерти – копинг-стратегии, выделяемые в экзистенциальной психотерапии, проявляющиеся в параличе и потере чувств по отношению к тому, что представляет для человека проблему.

И еще одну важную в свете дельнейших наших рассуждений особенность нарциссизма выделяет А.Лэнгле: специфическим способом преодоления проблем у нарциссической личности является стремление заменять собственное Я идентификациями, то есть объектами, которые служат Я-представителями.

Особенностью переноса нарциссической личности является не внутренний конфликт, отличающий обычного невротика с его эдипальной структурой характера, а неутолимая жажда зеркального отражения его грандиозного Я эмпатичным слушателем и его ощущение безопасности в присутствии всеильной родительской фигуры аналитика.

Обратимся теперь к **образовательному процессу**. Социальная среда, насыщенная нарциссическими личностями, рождает аналогичную образовательную среду. Ситуация на престижных – юридических, экономических, психологических – факультетах, где предполагается социальный успех, в разы увеличивает количество нарциссических персонажей. На психологический факультет нарцисс устремляется в попытке найти источники своего внутреннего Я, словно подросток, находящийся в кризисе идентичности. Причем, это касается студентов различных отделений, раз-

личных возрастов, различного уровня подготовки. Не случайно, наверное, одним из любимейших предметов рассмотрения в различного рода студенческих работах является самосознание, Я-концепция, самооценка – то есть все то, что интересует нарцисса в первую очередь.

Формирование, или до-формирование (да простится нам этот термин) личности, структуры Я, происходит по ряду направлений. А.Лэнгле определяет их как три центральные способности человека в работе над собой, «индуцирующиеся» извне, но которые должны быть присвоены человеком, чтобы он смог стать автономным, аутентичным и продуктивным.

Это, прежде всего, уважительное внимание к самому себе. Задача сделать себя субъектом собственного внимания, условием чего является само-дистанцирование, решается на базе индуцированного внимания к себе со стороны других.

Второй способностью является справедливое отношение к самому себе. Задача этого аспекта – воспринимать себя в своих переживаниях, интуиции, мыслях и поведении и достигать такой степени согласования с собой, чтобы стать адекватным собственным содержаниям и ценностям. Для этого требуется принимать себя всерьез, то есть быть открытым по отношению к себе, оставаться в контакте с самим собой, базирясь на справедливом отношении со стороны других к твоему собственному содержанию.

И, наконец, признание ценности самого себя. Здесь имеется в виду оценка самого себя и суждение о себе, для которых требуется осознанная рефлексия собственных переживаний и действий, согласование с собственной совестью и с ценностями общества, выработка позиции по отношению к самому себе, чувство глубины и ценности собственного бытия как Персоны (соотношения внутреннего и внешнего в Я). Это ведет к ощущению человеком себя в своих действиях «правильным» и «оправданным» перед самим собой и другими на базе вынесения критических суждений извне и признания ценности со стороны других.

Каким образом могут осуществиться эти направления развития? Вероятно, в отношениях преподавателя как, с одной стороны, носителя внешнего, индуцированного отношения а с другой стороны, как значимой родительской фигуры, являющейся к тому же носителем целого пласта групповых (профессиональных) норм и ценностей, а порой и как образца для подражания, идентификации, и студента, как личности, стремящейся к развитию своего Я, своего Self и находящегося в поиске путей для достижения целостности этих структур.

Мы полагаем, что в отношениях «преподаватель – студент» перенос является центральным звеном так же, как и перенос в отношениях «психолог – пациент» является фокусом аналитического процесса. Попыта-

емся выделить общие моменты психоанализа и процесса обучения. На наш взгляд, таковыми являются:

- наличие значимой и знающей «взрослой» фигуры;
- попытка найти ответы на «базовые» вопросы;
- трансформация/развитие личности в процессе обучения в целом;
- регресс пациента/учащегося в конкретной ситуации обучения и в анализе;
- жесткий заданный сеттинг (ситуация, включающая расписание, место, условия и правила встреч).

Безусловно, различия в процессах обучения и психоанализа касаются, прежде всего, целей и задач этих процессов.

Сравнивая отношения в диадах «пациент-психоаналитик» и «студент-преподаватель», мы можем выделить общие моменты:

- перенос в психоанализе возникает спонтанно, сразу, так же, как и отношение к преподавателю;
- оба эти отношения носят аффективно-окрашенный характер, включают в себя фантазии по поводу фигуры аналитика/преподавателя;
- отношения отличаются амбивалентностью;
- они действуют наряду с реальными, рабочими отношениями (терапевтическим альянсом);
- базируются на отношении к аналитику/преподавателю как к значимой и знающей фигуре;
- включают в себя передачу аналитику функций Супер-Эго: регулирование поведения, установление норм и ограничений, оценку, контроль и т.д.

В такой ситуации образовательная среда должна быть насыщена self-объектами, функции которых могут определяться требованиями к психоаналитику в ситуации психоанализа. Требования к позиции аналитика в работе с нарциссической личностью – эмпатичность переживаниям клиента, принятие идеализации и обесценивания, «Self-объектная поддержка»: терпеливое, настойчивое и постоянное акцентирование внимания на достижениях с целью формирования адекватной, но позитивной самооценки вместо неадекватного «грандиозного Я», проявление уважения и безоценочность могут стать принципами развивающей функция преподавателя.

Учитывая необходимость для ищущего себя Я интроецировать отношение к себе, превратив его в самоотношение, преподаватель как Self-объект, фигура переноса, выражает:

- внимание к различным проявлениям развивающегося Я студента;
- справедливое отношение со стороны других к содержанию личности студента;
- критические суждения, признавая при этом ценность другого.

Заключение.

1. В процессе обучения в диаде «учитель-ученик» возникают отношения переноса.

2. Этот перенос имеет характер нарциссического, что связано, с выраженным увеличением в современном обществе нарциссической ориентации в воспитании на успех, социальные достижения, индивидуализм и перфекционизм. На психологическом факультете ситуация обостряется и в связи с пролучаемой возможностью «скорректировать» или «дорастить» свое Я.

3. Развивающая функция преподавателя, таким образом, аналогична функции аналитика в работе с нарциссическим пациентом.

4. Позиция преподавателя в этом контексте – эмпатичное, безоценочное принятие процессов идеализации собственной фигуры как self-объекта, ее последующего обесценивания, проявление уважения.

5. Ядро этой позиции – self-объектная поддержка: подчеркивание достижений Я с целью формирования адекватной позитивной самооценки.

Литература

1. *Куттер П.* Современный психоанализ. – СПб: «Б.С.К.», 1997.
2. *Кохут Х.* Анализ самости. – М.: «Когито-центр», 2002.
3. *Кохут Х.* Восстановление самости. – М.: «Когито-центр», 2002.
4. *Лэнгле А.* Грандиозное одиночество. Нарциссизм как антропологическо-экзистенциальный феномен // Московский психологический журнал, №2, 2002.
5. *Казанская А.В.* Удостоверение личности нарцисса // Московский психологический журнал, №2, 2002.
6. *Гаранян Н.Г., Холмогорова А.Б.* Очарование нарциссизма // Московский психологический журнал, №2, 2002.
7. *Сандлер Дж., др.* Пациент и психоаналитик. Основы психоаналитического процесса. – М.: «Смысл», 1997.
8. *Томэ Х., Кэхеле Х.* Современный психоанализ. Т.1.: Теория. – М.: «Прогресс», 1996.
9. *Мак-Вильямс Н.* Психоаналитическая характерология. – М.: 2001.
10. *Жибо А.* Введение к разделу «Трансфер и контртрансфер» / Французская психоаналитическая школа / Под ред. А.Жибо, А.В.Россохина. – СПб: Питер, 2005.
11. *Фрейд З.* Исследование истерии.
Фрагмент анализа истерии.
О психоанализе.
О динамике переноса.

Очерк о психоанализе.

К.С.Лисецкий, О.А.Ушмудина

Развитие личностно-психологической устойчивости студентов к наркотической контаминации

Исследование проведено при поддержке конкурса грантов для студентов, аспирантов и молодых ученых Самарской области 2004г. (грант №236Г1.5Д)

Студенчество как отдельная социальная группа является средой распространения различных явлений и процессов, в том числе и негативно на нее влияющих, таких как: наркомания, алкоголизм, никотиновая зависимость, интернет-аддикция и проч.

Анализ студенческой среды позволяет выделить ряд специфических особенностей этой аудитории:

1. изменение социального статуса и приобретение новой социальной роли «студента»;
2. преобладание ориентации на профессиональное становление, а не межличностное общение по сравнению со средней школой;
3. менее контролируемая взрослыми (родителями или лицами их замещающими) «среда обитания»;
4. повышение «жизненной» рефлексии и приобретение нового опыта по мере взросления и перехода на старшие курсы.

Актуальность нашего исследования определяется противоречиями между содержанием основных психопрофилактических подходов (информационным, формированием жизненных умений и навыков, валеологическим и др.) и особенностями студенческой среды, запросом со стороны общества на новые разработки в сфере профилактики наркомании в вузе и отсутствием предложений, реально способствующих предотвращению злоупотребления наркотических веществ молодежью.

Очевидность социальной проблемы изучаемого нами явления не нуждается в дополнительных комментариях. В то же время, как научная проблема, на решение которой направленно настоящее исследование требует дополнительного пояснения. Опираясь на исследования, проведенные ранее, следует отметить, что выявление отдельных причин и факторов наркотизации несет определенную информацию для исследователя, но не содержит достаточного эффекта психологической защиты личности студента. Другими словами, необходим интегративный подход, позволяющий диагностировать актуальное состояние студента и развивающая его личностные ресурсы и психологическую устойчивость.

Целью нашего исследования является разработка комплексной экспериментальной модели профилактики, направленной на развитие личностно-психологической устойчивости студентов к наркотической конта-

минации.

Данное исследование является одним из цикла экспериментально-психологических работ, выполненных на основе концепции персонализации (А.В. Петровский, В.А. Петровский) и теории негативной зависимости личности (Л.В. Куликов, К.С. Лисецкий), которое направлено на анализ механизма развития психологической устойчивости личности, определение специфических условий, способствующих ее развитию в системе высшей школы.

Вслед за Л.В. Куликовым под психологической устойчивостью мы понимаем системное качество личности, отдельными аспектами которого являются стойкость, уравновешенность, сопротивляемость. Оно позволяет личности противостоять жизненным трудностям, неблагоприятному давлению обстоятельств, сохранять здоровье и работоспособность в различных испытаниях.

Проведение психопрофилактической работы в вузе, по нашему мнению, невозможно в отрыве от общей стратегии подготовки специалиста. Вслед за М.В. Клариним, Л.М. Митиной, В.А. Петровским, мы ориентируемся на взаимодействие субъектов учебного процесса как интеграцию личностных особенностей студента и усвоение нового профессионального опыта.

Принципиальным отличием разрабатываемого нами интегративного подхода психологической профилактики наркомании в студенческой среде является создание в учебном процессе условий для порождения, поддержания и самовоспроизведения устремлений (В.А. Петровский) – познания, переживания, действия. В основе нашей позиции находится предположения, что личность студента строится из самоценных процессов в когнитивной, эмоциональной и поведенческой сферах. Таким образом, при проведении психологической профилактики наркомании в вузе в рамках образовательного процесса, необходимо прорабатывать особое взаимодействие между преподавателем и студентами, порождающее и поддерживающее не связанные с употреблением психоактивных веществ устремления. Это создает условия для переживания студентом себя как личности, исключая наркотики из средств построения своих отношений с собой и с другими.

Планируя содержательный и организационный аспекты обучения, принципиальным является вопрос о том, что необходимо для того, чтобы устремления «однажды возникли», и как организовать среду, чтобы они «самоподдерживались». Другими словами, какие методы и условия уже существуют в высшей школе, а также какие мы можем разработать для учебного процесса, с целью развития личностно-психологической устойчивости студента к наркотической контаминации.

Рядом исследователей (Березин С.В., Лисецкий К.С., Литягина Е.В., Назаров Е.А., Самыкина Н.Ю.) определены основные критерии личностной защиты, удерживающие от употребления наркотиков и других психоактивных веществ:

1. здоровое и развитое чувство юмора как способность к адекватному восприятию проблемных ситуаций и их разрешению через чувство юмора и умение шутить;
2. высокий внутренний самоконтроль (саморегламентация);
3. видение жизненной перспективы;
4. сформированная система ценностей;
5. способность вести себя в группе в соответствии со своими ценностями;
6. адекватная самооценка;
7. способность к конструктивному поведению в условиях конфликта,
8. способность к децентрации, т.е. умение смотреть на одну проблему (процесс, явление) с разных точек зрения (сторон, углов рассмотрения);
9. устремленность личности, т.е. ее ориентация на сам процесс (действие), а не на результат;
10. низкая психологическая внушаемость (самореферентность);
11. стрессоустойчивость как индивидуальная внутрипсихологическая способность или умение преодолевать стрессовые ситуации, трансформировать их в различного рода поисковую активность;
12. критичность как способность к адекватному восприятию и пониманию различного рода информации;
13. рефлексивность как способность к адекватному восприятию действительности, пониманию причинно-следственных связей, осознание собственных мотивов и результатов деятельности;
14. творчество (креативность) как способность нахождения принципиально новых решений «на основе неоднозначных данных»;
15. субъектность как способность выходить за пределы внешних и внутренних ограничений личности;
16. познавательная самостоятельность как способность к осознанной постановке и решению проблемных ситуаций.

В рамках нашего исследования, мы планируем провести первичный диагностический срез степени выраженности перечисленных выше способностей в студенческой среде в зависимости от профессиональных и половозрастных особенностей до начала психопрофилактической деятельности, после ее завершения, скрининговые исследования, а также через определенное время после завершения обучения. Построение комплексной экспериментальной модели профилактики планируется в рамках учебного процесса в Самарском государственном университете, а также прове-

дении сравнительно-сопоставительных исследований в вузах Санкт-Петербурга, Архангельска, Минска, Волгограда и Липецка.

Проведение психопрофилактической работы реализуется нами в рамках спецкурса «Психология негативной зависимости», который читается у студентов 1-2 курса гуманитарных, естественных и социально-экономических факультетов Самарского государственного университета и представляет собой формирующий эксперимент, направленный на формирование устойчивого «неагрессивного» безразличия к употреблению наркотических веществ, т.е. личностной устойчивости студента.

Комплексная программа профилактики наркомании в вузе базируется на интеграции основных психопрофилактических подходов. Информационный подход, с одной стороны, позволяет преподнести качественную и достоверную информацию о заявленной проблеме, а с другой, получить обратную связь о степени знакомства с проблемой от самих студентов. При чтении лекций основными темами являются: зависимость как многоаспектное и мультипричинное явление, субкультура потребителей наркотиков: мифы, установки, особенности мотивационной структуры, особенности внутрисемейных отношений и нарушение семейных функций, девиантное поведение у детей и подростков как условие риска наркотизации, факторы риска и факторы защиты.

Применение личностно-ориентированного подхода, в рамках которого проводятся практические и лабораторные занятия, направлено на построение развивающего взаимодействия. Для этого необходимо, чтобы отношения преподавателя со студентами строились на основе партнерского взаимодействия, когда преподаватель стремится сопоставлять свою точку зрения с мнением студента, стремясь создать диалоговый характер отношений, ведущий к развитию личностной устойчивости студента.

Интеграция личностно-ориентированного (субъектного) психопрофилактического подхода и развивающего обучения осуществляется на основе синтеза разработанных и апробированных ранее программ («Программа решения задач взросления», «Технология формирования социальных навыков»; Березин С.В., Лисецкий К.С., Литягина Е.В., Самыкина Н.Ю.).

Содержание занятий минимально посвящено проблеме негативной зависимости, а акцент делается на личности самого студента, актуальных для него проблемах, конфликтах, жизненных трудностях.

Обсуждение затрагивает следующие темы: отношение к проблеме зависимого поведения и зависимым сверстникам, отношение к представителям других национальностей и межнациональным конфликтам, отношение к себе, отношения с родителями, отношения с другими людьми (межличностные и ролевые), отношение к обучению, вузу, будущей профессии.

Во время проведения учебного курса преподавателем осуществляется два первичных диагностических среза, во-первых, так называемых «студентов группы риска», потенциально склонных к зависимому поведению, во-вторых, наличие (уровень сформированности) у них личностных качеств, защищающих от наркотической зависимости, и вторичный диагностический срез после завершения курса. Использование диагностического инструментария и методов психосемантического исследования, сравнительный анализ первичного и вторичного замеров, позволяют делать выводы об успешности решения сверхзадач курса и эффективности проведенной психопрофилактической работы.

Кроме этого, необходимо отметить, что через полгода после завершения спецкурса, нами проводился последний диагностический замер, показавший, что в группах, изучающих спецкурс «Психология негативной зависимости» наблюдаются следующие устойчивые и достоверные тенденции. Во-первых, снижение социально негативных проявлений личности (уменьшение употребления алкоголя, отказ от курения, реалистичное (основанное на критичности и чувстве юмора) отношение к системе игровых автоматов и других азартных игр и пр.). Во-вторых, по отзывам самих студентов можно отметить, что появилась осознаваемая возможность, так называемого личностного (т.е. их собственного) выбора в напряженных или конфликтных ситуациях.

На наш взгляд, результаты исследования представляют интерес в нескольких аспектах. Во-первых, реализация комплексного интегративного профилактического подхода значительно снизит риск возникновения социально негативных явлений в высшей школе, во-вторых, поможет студентам в преодолении жизненных трудностей и кризисных периодов при обучении в вузе, в-третьих, встроится в образовательное пространство любого высшего или другого учебного заведения, озабоченного вопросами защиты студентов от наркотической контаминации.

Литература

1. *Березин С.В., Лисецкий К.С., Назаров Е.А.* Психология наркотической зависимости и созависимости. М: МПА, 2001.
2. *Куликов Л.В.* Психогигиена личности: вопросы психологической устойчивости и психопрофилактики. СПб, 2004.
3. *Лисецкий К.С., Литягина Е.В.* Психология не-зависимости. Самара, 2004.
4. *Литягина Е.В.* Нерешенные задачи взросления как психологические условия формирования аддиктивного поведения старшеклассников. Дис... канд. психол. наук. Калуга, 2004.

5. *Самыкина Н.Ю.* Формирование личностной готовности психологов к первичной профилактике наркомании в среде старшеклассников. Дис... канд. психол. наук. Калуга, 2002.

6. Профилактика наркотизма: теория и практика, под ред. С.В. Березина, К.С. Лисецкого. Самара, 2005.

7. Технология формирования социальных навыков, под ред. С.В. Березина, К.С. Лисецкого. Самара, 2005.

НАПРАВЛЕНИЕ 5. СЕМЕЙНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

С.В.Березин, А.А.Воронова, О.В.Шапатина

Коррекция личностного развития ребенка: семейная психотерапия и семейное консультирование

Семья естественным образом обеспечивает ребенку такие важные условия личностного развития как интимный, эмоционально насыщенный, положительный характер взаимодействия, основанный на исходной привязанности; устойчивость и длительность взаимоотношений, обеспечивающих последовательное познание взрослого партнера и формирование системы ориентиров в его поведении; участие в разнообразных, в том числе «взрослых» и «серьезных» видах деятельности. Практически бесспорным в настоящее время является утверждение о том, что нормальное психическое развитие ребенка невозможно вне системы межличностных отношений, которая характеризовалась бы подобным образом.

В работах отечественных (Варга А.Я., Петровский В.А., Спиваковская А.С. и др.) и зарубежных (В.Сатир, К.Витакер, Э.Берн и др.) психологов убедительно показано, что основные причины нарушений в личностном развитии ребенка связаны с его субъективным реагированием на сложившуюся в семье систему отношений и воспитания. Именно это утверждение и является основой практически общепризнанного в настоящее время в психологии положения о том, что симптоматическое (проблемное) поведение ребенка в семье имеет общесемейный смысл и происхождение. Последнее обстоятельство, ставшее предметом внимания семейных психотерапевтов начиная с 50-х годов XX века, создало предпосылки для возникновения и динамичного развития семейной психотерапии и семейного консультирования. Выделившаяся в начале 60-х годов в самостоятельную область психотерапевтической практики, семейная психотерапия исходит из того, что конкретное нарушение в личностном развитии ребенка рассматривается как результат нарушений в функционировании семьи. Такое понимание сути психологических проблем, возникающих в развитии личности ребенка, определило соответствующие способы психологической коррекции. В настоящее время основными способами психологической коррекции личностного развития ребенка является семейное консультирование и семейная психотерапия.

Анализ особенностей психологического консультирования и психотерапии как способов коррекции личностного развития ребенка в семье требует некоторых предварительных замечаний.

При определении содержания и соотношения понятий *психологическое консультирование*, *психотерапия* и *психологическая коррекция* неизбежно возникает типичная для психологии ситуация *отсутствия определенности*. Психологический словарь определяет психологическое консультирование как *способ* оказания психологической помощи, который основан на «представлении о том, что с помощью специально организованного процесса общения у обратившегося за помощью могут быть актуализированы дополнительные психологические силы и способности, которые, в свою очередь, могут обеспечить отыскание новых возможностей выхода из трудной жизненной ситуации» [14, С.172]. При этом указывается, что «от классической психотерапии консультирование отличает отказ от концепции болезни, большее внимание к ситуации и личностным ресурсам» [14, С.172]. Очевидно, что такое понимание психологического консультирования практически отождествляет его с «неклассической» психотерапией, основанной «на иной, немедицинской модели» [16, С.6]. Нам представляется, что «отказ от концепции болезни» как критерий, лежащий в основе определения специфики психологического консультирования, не является достаточным, поскольку в этом случае практически отождествляются психологическое консультирование, немедицинская психотерапия, *гуманистическая психиатрия* (термин В.Е.Когана) и психологическая коррекция, если вслед за А.С.Спиваковской понимать ее как форму психологического воздействия, «когда речь идет о детях еще не больных, но уже и не здоровых» [17, С.49], то есть о детях, «по эту сторону болезни». Не меньшие сложности возникают и при рассмотрении понятия *психокоррекция*. В психологическом словаре этот термин отсутствует [14]. А.С.Спиваковская определяет психологическую коррекцию как метод (в другом случае как форму) профилактики, тогда как психотерапия рассматривается ею как метод лечения [17]. Г.С. Абрамова определяет психологическую коррекцию как «обоснованные воздействия психолога на дискретные характеристики внутреннего мира человека». Сходную точку зрения на психологическую коррекцию и ее соотношение с психотерапией высказывает М. Папуш [9]. Очевидно, что Г.С. Абрамовой и А.С. Спиваковской используются различные критерии, при этом существует целый пласт психических феноменов, не являющихся неврозами, и, тем не менее, не доступных для дискретных воздействий. Например, высокая тревожность, которая в качестве симптома обнаруживается в структуре широкого круга невротических расстройств, сама по себе не является неврозом и, следуя логике А.С.Спиваковской, является предметом психологической коррекции. Однако практический опыт показывает, что кор-

рекция тревожности не укладывается в представления о дискретном воздействии.

Точка зрения К.Роджерса на вопрос о соотношении терапии и консультирования заключается в том, что консультирование является одним из методов терапии. Так, по его мнению, на предварительном этапе важно определить «подходит ли индивид для терапии методом консультирования, ... следует ли сделать основной упор на метод консультирования или же на «средовой» подход» [15].

Нам представляется, что в значительной степени прояснить ситуацию возможно, если в качестве исходного для последующих рассуждений выбрать термин *психологическая коррекция*. Возможность такого подхода обнаруживается нами в одном из выводов, которым А.С.Спиваковская подытоживает результаты своего анализа семейной терапии как формы групповой психотерапии: «Иными словами, семейная психотерапия направлена на коррекцию внутрисемейных коммуникаций» [17]. Очевидно, что *коррекция* выступает здесь как задача, которая должна быть решена, а *семейная психотерапия* – как метод, способ или средство решения этой задачи. С другой стороны, обращаясь за психологической помощью по поводу ребенка, родители в подавляющем большинстве случаев ожидают, что результатом этой помощи будет изменение, преобразование, исправление и т.п. в поведении ребенка. Таким образом, родители, формулируя свой запрос, фактически ставят задачу коррекции поведения ребенка. Другое дело, что в зависимости от различных условий, решаться эта задача может различными способами. Мы полагаем, что можно выделить два основных способа коррекции личностного развития ребенка и его поведения: консультирование и терапию. Поиск надежных критериев различения способов коррекции предполагает проведение сравнительно-сопоставительного анализа консультирования и терапии.

В.В.Столин выделяет педагогическую, диагностическую, социальную, медицинскую и психологическую модель консультативной помощи семье [16].

Отмечая безусловные достоинства разработанной В.В.Столиным классификации моделей консультативной помощи семье, мы, тем не менее, считаем возможным сделать некоторые дополнения и уточнения.

Педагогическая модель ориентирована, прежде всего, на компенсацию недостаточной осведомленности и компетентности родителей в воспитании ребенка. Анализируя процесс воспитания в семье, педагог, врач или психолог, работающие в рамках данной модели, должны ответить на три вопроса. Во-первых, какими способами родители воспитывают ребенка (тип воспитания). В случае, если реализуемый тип воспитания способствует возникновению и развитию патологических изменений личности ребенка, приходится ответить и на второй вопрос: почему родители воспи-

тывают ребенка именно таким образом, то есть каковы причины, вызывающие формирование данного типа воспитания. Установив эту причину, необходимо ответить и на третий вопрос – о месте этой причины в системе отношений в семье.

Считается, что, проанализировав вместе с родителями ситуацию, консультант разрабатывает систему мер, реализуя которую, родители смогут позитивно влиять на развитие ребенка. При этом консультант ориентируется, прежде всего, на универсальные способы воспитания, оптимальные с точки зрения педагогики и психологии. Очевидной слабой стороной этой модели является игнорирование скрытого уровня мотивации родителей, обращающихся за помощью, а также особенностей личности ребенка. Нетрудно заметить, что по своей сути эта модель является реализацией бихевиористского подхода к модификации поведения.

Диагностическая модель ориентирована на компенсацию у родителей дефицита информации, адекватно отражающей реальную ситуацию в межличностных отношениях членов семьи, а также их личностные особенности. В построении адекватного семейного диагноза широко используются, применяемые комплексно, клинико-биографический, психодиагностические методы и метод включенного наблюдения. Клинико-биографический метод, являясь основным и ведущим, позволяет стереоскопически воспроизвести биографию семьи, выявить психологические взаимоотношения в настоящий момент путем сопоставления и сравнения оценок одних и тех же ситуаций, сделанных разными членами семьи и психологом.

Самую ценную информацию о функционировании семьи предоставляет метод включенного наблюдения. Очевидно, что перспективы развития данной модели консультативной помощи семье связаны, прежде всего, с разработкой средств диагностики различных феноменов семейной жизни. По мнению Э.Г.Эйдемиллера, резервом дальнейшего совершенствования диагностики семейных отношений является разработка психодиагностических методик, предназначенных для анализа отклонений воспитания и выявления причин их возникновения [22].

Диагностическое заключение, которое выносит психолог в результате специальных психодиагностических мероприятий, становится основой для принятия каких-либо организационных решений, либо используется для расширения осознания взрослыми различных аспектов внутрисемейного функционирования, которые вытесняются из их сознания. Так, в теории семейных систем М.Боуэна [24] осознание считается условием и механизмом позитивной динамики семейной системы. Однако, как это и бывает в большинстве случаев, само по себе принятие диагностической информации вовсе не означает готовность клиента к изменениям своего поведения, а осознание глубины проблем отнюдь не означает ее автоматическое

ческой динамики. Очевидно, что диагностическая модель может быть эффективна лишь при условии получения консультативной помощи субъектом, способным самостоятельно преобразовывать диагностическую информацию и выступать автором рекомендаций и советов для себя самого.

Наличие в семейном общении, особенно в конфликтном семейном общении, неосознаваемых компонентов значительно усложняет положение консультируемого и работу психолога. Серьезные проблемы неизбежно возникают при необходимости обсуждения с клиентами причин конфликта и путей выхода из него. И причина здесь не только в том, что многие детерминанты межличностного конфликта лежат в области бессознательного и при попытках их обсуждения неизбежно актуализируются защитные механизмы личности, но и в том, что позиция психолога – «вне», а позиция клиентов – «внутри» принципиально различны. Каким образом психолог, не разрушая семейную конфигурацию, может войти внутрь семьи так, чтобы основными авторами реконструкции семьи были те, кто в ней живет?

Социальная модель консультативной помощи предполагает анализ жизненной ситуации клиента и непосредственное участие в преобразовании обстоятельств его жизни. На реализацию такой помощи ориентированы различные центры социальной помощи населению, службы знакомств, центры переориентации и трудоустройства безработных. Оказание помощи в рамках обсуждаемой модели предполагает две достаточно самостоятельных, но, тем не менее, тесно взаимосвязанных составляющих: анализ индивидуально-психологических особенностей клиента с точки зрения его социальной эффективности, брачного поведения, профессионально-важных качеств, а также непосредственное участие в изменении его жизненной ситуации: трудоустройство или помощь в создании семьи. При этом наиболее важную роль играет собственно психологическая составляющая. Так, анализ деятельности центров занятости показывает, что их эффективность непосредственно зависит от того, насколько глубоко и содержательно ведется в них психологическая работа с безработными. По мнению В.-Франкла, отсутствие психокоррекционной работы с клиентами службы знакомств приводит либо к формированию у них рентных установок, либо к переносу в новую семью старых шаблонов поведения.

Медицинская модель основана на предположении о том, что в основе семейных трудностей лежат психические или соматические болезни кого-либо из членов семьи, а также имеющие выраженную клиническую составляющую нарушения развития личности одного или обоих супругов, или ребенка. Усилия специалистов, работающих в рамках данной модели, направлены, прежде всего, на излечение болезни, реабилитацию больного члена семьи, адаптацию здоровых членов семьи к особенностям больного. В соответствии с этой моделью работают многие центры помощи семьям,

имеющим детей-инвалидов. Ограниченность медицинской модели очевидна, так как в ней недостаточно учитывается влияние межличностных отношений в семье на генезис и динамику заболевания. Что же касается таких нарушений развития личности как различные формы зависимости, то, как показывает анализ литературы, их терапия малоэффективна, если вне терапевтического процесса остаются те, кто находится с зависимым в отношениях созависимости.

Психологическая модель консультативной помощи семье исходит из понимания различных форм семейного неблагополучия как следствия нарушения семейного функционирования, и системы семейных взаимоотношений [7]. Таким образом, психологическая модель рассматривает семейные нарушения, в том числе и нарушения в личностном развитии ребенка, в рамках процесса развития семьи как системы. Частным случаем психологического консультирования является модель *возрастно-психологического консультирования* [3], где основным содержанием являются возрастные особенности детей. Эта модель обращена, прежде всего, к родителям ребенка и направлена на изменение их представлений о воспитании, ребенке, норме поведения, а значит, может быть рассмотрена как одна из моделей семейного консультирования.

Заметим, что все выделяемые В.В.Столиным модели консультативной помощи являются научно обоснованными, респектабельными и с практической точки зрения могут быть весьма эффективными при условии соответствия модели и решаемой задачи.

Основная задача консультанта, работающего в рамках психологической модели, заключается в том, чтобы, опираясь на закономерности человеческого бытия и общения, усилить и активизировать внутренние ресурсы семьи, необходимые для того, чтобы семья смогла справиться с существующими проблемами. На наш взгляд, преодоление семьей имеющихся в ее жизни затруднений, выступает как механизм наращивания внутренних ресурсов. Таким образом, мы определяем задачу консультанта, решаемую в рамках данной модели, как оптимизацию самодвижущегося процесса развития семьи, что само по себе возможно как *соучастие* в процессе личностного развития индивидов, входящих в ее состав. Мы считаем, что эффективное психологическое консультирование есть *создание условий и предпосылок для субъектных преобразований своего внутрисемейного поведения хотя бы одним членом семьи*. Субъектное проявление индивида в контексте семейной системы может быть рассмотрено как *единица* анализа процесса развития семьи, а, значит, процесса семейного консультирования и терапии.

Говоря о единице анализа процесса семейного консультирования и терапии, мы имеем в виду эмпирически фиксируемые феномены, которые одновременно являются преобразующими и для семьи как целого, и для

индивида, как части этого целого. Актуальность и значимость для психологии анализа по единицам убедительно обосновал в своих работах Л.С.Выготский. Исследуя высшие психические функции, Л.С.Выготский говорил о необходимости анализа по единицам, то есть анализа, «расчленяющего сложное целое на далее неразложимые единицы, сохраняющие в наипростейшем виде свойства, присущие целому, как известному единству» [6, С.176].

Анализ по единицам, то есть вычленение квантов целого, сохраняющих свойства этого целого, выступает для Л.С.Выготского как альтернатива анализа по элементам, то есть вычленения из целого отдельных частей и их исследование вне целостного контекста. Говоря о важности обоих этих видов анализа, Л.С.Выготский, тем не менее, подчеркивал, что только анализ по единицам позволяет при последующем синтезе восстановить целостность исследуемого феномена в полном объеме. Идея Л.С.Выготского о синтезе единиц анализа, восстанавливающей целостность, имеет особую значимость. Отталкиваясь от нее, мы полагаем, что в процессе оказания психологической помощи семье, специалист – семейный терапевт или семейный консультант - должен работать с единицами семьи как целого. Обнаружение и описание таких единиц даст возможность указать качественно-количественные параметры процесса психологической помощи семье.

Мы считаем, что такой единицей является *субъектное действие индивида в контексте семейного взаимодействия*. Под субъектным действием мы понимаем свободное и ответственное действие индивида, направленное на изменение собственного поведения. Соответственно, субъектное действие индивида в контексте семейного взаимодействия – это свободное и ответственное действие, направленное на изменение своего внутрисемейного поведения. Совершая такой шаг, индивид обнаруживает себя как субъекта, преобразующего собственное бытие. Одновременно, отражаясь другими как субъект, он приобретает свою субъектную продолжительность в других [11]. Обнаруживая себя как активного, деятельного субъекта в пространстве бытия других людей, индивид развивается как личность, при этом меняется и вся ситуация, в которой он субъектно проявился.

Таким образом, субъектное действие индивида является одновременно и событием его внутренней реальности, и событием внутренней реальности присутствовавших при этом значимых других. Поскольку поведение индивида в семье непосредственно предопределено семейным контекстом, то, очевидно, что, совершая действия, не предрешенные этим контекстом, индивид преобразует не только себя и других членов семьи, но и семейный контекст в целом. «Спасись, и рядом с тобой спасутся тысячи!» (Серафим Саровский); здесь факт свободного и ответственного

преобразования индивидом своей жизни – *спасись* – является *достаточным* условием изменения жизни других индивидов, присутствовавших при этом.

Итак, субъектное действие индивида в контексте семейного взаимодействия и является квантом целого, в котором целое представлено во всей своей полноте. Это позволяет нам использовать понятие *субъектное действие* для обозначения единицы анализа процесса семейного консультирования и семейной терапии.

Все перечисленные виды консультативной помощи семье, в том числе и возрастно-психологическая модель, являются психологическими, поскольку они направлены на решение психологических проблем семьи и основаны на закономерностях психологического воздействия [3], [16].

Несмотря на то, что семейное консультирование и семейная психотерапия в целом направлены на коррекцию личностного развития ребенка посредством оптимизации семейного функционирования, они, тем не менее, имеют принципиальные отличия. Целью психологического консультирования членов семьи является оптимизация внутрисемейных отношений через принятие родителями адекватных ролевых позиций по отношению к ребенку и друг другу, обучение родителей навыкам вхождения в контакт с ребенком и воспитание его в соответствии с общественными нормами поведения [13].

Нередки случаи, когда родители расходятся в вопросах обучения и воспитания своего ребенка и хотят побеседовать с консультантом наедине, чтобы проверить правильность своих позиций или объяснить какие-либо стороны семейной жизни. Психолог анализирует семейную ситуацию, исходя из интересов ребенка, и дает объективную оценку его возможностям. Он консультирует родителей и других родственников индивидуально, работая с родительской парой или семьей в целом, при этом, соблюдая тайну консультирования, чтобы не внести в семью новых травмирующих моментов. Индивидуальное консультирование помогает в последствии правильнее построить консультирование семьи, в котором кроме родителей, участвуют и другие родственники. Те конфликты, которые непосредственно не касаются ребенка, не включены в задачи исследования, о чем сообщается родителям. С помощью такого консультирования достигаются выработка внутрисемейных позиций и принятие оптимальных семейных ролей каждым членом семьи [13].

Таким образом, чертами семейного консультирования являются, в первую очередь, ориентация на работу с родителями и экспертно-исследовательская позиция психолога. При этом подразумевается, что, получая необходимую для них информацию, родители будут способны изменить свое поведение в семье, стиль воспитания, характер межличностных отношений. Задача психолога заключается в том, чтобы предоставить взрос-

лым членам семьи информацию, имеющую непосредственное отношение к той проблеме, с которой семья обращается за консультацией. Ответственность за адекватное использование этой информации, а также за необходимые изменения на личностном и межличностном уровне лежит на клиенте.

Очевидно, что консультативный подход к коррекции психического развития ребенка имеет некоторые ограничения. Границы возможностей психологического консультирования закладываются двумя обстоятельствами. Во-первых, тем, что окончательный исход консультирования зависит только от самого клиента, его воли и желания что-либо менять в своей жизни и жизни своей семьи и, тем самым, разрешить свои психологические затруднения. Таким образом, важнейшим условием эффективности семейного консультирования является способность клиента к свободному самоопределению, т.е. его *полнота* как субъекта саморазвития. Тогда, когда эта способность снижена, и клиент не способен к выходу за пределы сложившихся схем взаимодействия с семьей и жизнью в целом, необходимы специальные усилия со стороны психолога для наращивания индивидом *ресурса субъектности*. Мы полагаем, что эти усилия, оформленные в виде систематических методов и техник, и есть психотерапия. Исходя из этого, мы можем сказать, что *цель семейного консультирования заключается в обнаружении с помощью различных форм и методов диагностики направления субъектных действий в контексте семейных отношений, тогда как цель семейной терапии заключается в том, чтобы, работая с семьей как целым, создавать условия для инициации, реализации и поддержания субъектных действий членов семьи*. Таким образом, первое ограничение возможностей семейного консультирования связано с уровнем готовности клиентов воспользоваться результатами консультации.

Второе ограничение связано с исторически сложившимся в процессе развития психологической науки и практики положением, которое можно было бы условно назвать *ситуацией бессубъектности ребенка*. В наиболее радикальной форме эта ситуация зафиксирована в педагогике и психологии в виде мифа, который в числе других положений-мифов о родителях и детях Ле Мастерс формулирует в следующем виде: «Нет плохих детей – есть плохие родители». Сравнительно-сопоставительный анализ моделей психологического консультирования показывает, что ни одна из этих моделей не учитывает собственной субъектности ребенка. В подавляющем большинстве случаев консультативная помощь семье ориентирована, прежде всего, на работу с родителями, изменения в поведении, общении или воспитательном стиле которых рассматриваются как необходимые и достаточные предпосылки коррекции личностного развития ребенка. При этом, ребенок с его внутренним миром, переживаниями, фантазиями, образами ситуации как реальный субъект остается как бы за

скобками консультативного процесса. Заметим здесь, что как *отраженный субъект* он реально присутствует в ситуации консультирования.

Из поля зрения исследователей и практиков постоянно ускользает кажущееся уже не требующим доказательств положение о том, что важнейшим фактором личностного развития ребенка в семье является его субъективное восприятие внутрисемейной ситуации, его субъективное отношение и реакции на те или иные события семейной жизни, в конечном итоге, его собственная активность в контексте семейных взаимодействий. Однако сама практика семейного консультирования в *связи с нарушениями в поведении ребенка* такова, что ребенку отводится в нем пассивная роль. «Детский» полюс родительско-детских отношений попадает в фокус внимания консультанта преимущественно как источник информации для построения портрета семьи «глазами ребенка». То, что ребенок не просто, пусть и по-особому видит, воспринимает и переживает жизнь семьи, а активно участвует в ней, внося свои вклады в построение тех или иных отношений, практически никак не задействовано в консультативном процессе. Хотя сама возможность исследования и использования таких вкладов существует и открывается, благодаря методу виртуальной субъектности [11]. А между тем, в практике семейного консультирования и в жизни нередко встречаются случаи, когда дети выступают в качестве непосредственных архитекторов семьи («Дядя Володя, женитесь на моей маме!») или ее разрушителей («Мама, зачем он нам нужен, нам и вдвоем хорошо!»). Сложившаяся ситуация в значительной степени связана, на наш взгляд, с одной стороны, с дефицитом надежных методических приемов диагностики качественных и количественных характеристик «детских вкладов» в жизнь семьи, а, с другой стороны, с отсутствием эффективных техник проектирования ситуаций, в которых ребенок мог бы осуществить тот или иной позитивный «вклад» в семью, или в себя как члена семьи. Очевидно, что в последнем случае речь идет о техниках актуализации субъектности ребенка в контексте семейных отношений. Мы считаем, что недостаток внимания к «детскому» полюсу родительско-детских отношений создает эффект «слепого пятна» в деятельности семейного психолога, что снижает эффективность консультативного процесса и выступает как ограничение его возможностей.

Справедливости ради необходимо отметить, что в последнее время появились работы, в которых обосновывается необходимость включения детей в семейную терапию, рассматриваются основные способы активного вовлечения детей в терапию, создание привлекательных для детей условий проведения психотерапии, объяснение детям сущности и основных идей психотерапии в доступной наглядной форме, использование игр, наглядных пособий, рисунков, генограмм для изучения представлений детей о структуре семьи и ее развитии, использование процессов персонификации

фикации и экстернализации проблем, облечение проблем в форму сказок и метафор, формирование у детей новых навыков поведения [25]. Однако, во-первых, такие работы немногочисленны, а, во-вторых, ребенок и его включенность в психотерапию продолжают рассматриваться в них лишь как условие повышения ее эффективности, но отнюдь не как полноправный субъект семейных отношений.

В той или иной степени указанные ограничения семейного консультирования преодолеваются в рамках семейной психотерапии как способа коррекции личностного развития ребенка.

Важнейшим принципом, существенно расширяющим возможности семейной психотерапии по сравнению с консультированием, является ориентация на работу с семьей как *целым*, не являющимся простой суммой составляющих его элементов. Как показывает анализ литературы [1], [2], [12], [19], [21], [22], этот принцип в семейной терапии является практически общепринятым независимо от того, с каким психотерапевтическим направлением идентифицирует себя тот или иной семейный психотерапевт. Нам представляется, что становление и развитие семейной психотерапии есть не что иное, как история теоретического обоснования и практического становления принципа работы с семьей как системой. Последовательная реализация этого принципа в практике оказания психологической помощи семье показывает, что:

- психологические проблемы в развитии ребенка, нарушения в поведении, невротическое развитие и т.п. рассматривается как закономерный результат эволюции семьи, как реакция ребенка на некоторую совокупность существующих в семье условий;
- эти условия, как правило, не осознаются членами семьи и не могут быть непосредственно усмотрены ими в их семейном опыте;
- коррекция элементов семейной системы требует актуализации скрытых от сознания аспектов жизни семьи;
- это, в свою очередь, предполагает актуализацию скрытых от сознания глубинных аспектов внутренней жизни членов семьи;
- это неизбежно предполагает процесс особым образом организованного общения с психологом или психотерапевтом, в ходе которого удастся активизировать личностные и системные ресурсы позитивного развития семьи.

Таким образом, ориентация на качественные и динамические характеристики целого диалектически «снимает» присущие семейному консультированию переоценку субъектности родителей и недооценку субъектности ребенка.

Вместе с тем, заметим, что теоретическое обоснование системной установки в семейной терапии оказалось «продвинутым» гораздо дальше, нежели ее практическая реализация. Так, в специальной литературе по се-

мейной психотерапии до сих пор отсутствуют сколько-нибудь серьезно разработанные ответы на целый ряд принципиально важных вопросов, например:

- что является минимальной единицей анализа семьи как целого, которая сохраняла бы в себе свойства целого;
- как соотносится изменение в поведении отдельных членов семьи и изменение на уровне семейной системы;
- какие факты общесемейной жизни приводят к изменениям семейной системы, а какие – нет;
- какие факты семейной жизни, приводящие к изменениям в семейной системе и ее функционировании, могут быть использованы как элементы семейной терапии;
- какие изменения на индивидуальном уровне выступают как причина динамики семейной системы.

Отсутствие ответов на эти и другие аналогичные вопросы приводит к тому, что теоретически декларируемая работа с семьей как целым на практике зачастую превращается в работу с индивидом в присутствии семьи. Нетрудно заметить, что все перечисленные вопросы непосредственно связаны с существующим в семейной терапии парадоксом, суть которого заключается в том, что, с одной стороны, целое необходимо понимать, исходя из его частей, тогда как части могут быть поняты только с точки зрения целого; а, с другой стороны, целое непостижимо до конца, если исходить из его частей, части непостижимы до конца, если исходить лишь из включающего их контекста (В.Садовский). Наиболее радикальные варианты решения этого парадокса приводят либо к отказу от работы с семьей как целым, либо к игнорированию возможности работы с отдельным членом семьи как носителем целого. Примером первого варианта является провокативная психотерапия: «в провокационной психотерапии нельзя прописать лекарство для целой семьи» [18]. Примером второго варианта являются некоторые направления системной семейной психотерапии, сторонники которых отказываются встречаться с клиентом без присутствия семьи [4]. Существуют и другие попытки преодоления указанного парадокса. Так М.С.Палаззоли предлагает использовать игровую метафору [8], а К.А.Витакер разработал модель символической экспериментальной семейной терапии [5].

Нам представляется, что разрешение указанного парадокса как на теоретическом, так и на практическом уровне может быть осуществлено, если для описания механизмов взаимовлияния в семье использовать принципы отраженной субъектности (В.Петровский) и отраженной интерсубъектности (О.Шапатина). Принцип отраженной субъектности, введенный В.А.Петровским [10], может быть использован для анализа и диагностики эффектов межличностного влияния в семье. Введение понятий *отражен-*

ная интерсубъектность других в индивиде и интерсубъектная отраженность индивида в других позволяет ответить на вопросы о механизмах влияния на личность *целостных* ситуаций межличностного взаимодействия, в которые она (личность) непосредственно не включена [20].

Смысл понятия *«отраженная интерсубъектность»* заключается в продолженности ситуации интерсубъектного взаимодействия одних людей в жизни другого человека, присутствовавшего в отраженной им ситуации. В отраженной интерсубъектности своей продолженности в жизни человека достигают специфические черты отраженной ситуации взаимодействующих субъектов. Речь идет об отражении в психике человека черт ситуации межличностного взаимодействия других людей, когда объектом отражения становятся черты и особенности их взаимодействия, а не их личностные или субъектные черты как таковые.

В качестве примера могут быть упомянуты феномены восприятия человеком ситуаций взаимодействия других людей, не сводимые к известным модусам социальной перцепции. Имеются в виду переживания индивидом того влияния, которое оказывает на него взаимодействие других людей, связанных с ним какими-либо отношениями или даже самой ситуацией. Факты существования таких переживаний фиксируются высказываниями типа: «Мне неприятна эта ситуация», «Остался неприятный осадок», «Когда они вместе, они невыносимы». В данном случае речь идет о переживаниях субъектом своей собственной динамики, характеризующей, однако, не столько его самого, сколько какие-то параметры отраженной им ситуации взаимодействия других людей. Именно эти параметры ситуации, фиксируемые в переживаниях субъекта, и есть отраженная интерсубъектность.

Так, ребенок, ставший свидетелем межличностного конфликта родителей, который прошел все стадии развития от конфликтной ситуации до ее разрешения, переживает гамму эмоций. Однако, очевидно, что эта динамика субъекта переживания (ребенок) характеризует не только его как такового, но и параметры ситуации межличностного взаимодействия родителей. Более того, последствия этого события для ребенка будут зависеть, прежде всего, от того, как разрешится этот конфликт. Данные консультативной и терапевтической практики показывают, что наибольшую опасность для личностного развития ребенка представляют не столько конфликты родителей сами по себе, сколько хроническая конфликтная ситуация в семье, либо родительские конфликты, не нашедшие позитивного разрешения. И, наоборот, в тех случаях, когда дети присутствуют в ситуациях родительских конфликтов, которые позитивно разрешаются, у детей обнаруживается более высокий уровень конфликтной компетентности, более низкая тревожность в семейной ситуации. Отраженная интерсубъектность не есть только образ ситуации, – она представ-

ляет собой *смысл* ситуации для субъекта отражения. Использование понятия *отраженная интерсубъектность* позволяет снять системный парадокс, так как показывает механизм представленности в личности социального целого.

Смысл понятия *интерсубъектная отраженность* заключается в представленности индивида в общении окружающих его людей своими субъектными чертами. Иными словами, интерсубъектная отраженность индивида есть его особая значимость для других, обнаруживающаяся в ситуации их (этих других) взаимодействия. Эмпирически зафиксировать интерсубъектную отраженность индивида в других возможно через регистрацию изменений в их общении при его реальной или виртуальной актуализации в ситуации. В интерсубъектной отраженности индивид приобретает свою продолженность в ситуациях общения людей, для которых он обладает значимостью, в параметрах того *общего*, которое производят в своем общении эти люди.

Примером проявления интерсубъектной отраженности является изменение в характере и особенностях поведения супругов при актуализации в ситуации их взаимодействия образа их ребенка. Обнаруживая себя как субъект, ребенок переключает их общение из общения между супругами (супружеское) в общение между родителями (родительское) [20].

Качественные характеристики интерсубъектной отраженности ребенка в родителях детерминируют отраженную интерсубъектность родителей в ребенке, то есть качественные изменения в системе его отношений с миром. Иными словами, речь идет о том, что личностное развитие ребенка в семье зависит от особенностей того, как ситуации взаимодействия родителей отражены в психике ребенка и как эти образы влияют на динамику его состояний. В свою очередь, качественные характеристики взаимодействия родителей определяются субъектной представленностью ребенка в ситуации их взаимодействия. Таким образом, мы считаем, что *коррекция личностного развития ребенка это, прежде всего, изменения качественных параметров его представленности в жизни его родителей*. Такая коррекция может быть осуществлена посредством консультирования, в основе которого лежит установка на готовность родителей к преобразованию своего родительского поведения в направлении, обнаруживаемом совместно с психологом, либо посредством семейной психотерапии, в основе которой – установка на необходимость наращивания потенциала субъектных действий членов семьи.

Подводя итог анализу семейного консультирования и семейной психотерапии как способов коррекции личностного развития ребенка, отметим следующее.

В настоящее время не существует общепринятых критериев разграничения различных форм психологической помощи семье. Критерии

определения психологической коррекции, семейного консультирования и семейной психотерапии выбираются исследователями и практиками в зависимости от целевых установок и методологических позиций. Анализ литературы, посвященной различным аспектам семейного консультирования и терапии, показывает, что оба эти способа коррекции личностного развития ребенка имеют свои ограничения. Ограничения возможностей семейного консультирования связаны с присущими ему ориентацией на работу преимущественно с родителями как воспитывающими взрослыми, переоценкой степени их готовности воспользоваться результатами консультирования и недооценкой степени субъектности ребенка (допущение о «бессубъектности» ребенка). В основе большинства моделей психологического семейного консультирования лежит допущение о том, что, коль скоро личностное развитие ребенка в семье зависит от особенностей внутрисемейного взаимодействия (общения и воспитания), основная роль в организации которого принадлежит взрослым, то изменения в поведении взрослых (к которым они готовы и на которые они способны) должны с неизбежностью привести к изменению в развитии личности ребенка. Однако, очевидно, что новое понимание и новое осознание не означают нового поведения.

Ограничения возможностей семейной терапии связаны с тем, что, декларируя системный поход к анализу семьи и процесса ее изменения в условиях семейной психотерапии, реально исследователями используется «анализ по элементам», вместо необходимого «анализа по единицам». Вследствие этого, внимание исследователей концентрируется преимущественно на внешних по отношению к самому процессу изменений аспектах психотерапии: организационные и методические аспекты, условия эффективности, показания и противопоказания и др. При этом сам процесс изменений, его психологический механизм, остается недостаточно изученным. Исследование процесса изменений семьи как системы требует анализа по единицам, в качестве которых, по нашему мнению, может быть использовано *субъектное действие*, которое как феномен одновременно является событием, отражающимся и во внутреннем пространстве его автора (субъектный вклад индивида в себя), и во внутреннем пространстве присутствовавших в этой ситуации индивидов (отраженная субъектность индивида в других), и в пространстве семьи как целого. Рассматривая семейную психотерапию как последовательный синтез субъектных действий членов семьи, ведущих к качественным преобразованиям семейной системы, мы получаем возможность *количественного* описания процесса терапии. Подобно тому, как психофизиолог может заявить о том, что для возникновения зрительного ощущения достаточно определенного количества фотонов, мы получаем возможность указать достаточное количество

субъектных действий в семье, необходимых для ее качественных изменений.

Литература

1. Бендлер Р., Гриндер Д., Сатир В. Семейная терапия. – Воронеж: НПО «МОДЭК», 1993.
2. Браун Д., Педдер Дж. Введение в психотерапию: Принципы и практика психодинамики. – М.: Независимая фирма «Класс», 1998.
3. Бурменская Г.В., Карabanова О.А., Лидерс А.Г. Возрастно-психологическое консультирование. Проблемы психического развития детей. – М.: Изд-во МГУ, 1990.
4. Варга А.Я. Системная семейная психотерапия. – Самара, 1996.
5. Витакер К. Символическая экспериментальная семейная терапия: модель и методология. В кн.: Эволюция психотерапии в 4-х тт. Т. 1. – М.: Независимая фирма «Класс», 1998.
6. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-и т. Т.1. Вопросы теории и истории психологии. – М.: Педагогика, 1982.
7. Методы психологической диагностики и коррекции в клинике. – Л.: 1983.
8. Палаццоли М.С. Паттерны внутрисемейного взаимодействия, ведущие к шизофрении в последующих поколениях. В кн.: Эволюция психотерапии в 4-х тт. Т. 1. – М.: Независимая фирма «Класс», 1998.
9. Папуш М. Практическая психотехника. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 1997.
10. Петровский В.А. К пониманию личности в психологии. // Вопр.-психол. 1981. № 2.
11. Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. – Ростов-на-дону: Феникс, 1996.
12. Польштер И., Польштер М. Интегративная гештальт-терапия: Контуры теории и практики. – М.: Независимая фирма «Класс», 1997.
13. Практикум по патопсихологии / Под ред. Б.В.Зейгарник, В.В. Николаевой, В.В. Лебединского. – М.: Изд-во МГУ, 1987.
14. Психология. Словарь. Под ред. А.В.Петровского, М.Г.Ярошевского. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1990.
15. Роджерс К. Консультирование и психотерапия. Новейшие подходы в области практической работы. Монография. – М.: Изд-во ЭКСМО – Пресс, 2000.
16. Семья в психологической консультации: Опыт и проблемы психологического консультирования. Под ред. А.А.Бодалева, В.В.Столина. – М.: Педагогика, 1989.

17. *Стиваковская А.С.* Психотерапия: игра, детство, семья. Том 1, 2. – М.: ООО Апрель Пресс, ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999.
18. *Фарелли Ф., Брандсма Д.* Провокационная терапия. – Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1996.
19. *Черников А.В.* Интегративная модель системной семейной психотерапевтической диагностики. Тематическое приложение к журналу «Семейная психология и семейная терапия» за 1997 год.- М.: 1997.
20. *Шапатина О.В.* Согласование родительских позиций как условие развития личности ребенка в семье. – Автореф.канд.дисс. – М., 2001.
21. Эволюция психотерапии. Том 1. Семейный портрет в интерьере: семейная терапия. – М.: Независимая фирма «Класс», 1998.
22. *Эйдемиллер Э.Г.* Методы семейной диагностики и психотерапии. – М.: Фолиум, 1996.
23. *Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.* Психология и психотерапия семьи. – СПб: ПИТЕР, 1999.
24. *Bowen M.* Family therapy in clinical practice. N.Y.: Jason Aronson, 1978.
25. *Carr A.* Involving children in family therapy and systemic consultation. / J. Family Psychotherapy. № 1. 1994.

С.В.Березин, О.В.Шапатина

Актуализирующая неопределенность

В русской пословице «ждать и догонять – хуже некуда» словосочетание «хуже некуда» со всей определенностью и недвусмысленностью передает драматизм эмоциональных переживаний индивида, оказавшегося в ситуации неопределенности: «ждать и догонять». Положительные результаты не гарантированы, исходы – не предрешены. Несмотря на то, что в процессе филогенеза человеческая психика обрела специфические способы совладания и преодоления напряженности ситуаций неопределенности, попадание в них нередко оказывается для индивида не только драматичным, но и фатальным. Как показал в своих работах Г.Бейтсон, систематическое попадание индивида в ситуации неопределенности, прояснить которые или выйти из которых индивид не может, формирует у него симптомы шизофрении [2]. Однако, попадание индивида в ситуацию неопределенности может иметь для него не только негативные, но и позитивные последствия. Покажем это на примере ситуаций неопределенности, которые Г.Бейтсон называет «двойной зажим».

Двойной зажим, по Бейтсону, это коммуникативная ситуация, нередко возникающая в процессе общения между людьми, суть которой заключается в том, что индивид, включенный в ситуацию, получает от своего партнера или партнеров сообщение, различные аспекты которого могут

противоречить или даже взаимоисключать друг друга. Вербальная часть сообщения может не совпадать по смыслу или даже отрицаться невербальной составляющей этого же сообщения. Например, уставший от общения со своим полуторагодовалым сыном отец раздраженно говорит ему: «А давай еще поиграем в машинки...». Те, кто имел счастье много общаться с детьми, знают, что активность ребенка в таких ситуациях резко меняет направленность (дети начинают капризничать, плакать, становятся пассивными) и в конце концов они «достаются» другому взрослому. Добившийся желаемого результата отец облегченно вздыхает про себя, а вслух говорит матери ребенка: «Поиграй с ним теперь ты! Видишь, он от меня устал». Кстати, если причина отцовского раздражения кроется не в ребенке, а в отношениях с женой, то заключительная фраза будет другой. Что-нибудь вроде: «Что за плаксу и капризу ты воспитала!..». В этом примере информация, выраженная интонационно, противоречит информации, сообщаемой в словах.

Парадокс в коммуникации может создаваться не только противоречием вербальной и невербальной составляющей высказывания, но и противоречием внутри фразы. Классическим примером такого высказывания является фраза: «Приказываю не выполнять моих приказаний!».

В ситуацию двойного зажима можно попасть и в результате противоречивой информации, исходящей от двух лиц, которые являются для получателя одинаково авторитетными и примерно в равной степени жизненно значимыми. Так, отец может дать разрешение мальчику идти купаться одному без присмотра, объясняя это необходимостью воспитания «настоящего мужика», а мать одновременно может требовать обратного, ссылаясь на опасность для жизни ребенка и при этом приводить в пример множество трагических и страшных случаев, произошедших во время купания. Ребенок опасается, с одной стороны, утратить уважение отца, а, с другой, испытывает страх перед возможной утратой теплых отношений с матерью, ее холодностью, отчуждением и даже враждебностью. Диаметрально противоположная информация, поступающая в сознание ребенка, на фоне его одинаковой зависимости от отца и матери, создает проблемную ситуацию, для разрешения которой ребенок не обладает еще достаточным интеллектуальным, волевым и экзистенциальным ресурсом. И в этом случае, и тогда, когда противоречивая информация исходит от одного лица, в сознании ребенка, становящегося своеобразной «информационной жертвой» почти неизбежно возникает кризисная ситуация, которая, являясь трудноразрешимой, нередко становится психологическим тупиком.

Во всех этих примерах ребенок - жертва двойного зажима, который не может быть им проигнорировано, ведь речь идет о сообщениях, поступающих от самых значимых и дорогих для него людей. Однако любая ре-

акция на послание, содержащее в своей структуре противоречивые элементы, означает непослушание, невыполнение просьбы или приказа. Игнорировать сообщение нельзя и не игнорировать тоже нельзя. Любая реакция ребенка несет в себе угрозу родительского гнева или пусть даже простого недовольства.

Лучшим выходом из этой сложнейшей и напряженной психологической ситуации для ребенка была бы его просьба как-то прокомментировать ситуацию или прямой вопрос о том, что от него хотят на самом деле. Вероятность таких действий ребенка чрезвычайно мала не только в силу его пока небольших интеллектуальных возможностей (до этого еще надо додуматься), но и по причине его зависимого положения – открытый вопрос к автору или авторам двойного послания означал бы прямую конфронтацию со значимым лицом. Но даже если предположить, что такой вопрос прозвучал, вероятность того, что ребенок получит на него ответ, еще ниже. Авторы двойного послания не ведают, что творят. Ответить на этот вопрос означало бы для них одновременно и осознать, что они «шутят» со своим ребенком слишком жестоко.

Г.Бейтсон считает, что периодическое попадание ребенка в подобные ситуации ведет к формированию у него симптомов шизофрении.

В результате исследований Г.Бейтсон и его коллеги сформулировали четкую структуру ситуации двойного зажима (ДЗ-ситуации). Она включает в себя следующие составляющие.

1. *Двое или более участников.* Участник, к которому обращено противоречивое сообщение, называется «жертва». Авторы ДЗ-ситуаций должны быть для «жертвы» значимыми людьми, мнением и отношением которых она дорожит или от которых напрямую зависит ее социальное положение и личное благополучие.

2. *Повторяющийся опыт.* ДЗ-ситуация является в жизненном опыте не единственной и периодически воспроизводится.

3. *Первичное негативное предписание* - запрет на какое-либо действие, в большей или меньшей мере имеющий насущную экзистенциальную значимость для «жертвы»; или требование столь же радикального характера. Обычно и запрет, и требование подкреплены угрозой более или менее редуцированно выраженной.

4. *Вторичное предписание, которое противоречит первому.* Если первичное предписание вербально, то вторичное носит по большей части невербальный характер. Оно передается посредством мимики, жеста, ситуативного контекста и средств выражения, стоящих на границе вербального и невербального: подчеркнутая интонация, значимое молчание, иронический или сардонический смех и т.д. Вторичное предписание может противоречить как первичному предписанию в целом, так и любому его смысловому элементу в отдельности.

5. *Третьичное негативное предписание*, может быть как вербальным, так и невербальным. Независимо от того, воспроизводится оно сознательно или бессознательно (чаще, конечно, неосознанно, потому что его автор лишь в исключительных редких случаях является сознательным «палачом» «жертвы»), его задача заключается в том, чтобы фиксировать «жертву», попавшую в психологический тупик, в пространстве взаимодействия, не дать ей бежать.

6. *Систематическое попадание* в ДЗ-ситуацию и пребывание в связанных с нею психологических тупиках устойчиво фиксируют в психике жертвы стереотип восприятия действительности сквозь призму двусмысленности. После этого практически любой элемент ДЗ-ситуации может вызвать у «жертвы» панику, оцепенение, гнев или истерику.

Интересные наблюдения, аналогичные тем, которые были сделаны Г.Бейтсоном, осуществил Дэвид Гелен. Он увязал своеобразие человеческого общения со структурой и функционированием мозга. Г.Бейтсон, описывая многочисленные и разнородные жизненные ситуации, в которых люди сталкиваются с двусмысленной или многосмысленной информацией замечает, что сознание попавшего в такую ситуацию человека может быть травмировано и даже разрушено. Причем, разрушение сознания осмысливается ученым как утрата целостности, расщепление, процесс подобный шизофреническому. Расщепление сознания интересует и Д.Гелена. Он полагал, что в норме полушария головного мозга работают во взаимодействии, однако при определенных условиях в работе мозга могут возникнуть явления, аналогичные тем, которые наблюдаются в мозгу при его хирургическом расщеплении, когда оба полушария начинают функционировать практически независимо. В этом случае роль скальпеля выполняют два разнородных и противоречащих друг другу потока информации. Один из них носит ярко выраженный сенсомоторный, а другой столь же явный вербальный характер. Д.Гелен приводит в качестве примера элементарную конфликтную ситуацию, часто возникающую в жизни: «Представьте себе действие на ребенка ситуации, когда его мать словами говорит ему что-то одно, а выражение лица и движение тела совершенно другое: «Я делаю это потому что люблю тебя, дорогой», - говорят слова, но «Я тебя ненавижу и уничтожу» - говорит лицо» [6].

Мы видим, что Д.Гелен явно говорит о ситуации двойного зажима, но если Г.Бейтсон рассматривает двойные послания и их эффекты в поле межличностных коммуникаций, то Д.Гелен переносит эффекты двойного зажима в пространство информационных взаимодействий полушарий головного мозга.

Гелен приходит к выводу о том, что как только мозг человека получает по двум разным коммуникативным каналам противоречивую инфор-

мацию, согласованность в работе полушарий нарушается, отношение сотрудничества приобретает формы конкуренции и борьбы.

Естественно, изучая особенности коммуникативных процессов, исследователи не могли не заинтересоваться возможными вариантами разрешения ДЗ-ситуации. Наиболее негативным вариантом выхода из ДЗ-ситуации является формирование симптомов шизофрении. Более мягкие последствия попадания в ДЗ-ситуации заключается в формировании привычек и черт психопатического характера: комментирование вслух своих действий, навязчивый поиск скрытого смысла в словах и действиях других людей, подозрительность и недоверчивость, полная утрата чувства юмора, то есть буквальное, однозначное понимание всего сказанного людьми и происходящего вокруг, стремления уйти, самоизолироваться от разрешения неоднозначных, многосмысленных ситуаций, своеобразный страх перед ними (в конечном итоге страх перед жизнью, которая всегда хотя бы двусмысленна) и др. Все описанные только что варианты выхода из ДЗ-ситуаций являются не столько вариантами разрешения психологических проблем, возникающих у человека, попавшего в коммуникативный тупик, сколько фиксацией травматических последствий пребывания в этом тупике.

Второй из возможных вариантов выхода человека из тупика ДЗ-ситуаций отличается активностью, которая выражается в свободном и ответственном поведении «жертвы», выводящем ее за пределы ситуации двойного зажима. Это может быть слово, обращенное к «палачу» с требованием прояснить его позицию или действия, преодолевающие угрозу наказания со стороны «палача». Разрешая ДЗ-ситуацию «под свою ответственность», «жертва» всегда рискует. Масштабы риска зависят от конкретной ДЗ-ситуации. Это может быть несколько минут материнской холодности или демонстративного отцовского презрения, обструкция, изгнание из группы и даже жестокая смертная казнь. Однако, рискуя, «жертва» получает не просто потенциальную возможность сохранения своей личностной целостности, ощущения способности влиять на ситуацию, но и шанс преобразовать и себя, и «палача».

Последствия ДЗ-ситуаций для «жертвы», чье поведение предрешено логикой развития самой ситуации, предсказуемы и делают «жертву» потенциально еще более уязвимой, а «палача» – еще более жестоким палачом. Последствия поведения «жертвы», преодолевающей логику ДЗ-ситуаций всегда непредсказуемы. Однако риск, на который идет «жертва» ДЗ-ситуации, действуя вопреки ее внутренней логике, преодолевая свой страх, делает возможным не только позитивный выход из тупика, но и преобразовывает «жертву» в подлинного творца своей жизни и судьбы. Интересно, что, по мысли В.А.Петровского, индивид, действующий свободно и ответственно в направлении непредрешенных исходов, преобра-

зует не только себя. Он обретает идеальную представленность в жизни других людей [5]. Идя на риск, «жертва» разбивает оковы собственной «жертвенности», обретает субъектность, делает возможным непредрешенные позитивные исходы ДЗ-ситуаций, преобразовывает и себя, и «палача».

Идеальная представленность человека в жизни другого человека – это не вопрос памяти или воспоминания о нем. Идеальная представленность – это нечто большее. Актуализация в сознании человека образа того, кто представлен в его жизни идеально, изменяет его поведение, состояние, ход мыслей, оценки себя и своих поступков, делает его другим [5].

Третий из возможных вариантов выхода «жертвы» из тупика ДЗ-ситуации – это смех. Получив два, взаимоисключающих коммуникативных послания, прояснить которые «жертва» не может в силу существующей угрозы наказания, она может рассмеяться. Смеясь, «жертва» находит выход, оставаясь в пределах ситуации двойного зажима. Смех «жертвы» в ДЗ-ситуации имеет двойственную направленность. С одной стороны, он адресован «палачу». Своим смехом «жертва» разрушает власть «палача» над собой, поскольку адресует ему не менее двойственное и двусмысленное послание. С другой стороны, смех «жертвы» обращен к ней самой и даже на нее направлен: он маркирует то положение, в котором она находится не как безвыходное, но и не как имеющее выход. Положение остается неразрешимым, но с него снимается ощущение тупика, трагичности и безумия. Смех утверждает возможность пребывания и адекватного функционирования «жертвы» в условиях неопределенности, знаменует собой сохранность личностной целостности и придает поведению «жертвы» элемент активности и героики. Спонтанно ворвавшийся в пространство взаимодействия «палача» и «жертвы» смех, преобразует ситуацию, хотя бы одномоментно, в совершенно иную, давая всем участникам ситуации шанс если не на выход из нее, то на разрядку [1].

Ситуации двойного зажима интересны нам тем, что вне зависимости от социальной ситуации и субъектов, участвующих в них, все они строятся по одному принципу, всегда основываются на двусмысленности и бесконечно ее порождают. Любые типы ДЗ-ситуаций, если так можно выразиться, «работают» одинаково, и варианты выхода из них всегда весьма близки типологически.

Г.Бейтсон писал о широкой распространенности этого явления в жизни и отдельного человека, и социальных групп, и всего человечества. Как нам кажется, вся жизнь человека состоит из непрерывного вхождения в множество совершенно разнородных по уровню социальной организации, по направленности, по личностной и общественной значимости ДЗ-ситуаций. Человек находится одновременно в нескольких ДЗ-ситуациях в роли «палача», «жертвы» или «свидетеля» один или в составе разных со-

циальных групп (семейных, профессиональных, политических, этнических, классовых и т.д.). Опираясь на идеи о диалогической сущности человеческого сознания, можно предположить, что индивид способен создавать ДЗ-ситуацию для себя самого, оказываясь и в роли «палача», и в роли «жертвы», и в роли «свидетеля» одновременно. Жизнь человека и человечества во многом складывается из бесконечной череды ДЗ-ситуаций, накладывающихся друг на друга, порождающих сложные, порой безвыходные жизненные тупики.

Итак, стихийная психологическая динамика индивида в условиях ДЗ-ситуации практически неизбежно ведет его к той или иной форме патологического реагирования. Спонтанный смех жертвы, оставляя ее в границах ДЗ-ситуации, выводит ее из психологического тупика. Свободное, «под свою ответственность» поведение жертвы, действующей вопреки угрозе наказания, становится условием наращивания ею потенциала субъектности, то есть способности быть автором своей судьбы. Мы видим, что попадание индивида в ДЗ-ситуации может иметь для него как негативные, так и позитивные последствия. Оставляя сейчас в стороне чрезвычайно интересный для нас вопрос о том, что именно позволяет индивиду, попавшему в ДЗ-ситуацию, действуя свободно и ответственно, выходить за ее пределы, зададимся другим вопросом: возможна ли целенаправленная, систематическая и контролируемая актуализация развивающего потенциала ДЗ-ситуации? Нам представляется, что возможна. Если из структуры ДЗ-ситуации вычесть угрозу наказания, парализующую активность индивида, и заменить ее гарантированной поддержкой его субъектных действий (т.е., осознанных, свободных и ответственных действий по преодолению сложившейся ситуации [3], [4]), то ДЗ-ситуация преобразуется в ситуацию актуального развития. В этом случае автор противоречивых коммуникативных посланий (первичное и вторичное предписание), удерживая их респондента в пространстве взаимодействия, гарантировано поддерживает его любые субъектные действия, направленные на разрешение психологического тупика «здесь и теперь». Очевидно, что в этом случае «палач» становится *актуализатором*, а «жертва» превращается в развивающегося субъекта. Заметим, что преодолевая здесь и теперь психологические тупики противоречивых посланий, развивающийся субъект получает возможность преодолеть сложившиеся «там и тогда» стереотипные формы реагирования на тупиковые жизненные ситуации. Так работает психотерапевтическая метафора, так работает провокативная психотерапия. Таким образом, у нас есть основания предполагать, что любая эффективная психотерапия есть ни что иное, как актуализирующая неопределенность по своей структуре являющаяся ситуацией двойного зажима, в которой угроза наказания заменена поддержкой субъектных действий.

Литература

1. *Агранович С.З., Березин С.В.* Homo amphibolos: Археология сознания. Самара: издательский Дом «БАХРАХ-М», 2005.
2. *Бейтсон Г.* Экология разума: Избранные статьи по антропологии, психиатрии, эпистемологии /Пер. с англ. М.: Смысл, 2000.
3. *Березин С.В., Воронова А.А., Шапатина О.В.* Коррекция личностного развития ребенка: семейная психотерапия и семейное консультирование / Психологические исследования: Сб. науч. трудов: Выпуск 3 // Под ред. А.Ю.Агафонова, В.В.Шпунтовой. – Самара: Изд-во «Универс-групп», 2006.
4. *Березин С.В., Шапатина О.В.* Концепция персонализации в семейной психотерапии / Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Специальный выпуск «Актуальные проблемы психологии. Самарский регион». – Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2003.
5. *Петровский В.А.* Личность в психологии: Парадигма субъектности. – Ростов-н/Д.: Феникс, 1996.
6. *Спрингер С., Дейч Г.* Левый мозг, правый мозг. – М.:Мир, 1983.

А.А. Воронова, О.В.Шапатина

Нарушение воспитательной функции семьи как фактор деформации правового сознания подростков

Психология развития ребенка – одна из наиболее разработанных областей теоретической и прикладной психологии, имеющая ярко выраженный междисциплинарный характер. Различные аспекты развития личности ребенка хорошо изучены и широко представлены в отечественной и зарубежной психологии. Общие методологические положения психологии развития сформулированы в работах Б.Г.Ананьева, Л.И.Божович, Л.С.Выготского, П.Я.Гальперина, А.В.Запорожца, А.Н.Леонтьева, В.С.Мухиной, В.Н. Мясищева, В.А.Петровского и других известных психологов. Значительный корпус работ посвящен влиянию семьи и семейных условий на личностное развитие ребенка. Вместе с тем, существует явный дефицит научных данных о том, как и каким образом семья влияет на формирование ценностно-нормативной системы личности. Актуальность таких исследований заключается в том, что именно социально-ориентированная ценностно-нормативная система личности составляет основу правового сознания и правового поведения индивида. Нарушения семейных функций приводит к формированию дисфункциональных отношений в семье, что в

свою очередь ведет к нарушениям в развитии личности ребенка, и, в частности к нарушениям в развитии его правового сознания. В соответствии со сложившимися в современной психологии представлениями, семья, как целостная система, реализует некоторую целокупность функций, обеспечивающих членам семьи возможность удовлетворения значимых для них потребностей и, шире, создающих необходимые для их личностного развития условия. В нашей работе мы исходим из предположения о том, что ведущим фактором формирования ценностно-нормативной системы личности является воспитательная функция семьи. Основанием для выдвижения данной гипотезы служит положение о том, что «... в ходе выполнения воспитательной функции семья обеспечивает социализацию подрастающего поколения, подготовку новых членов общества» [6; с.20]. С другой стороны, практически общепринятым является мнение о том, что «воспитание является ведущим и определяющим началом социализации» [3; с.373]. Таким образом, нормально функционирующая семья обеспечивает развивающейся личности необходимые условия для позитивной социализации – усвоения и активного воспроизводства социального опыта, включая ценностно-нормативную систему, адекватную существующей в обществе системе моральных и правовых норм. И, напротив, нарушение семейных функций, в частности воспитательной функции семьи, приводит к различным по степени глубины отклонениям индивидуальной ценностно-нормативной системы от моральных и правовых норм общества. Естественно, возникает вопрос о возможных причинах нарушения выполнения семьей ее воспитательной функции. Для ответа на этот вопрос нами было проведено специальное исследование, суть которого заключалась в следующем.

Нас интересовали семьи, в которых на фоне хотя бы относительно полной реализации хозяйственно-бытовой, эмоциональной, сексуально-эротической функции, а также функции духовного общения и первичного социального контроля воспитательная функция была бы нарушенной. В качестве объективного критерия нарушения воспитательной функции семьи мы выбрали отклоняющееся поведение ребенка, воспитывающегося в семье. Нами были отобраны сорок три семьи, в которых воспитываются дети с отклоняющимся поведением. При этом семьи, составившие выборку, характеризуются достаточно высоким материальным и социальным статусом (хозяйственно-бытовая функция семьи); члены этих семей проводят много времени вместе (функция духовного общения); супруги привлекательны друг для друга как сексуальные партнеры (сексуально-эротическая функция семьи); в семьях отмечается стремление эмоциональной поддержке и психологической защите, взаимная симпатия (эмоциональная функция семьи); уделяется много внимания контролю за поведением детей (функция первичного социального контроля). Одним словом, нами

были отобраны семьи, в отношении которых обычно говорят: «Семья не без урода», при этом «уродство семьи» выражалось в отклоняющемся поведении ребенка.

Исследование проводилось с помощью генограммы, проб на совместную деятельность [2], [4], циркулярного интервью. В процессе обработки и анализа данных нас прежде всего интересовали возможные нарушения воспитательной функции, детерминирующие отклоняющееся поведение детей. Анализ полученных данных позволил выделить некоторые особенности семейного воспитания, которые приводят к формированию отклоняющегося поведения. Рассмотрим их подробнее.

Несогласованность родительских позиций. В исследованиях О.В.Шапатиной показано, что отношения в брачной паре включают в себя супружеские и родительские отношения. Эти аспекты отношений имеют свою специфику и не сводимы друг к другу [5]. В нашем исследовании несогласованность родительских позиций проявилась в пробах на совместную деятельность как противоречивые и порой взаимоисключающие требования родителей по отношению к ребенку. По своей структуре обращения родителей к ребенку были близки к «двойному зажиму» [1]. Однако, в отличие от «классического» двойного зажима, родитель, чье требование нарушалось, игнорировал факт невыполнения его требований, тогда как второй родитель поддерживал нарушение. Можно с высокой степенью уверенности говорить о том, что, выдвигая ребенку несогласованные требования и реагируя на их нарушения по схеме «игнорирование/поддержка», родители не только подрывают авторитет друг друга, но и, по сути, провоцируют ребенка на нарушения предлагаемых ему норм.

Конфликтность в родительских отношениях. В пробах на совместную деятельность и циркулярном интервью в родительских парах, воспитывающих ребенка с отклоняющимся поведением в системе родительских отношений обнаружен более высокий уровень конфликтности. Исследования проводилось по следующей схеме. Родителям и их ребенку предлагалось для выполнения общее задание. После его выполнения с родителем проводилось циркулярное интервью, в котором использовались следующие вопросы: Что Вам помогало выполнять задание вместе с ...? Что Вам мешало выполнять задание вместе с ...? Кто был лидером? Какое влияние Вам муж (Ваша жена) оказывал на ребенка в процессе выполнения задания? Какое влияние оказывали на ребенка в процессе выполнения задания Вы? После каждого вопроса по схеме циркулярного интервью каждому из родителей задавался вопрос о том, что он думал, что он чувствовал, что он делал.

Несколько дней спустя супруги выполняли аналогичное задание без участия и без присутствия их ребенка. Сравнение наблюдаемого в обоих случаях поведения родителей показало, что существуют «бесконфликт-

ные» супружеские пары, способные согласованно обсуждать и разрешать личные проблемы, лежащие в стороне от воспитания ребенка, но становящиеся «непримиримыми» при рассмотрении проблем, касающихся непосредственно ребенка. В таких супружеских парах обнаружена конкуренция за максимальное влияние на ребенка. Можно предположить, что отклоняющееся поведение ребенка является своеобразной стратегией совладания с порождаемой в таких семьях тревожностью, неуверенностью, низкой или неустойчивой самооценкой.

Неадекватный образ ребенка в родительской паре. Проводя наше исследование, мы обратили внимание на принципиальные отличия в характеристиках ребенка, которые дают его родители вместе, и если их опрашивать порознь. Характеристики ребенка, которые родители дают порознь и независимо друг от друга (второй родитель не присутствует) отличаются большей взвешенностью, адекватностью, непротиворечивостью. При этом характеристики ребенка, которые супруги давали независимо друг от друга, обнаруживали высокую степень согласованности. В ситуации опроса родительской пары, когда родителям предлагалось дать характеристику личности и поведения их ребенка, их высказывания отличались меньшей взвешенностью, адекватностью оценок и более высокой противоречивостью. Исходя из наших результатов, можно сформулировать вывод о том, что в семьях с детьми с отклоняющимся поведением каждый из родителей оценивает и воспринимает ребенка (и, похоже, понимает его) лучше, чем когда родители включены в ситуацию взаимодействия. Можно предположить, что когда родители обсуждают жизнь и поведение их ребенка или разговаривают с ним, конфликт в их брачной паре обостряется.

Полученные в нашем исследовании данные позволяют выдвинуть гипотезу об особой конфликтогенности сферы семейного воспитания. Мы предполагаем, что, если процесс персонализации супругов в жизни друг друга затруднен или нарушен, то супруги будут стремиться к максимальной персонализации в их ребенке, что порождает конкурентные отношения между ними и создает конфликтную ситуацию, которая может приобрести хронический характер. Хроническая конфликтная ситуация перерастает в межличностный конфликт в сфере родительских отношений между супругами. Именно это, на наш взгляд, и является основной причиной нарушения воспитательной функции семьи. При этом супружеские отношения между брачными партнерами могут характеризоваться как бесконфликтные. Это обстоятельство маскирует неблагополучие в сфере семейного воспитания. Супруги считают семью благополучной и причины отклоняющегося поведения ребенка видят в нем самом. Это не только снижает их мотивацию на участие в профилактической работе, но и существенно затрудняет коррекцию поведения ребенка.

Литература

7. *Бейтсон Г.* Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии, эпистемологии / Пер. с англ. М.: Смысл, 2000.
8. *Захарова Е.И., Карabanова О.А.* Диагностика характера детско-родительских отношений в пробе на совместную деятельность / Психолог в детском саду, № 1, 2002.
9. Психология. Словарь / Под общ. Ред. А.В.Петровского, М.Г.Ярошевского. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Политиздат, 1990.
10. *Соколова Е.Т.* Самосознание и самооценка при аномалиях личности. – М.: Изд-во МГУ, 1989.
11. *Шапатина О.В.* Согласование родительских позиций как условие развития личности ребенка в семье. Автореф. дисс. канд. психол. наук. – М.:2001.
12. *Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.* Психология и психотерапия семьи. – СПб.: Питер, 1999.

М.В.Сидорин

Нарушение коммуникативного стиля в семье как фактор наркотизации

С точки зрения психологии наркомания рассматривается как проблема личности, принимающей наркотики в определенном социально-культурном контексте. Отношение к наркотику не существует изолированно от отношений к другим сторонам жизни и поэтому может быть изменено лишь в контексте измененной системы отношений личности в целом [1;с.15-16].

Считается неизбежным фактом, что почти все подростки зависят от своих семей. Среди этиологических условий аддиктивного поведения дисфункция семейной системы занимает одно из первых мест. Такие связанные с семьей факторы, как злоупотребление алкоголем или наркотиками, дефекты воспитания, нарушение коммуникативного стиля, хронический супружеский конфликт – все они увеличивают риск зависимости от ПАВ у подростков [3;с.664]. Мы же остановимся на нарушении коммуникативного стиля и подробнее рассмотрим его как фактор употребления ПАВ подростками.

С позиции семейной психологии употребление ПАВ подростками и молодежью можно рассматривать как крайнюю форму семейного кризиса. Эти семьи объединяет общая черта, заключающаяся в том, что супруги и остальные домочадцы говорят, думают и рассуждают на одном уровне, а взаимодействуют, чувствуют, переживают – на другом, что образует как бы скрытую инфраструктуру их жизни, своеобразный подтекст семейных

отношений. Именно в этом контексте и может скрываться причина, фиксирующая наркотизацию подростка [1;с.148-150].

С точки зрения коммуникативного подхода, симптоматическое поведение является частью последовательностей взаимоотношений между людьми [2;с.229]. Симптом рассматривается не как атрибут личности, а как поведение, соответствующее определенному типу взаимодействия [7;с.24].

Как же возникает аддиктивное поведение? Для этого вспомним о ряде «типичных нарушений» коммуникации в семье:

1. Концепция «отклоненной коммуникации» в семье (Зигнер, Вайн, 1966).
2. Парадоксальная коммуникация: концепция «двойной связи» (Бейтсон, Джексон, Хейли, Викланд, 1956).
3. «Замаскированная коммуникация»: мистификация (Лэнг, 1956).

Эти «типичные нарушения» коммуникации являются барьерами семейного информационного общения – они препятствуют ему и искажают его смысл, ухудшают процесс коммуникации и влияют на взаимопонимание. Более того, они являются причиной психической травматизации личности. Это – развитие коммуникационной проблемы и переход ее в конфликт.

Коммуникационная проблема – это такая ситуация в жизни семьи, когда:

- у одного из членов семьи существует потребность;
- удовлетворение этой потребности зависит от другого члена семьи;
- эти действия имели бы место, если бы член семьи, имеющий потребность, передал определенную информацию;
- однако такая передача невозможна в силу каких-либо психологических особенностей данного лица;
- потребность сохраняется, несмотря на невозможность ее удовлетворить, то есть не происходит значимого снижения уровня притязаний.

Развитие коммуникационной проблемы – это совокупность процессов, которые возникают под ее воздействием и приводят к психотравмирующим особенностям семьи.

Выделяют следующие этапы развития коммуникационной проблемы и ее переход в конфликт:

1. Информационно-дефицитный этап
2. Этап замещающе-искаженной информации
3. Поведенчески-коммуникационный этап.

На последнем этапе коммуникационная проблема превращается в конфликт (межличностный или внутренний), уже непосредственно оказывающий психотравмирующее воздействие.

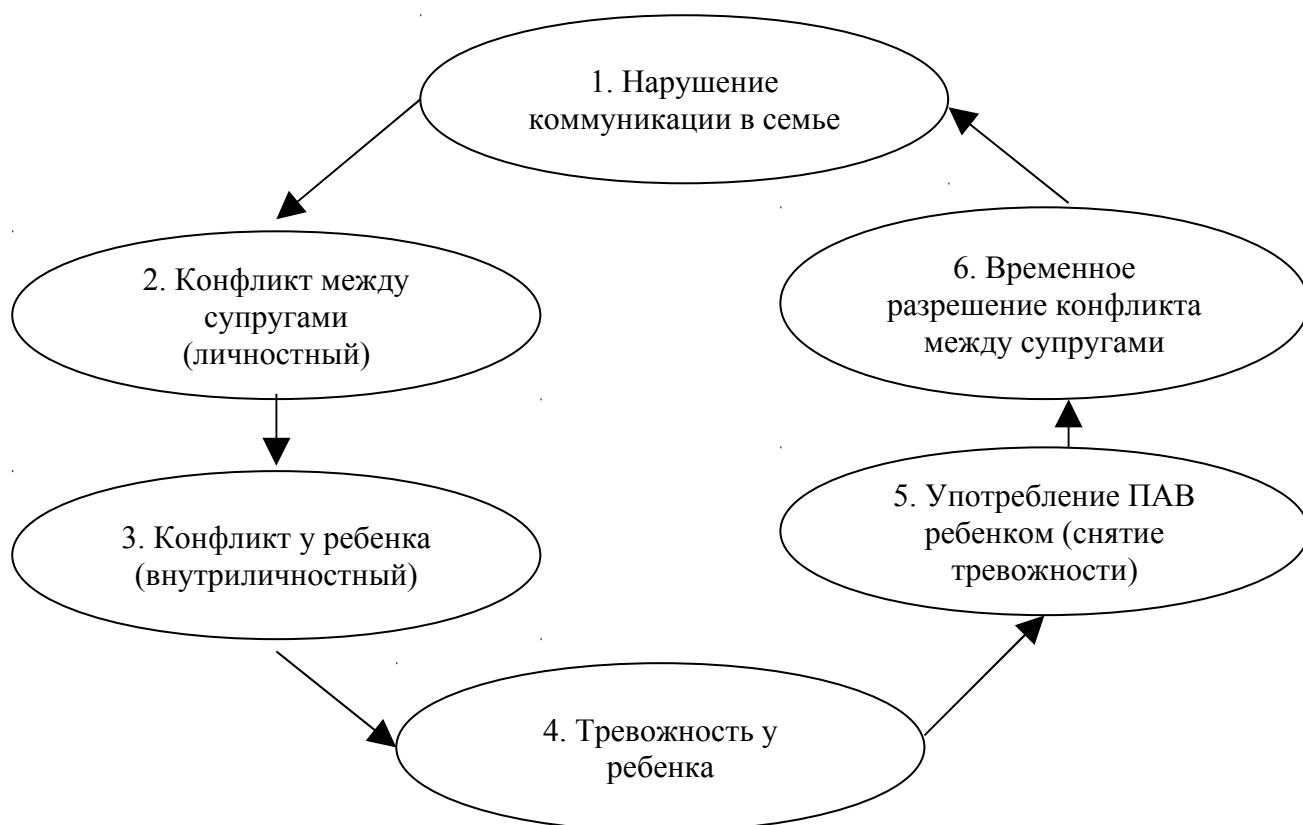
Таким образом, коммуникационная проблема становится источником психической травматизации членов семьи, так как мешает удовлетворению их потребностей, а так же запускает механизм конфликтных взаимоотношений и ведет к дальнейшему ухудшению взаимопонимания [8;с.161-164; 166-170].

В таких семьях наркотизация и связанное с ней поведение направлено, прежде всего на компенсацию дефицитарности эмоциональных контактов в семье либо выступает как средство ухода от давления семейных конфликтов. В наркоманской группе подросток находит то, что он отчаялся найти в семье. *Межличностный конфликт родителей является основой развития внутриличностного конфликта ребенка.* Таким образом, в случае если в семье существует хронический конфликт между родителями, наркотики могут выступать как средство снятия внутриличностного конфликта у подростка. Более того, в таких семьях наркомания подростка может приобретать не осознаваемый родителями положительный смысл, поскольку хронический конфликт между ними происходит к той или иной форме разрешения [1;с.147]. «Круг» замыкается (схема 1).

Перейдем к рассмотрению более глубоких семейных дисфункций с точки зрения коммуникативного подхода и употребления ПАВ подростками в семьях такого типа.

Начнем с того, что коммуникация – это обмен сообщениями, который осуществляется как с помощью речи, так и невербальными средствами. П.Вацлавик (1974) отмечал, что: «Исключить коммуникацию невозможно, ибо всякое поведение в присутствии другого человека есть коммуникация». А метакоммуникация – это комментарий по поводу коммуникации. Метакоммуникация обычно представляет собой сигналы, помогающие правильно понять контекст сообщения [6, С.48-49]. То есть, кроме передачи информации о содержании коммуникации предполагает передачу сообщения об отношении в виде воздействия на партнера путем неявного убеждения, установки, команды или метакоммуникативного послания, и именно они определяют характер взаимодействия членов семьи, его параметры.

Схема 1.

В.Сатир (1967) подчеркивала, что если содержание и установка совпадают, то отношение между людьми можно считать гармоничными, конгруэнтными. Если два уровня коммуникации не конгруэнтны, то отношения между людьми, скорее всего, будут отмечены дисгармонией и патологией [4, С.258]. Патология служит гомеостатическим механизмом, благодаря которому члены семьи поддерживают функциональный баланс своей системы [4, С.256]. Симптомы же являются не только характеристиками состояния, но и выражением отношения между людьми и служат средствами достижения некоторых тактических целей в отношениях с близкими. Симптоматическое поведение может выполнять функцию скрытой, парадоксальной коммуникации между людьми. Симптом превращается в закодированное сообщение и исключает открытое обсуждение проблем в семье. Информация приобретает симптоматическую форму и часто противоречит вербальным высказываниям [6, С.84-85; 91].

Таким образом, симптом, болезнь или нарушение поведения здесь рассматривается в качестве специфической коммуникации, которая выполняет функции защитного маневра, прагматически «выгодного» всем участникам коммуникации [4, С.256-257]. С помощью симптома один член семьи передает сообщение другому и пытается определенным образом влиять на его отношение к себе [5, С.162].

Поэтому в некоторых семьях наркотизация имеет ярко выраженный демонстративный компонент. Наркотик может использоваться подростком как средство сепарации и достижения большей независимости.

Однако обычно это вызывает обратный эффект, что делает отношения в родительско-детской паре еще более напряженными и мучительными.

В распавшихся семьях наркомания подростка может выполнять функцию ослабления и даже преодоления эмоциональной зависимости от родителя, проживающего вне семьи. Внутренние отношения в родительско-детской паре становятся более близкими, эмоциональными и сплоченными, тогда как внешние отношения с родителем, живущим вне семьи, становятся более дистантными, холодными и проблемными.

В ригидных семьях наркомания подростка может рассматриваться как крайняя форма протеста против системы отношений, игнорирующей его возросшие возможности, интересы и потребности [1, С.147].

О наркотизации в деструктивных семьях было сказано выше, но все же напомним, что наркотизация в них направлена, прежде всего, на компенсацию дефицитарности эмоциональных контактов в семье, либо выступает как средство ухода от давления семейных конфликтов.

Поэтому без вовлечения семьи в лечение и реабилитацию процент рецидивов будет высок, так как даже после удачно проведенного лечения подросток опять возвращается в прежнюю семейную систему [3, С.664].

Следовательно, в коммуникативном подходе любой совместный эксперимент может оказаться полезным. Изменение повторяющихся ригидных последовательностей, поддерживающих существующую проблему, выступает важной целью психотерапии [2, С.229-230].

Подводя итог, необходимо еще раз подчеркнуть, что нарушение коммуникации в семье может привести к началу употребления ПАВ подростком, служить ему метафорическим выражением проблемы. Отсюда, изменение метафор и аналогий становится фокусом терапии. Сложность состоит в том, что, как правило, психологический запрос со стороны семьи данного типа отсутствует и семья попадает в поле зрения психолога, когда психологическая зависимость от наркотика сочетается с мощной физиологической зависимостью [1, С.150]. Поэтому первичная профилактика употребления ПАВ подростками чаще ограничивается психологическим просвещением или доведением соответствующей информации до родителей на различных общественных школьных мероприятиях. Значит при существующей методической организации, когда семья практически выпадает из звена первичной профилактики, высокая эффективность по профилактике по наркомании будет находиться под очень большим вопросом. Следовательно, нужно в первую очередь доводить до родителей информацию, где можно получить квалифицированную, именно квалифицированную психологическую помощь. Вот тогда в вопросе эффективности профилактики наркомании можно будет рассчитывать и на что-то большее.

Литература

1. *Березин С.В., Лисецкий К.С.* Предупреждение подростковой и юношеской наркомании – М.: Издательство Института Психотерапии, 2003. – 256с.
2. *Кулаков С.А.* Практикум по клинической психологии и психотерапии подростков. – СПб.: Речь, 2004. – 464с.
3. Психотерапевтическая энциклопедия / Под редакцией Б.Д.Карвасарского. – СПб.: Питер, 2002 – 1024с.
4. Соколова Е.Т. Психотерапия: Теория и практика. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 368с.
5. *Старшенбаум Г.В.* Сексуальная и семейная психотерапия. – М.: Издательство Высшей школы психологии, 2003. – 300с.
6. *Черников А.В.* Системная семейная терапия: Интегративная модель диагностики. – М.: Независимая фирма «Класс», 2001. – 208с.
7. *Черников А.В.* Системная семейная терапия: Интегративная модель диагностики. – М.: Независимая фирма «Класс», 2005. – 400с.
8. *Эйдемиллер Э.Г.* Психология семьи. – СПб.: Питер, 2002. – 656с.

НАПРАВЛЕНИЕ 6. ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ И ЭК- ЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

И.О.Косарева, О.Н.Шалдыбина

Изучение зависимости представлений о времени от особенностей ценностной сферы человека

Темп современной жизни ускоряется все быстрее и быстрее. В развитых странах время становится все более и более дефицитным ресурсом, а потеря времени – одной из самых серьезных проблем. Это приводит нас к пониманию необходимости исследования причин потери времени. Безусловно, в списке этих причин ведущее место принадлежит психологическим аспектам. Мы предполагаем, что ведущим психологическим компонентом, оказывающим влияние на представления о времени, являются особенности ценностной сферы человека. Из колоссального количества существующих определений ценностей видно, что они обладают побудительной силой и влияют и на организацию человеком своего времени.

Анализ литературы показал, что представления о времени во взаимосвязи с ценностной сферой человека в отечественной психологии не подвергались специальному рассмотрению. Недостаток исследований указанной проблемы обуславливает, на наш взгляд, научную актуальность нашего исследования. Что касается представлений о времени, то можно отметить единодушие в научно-психологической среде относительно следующего тезиса: психологическое время характеризует субъекта и не может быть понято вне реальной жизнедеятельности человека.

Психологическое время определяется как процесс осознания и переживания личностью межсобытийных отношений, субъективной картины жизненного пути. Психологическое время рассматривают, с одной стороны, как часть социального времени, с другой стороны, как процесс развития субъектности; тогда своеобразие в структурировании психологического времени интерпретируется в качестве особенностей субъектности личности (Л.Д.Демина, И.А.Ральникова). При таком подходе время понимается в единстве прошлого, настоящего и будущего, а также как совокупность динамических (процессуальных) характеристик.

Характеристика временных процессов связана с определенным темпом, интенсивностью и напряженностью событий психологической жиз-

ни, событий, которые опосредованы потребностно-мотивационными особенностями, способностями, характерологическими качествами, проявлениями самосознания личности и др. Людям свойственны индивидуальные особенности восприятия времени.

«Депривация ценностного отношения человека к его прошлому, настоящему, будущему или отсутствие структурированного прошлого в истории развивающегося человека и неопределенность перспективы жизни, способна разрушить внутренний статус личности» [3; С. 79].

Анализ понятия «ценности» всегда являлся объектом интереса философов, социологов и психологов. В психологической литературе проблема ценностей нашла отражение во множестве концепций и теорий, благодаря чему получила имеет множество определений. Формулируя проблему влияния ценностной сферы человека на представления о времени, мы основываемся на существующих в психологической литературе следующих вариантах понимания индивидуальных ценностей. Личностные ценности представляют собой «консервированные» отношения с миром, обобщенные и переработанные опытом социальной группы, которые ассимилируются в структуру личности и в дальнейшем своем функционировании не зависят от ситуативных факторов (Д.А.Леонтьев). Ценности как разновидность социальных установок или интересов (В.А.Ядов), в таком понимании им приписывается направляющая, или структурирующая функция, к которой сводится эффект ценностной регуляции. Еще один подход сближает ценности с понятием потребности или мотива, подчеркивая их реальную побудительную силу (Ф.Е.Васильюк, Б.И.Додонов, А.Маслоу). И лишь одна позиция, где ценности не обладают самостоятельной побудительной силой, черпая ее из других источников, это трактовка ценности в одном ряду с такими понятиями, как мнение, представление или убеждение (В.С.Брожек, А.А.Ручка, М.Рокич).

Таким образом, в данной работе мы понимаем ценности, главным образом, как конечные ориентиры желательного состояния дел (К.Клакхон), практически не зависящие от ситуации, обеспечивающие стабильную мотивацию и выступающие одним из интегративных элементов развития личности, мотивационный процесс, в основе которого лежат ценности не имеет конечной точки.

Целью работы является проверка гипотезы о наличии связи представлений о времени (прошлом, настоящем, будущем) с особенностями ценностной сферы человека. Мы исходим из предположения, что чем меньше различий между декларируемыми и подлинными ценностями человека, тем время воспринимается как более организованное, разнообразное, цельное.

Для подтверждения или опровержения гипотезы нами сформулирован ряд задач: рассмотрение истинных и декларируемых ценностей чело-

века, установление отличий между ними, анализ представлений о прошлом, настоящем и будущем человека, определение наличия или отсутствия влияния установленных отличий между истинными и декларируемыми ценностями на представления о времени.

Для изучения представлений о времени нами была использована методика семантического дифференциала. Для изучения особенностей ценностной сферы – методика «ценностных ориентаций» М.Рокича (исследование декларируемых ценностей), методика семантического дифференциала И.Л.Соломина (определение истинных ценностей). Выборку составили 50 человек (мужчины и женщины) в возрасте от 20 до 22 лет, студенты 4-го курса Самарского государственного университета, физического и психологического факультетов.

В предварительных результатах, которые мы получили, нет значимых различий между ответами студентов психологического и физического факультетов. Также ответы не зависят от пола испытуемых. При этом наблюдается следующая закономерность: чем меньше существующий разрыв между декларируемыми и истинными ценностями, тем больше линия «настоящего» оценивается как плавная, непрерывная, организованная, цельная и описание линии «настоящего» схоже с описанием линии «будущего». Это, на наш взгляд, свидетельствует об адекватном восприятии временной перспективы и себя в ней.

Чем больше разница, тем значительнее описание линии «настоящего» отличается от линии будущего. Эти результаты можно рассматривать как показатель того, что такими респондентами будущее воспринимается как нечто оторванное от текущей ситуации, а следовательно, как слабо поддающееся сознательному воздействию.

Дальнейшая разработка поставленной проблемы требует специальных, теоретических и практических исследований. Полученные результаты потенциально могут быть использованы в практической деятельности, как в индивидуальном, так и в организационном консультировании для составления программ по управлению временем, оптимизации индивидуальных отношений с временем, оптимизации процессов в организациях.

Литература

1. *Василюк Ф.Е.* Психология переживания: Анализ преодоления критических ситуаций – М.: изд-во МГУ, 1984.
2. *Демина Л.Д., Ральникова И.А.* Психическое здоровье и защитные механизмы личности. – Алтай: изд-во Алтайского государственного университета, 2000. 123с.
3. *Додонов Б.И.* Эмоция как ценность. – М., 1978.
4. *Леонтьев Д.А.* Деятельность. Сознание. Личность. – М., 1982

5. *Леонтьев Д.А.* Динамика смысловых процессов // Психол. журн. 1997. Т. 18. С. 13-27.
6. *Леонтьев Д.А.* Личностный смысл и трансформация психического образа // Вестн. МГУ. Сер. 14. Психология. 1988. С 3-14
7. *Леонтьев Д.А.* Методика изучения ценностных ориентации. – М., 1992.
8. *Леонтьев Д.А.* Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 4-36.
9. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. – М., 1990.
10. Человек и его работа. Социологическое исследование / Под ред. *А.Г. Здравомыслова и В.А. Ядова.* М., 1967. С. 46.
11. *Чернова Э.Г.* Проблемы мотивации и ценностных ориентации в отечественной и зарубежной психологии // Материалы конференции молодых ученых. – Арзамас, 2000.

К.С.Лисецкий

Психологическая зависимость как «Жажда Целостности» (онтосубъектный подход)

Сегодня в отношении подростковой и юношеской наркомании накоплено большое количество данных, которые оказывают влияние на общество и государство при выборе средств решения этой проблемы. Концептуальные ошибки и неверные ориентиры ведут к значительному увеличению материальных затрат государства при низкой результативности профилактических программ и мероприятий. Если ошибки постоянно не исправлять, опасность наркотизации подрастающего поколения будет возрастать.

Анализируя опыт, выявляя скрытые противоречия в основаниях некоторых подходов к пониманию психологической зависимости от наркотических веществ, можно значительно помочь всем заинтересованным людям, стремящимся оказывать противодействие наркотизму.

Заблуждение первое.

Формирование здорового образа жизни (ЗОЖ) на основе ценностного отношения подростка к своему здоровью ошибочно! Значение ЗОЖ для подростка и взрослого человека, как показывают психосемантические исследования, принципиально противоположны [3]. Методика Фанталовой, на которую ссылаются большинство исследователей, в качестве ориентировочной основы по предупреждению наркотической зависимости не валидна. *Если для взрослого человека здоровье – ценность, то для подростка – средство самоиспытания.* Здоровье для взрослого – то, что нужно беречь, для подростка – то, что требует проверки на прочность. Чем лучше здоровье у подростка, тем больше зона риска.

Заблуждение второе.

Взрослые, как правило, считают, что подростки начинают пробовать наркотики от личной неуверенности и страха перед жизнью. Они вредят своему здоровью и совершают противоправные действия ради «бегства от реальности»... Выходит, что реальность для подростка приговорена взрослыми играть роль опережающей «ломки», «социальной абстиненции».

На самом деле все иначе. Подросток чаще действует наперекор общественному мнению воспитателей, которые, желая облегчить ему жизнь, ограничивают его социальную и экономическую самостоятельность. Он пытается разрушить нереалистичность ожиданий со стороны взрослых, ошибочность их представлений об «идеальной» жизни, испытать свои возможности. Подростки пробуют наркотики не от бессилия *или безделья*, а от бесстрашия [10].

В связи с этим, научные концепции, профилактические программы, воспитательные мероприятия, направленные на доказывание детям их неспособности «жить в реальности», положительных результатов в деле предупреждения подросткового наркотизма не принесут.

Заблуждение третье.

Уже много лет ученые пытаются выявить основные признаки и характеристики так называемой «преднаркотической личности», найти главные причины возникновения наркомании. В зависимости от сферы исследований они постоянно открывают их то в социальных условиях, то в психических отклонениях, то в биологических особенностях индивида.

При этом не объясняется, почему люди, благополучные во всех отношениях, начинают употреблять наркотики, а те, у кого есть все причины их употреблять, даже не пробуют.

Мы уже давно пришли к выводу, что не существует преднаркотической личности и монопричины возникновения наркомании. Любая жизненно важная проблема человека может стать поводом для пробы наркотических веществ [2]. Исключением могут быть только «идеальные», в нашем контексте – «бестелесные» личности. Если нет тела, то и нет повода к улучшению его самочувствия.

Наркомания мультипричинна, но определяющим пунктом её возникновения как правило становится выбор самого человека [2].

Решение проблемы повышения эффективности профилактики наркомании нужно искать не только в сфере психопатологий личности, но и в сфере психологии субъектности.

Человек способен делать собственный выбор субъектно, по-своему усмотрению, проявляя смирение или противостояние. Однако, в период взросления, выбор часто оказывается выбором «против себя» – для того, чтобы только пойти наперекор обстоятельствам, или в ситуации замешательства (неопределенности) откликнуться на внешнюю эмоциональную

поддержку, или вообще случайно, не задумываясь, «как карта ляжет». И только четвертый вариант – субъектный выбор, осознанный и осмысленный, под свою личную ответственность помогает подростку взрослеть.

Заблуждение четвертое.

Ориентация многих профилактических программ на развитие адаптивных способностей личности подростка изначально однобока, ущербна, а значит малоэффективна. Быть адаптивным в изменчивом мире, полном противоречий, – вряд ли такое по силам взрослому человеку, а тем более личности взрослеющего подростка [10].

Заблуждение пятое.

Многие исследователи пытаются объяснить наркоманию с точки зрения гедонистического подхода, как будто не знают, что жизнь наркомана значительно опаснее и сложнее, чем у человека, не употребляющего наркотики. Объяснить стремление к такой жизни с помощью принципа психологической сообразности вряд ли перспективно и правильно. «Жажда Целостности» не тождественна стремлению личности к самоограничению, сохранению внутреннего гомеостатического равновесия. Наоборот, целостность может переживаться только как состояние неограниченных внутренних возможностей личности, как *способность* выходить за пределы заданности в свободной причинности.

Заблуждение шестое.

Подросток, попавший в зависимость от наркотиков, больше всего на свете боится «ломки», абстинентного синдрома в случае их отсутствия, и поэтому вынужден постоянно употреблять наркотические вещества. Нами исследовано большое количество случаев, когда потребители наркотиков неоднократно прекращали их употребление, но в дальнейшем, когда уже ни о какой абстиненции не могло быть и речи, вновь возвращались к употреблению [9].

Наиболее вероятной причиной «возвращения в ад», мы, вслед за К. Гроф, считаем «жажду целостности», «переживание избыточных возможностей», «онтологической неразрывности» в личной жизни, которые возникают в состоянии наркотического опьянения [1].

В период взросления подросток вынужден приспосабливаться не только к окружающему миру, но и к самому себе, к своим быстро меняющимся мыслям, чувствам, телу. Овладевать собой как одной из сил природы. Это происходит в условиях несовпадения его физического и личностно-психологического развития, противоречивых требований со стороны воспитывающих взрослых, социально-экономической ограниченности.

Несовпадение физических возможностей и социальных запретов, постоянное противоборство мотивов и ценностей, «онтологическая неукорененность» (Р.Лэнг) личности подростка фиксируют у него состояние гене-

рализованной неудовлетворенности, внутренней «рассогласованности», чувственно-телесной отчужденности [3].

С одной стороны, это затрудняет развитие его личности, с другой – гипертрофированно мотивирует его стремление взрослеть. Подросток, попадая в неопределенные, неоднозначные ситуации, вынужден реагировать на них либо инфантильно, либо адаптивно, либо субъектно, переживая каждый раз состояние ограниченности своих возможностей.

Инфантильный выбор определяется потребностью в покровительстве, во внешней эмоциональной поддержке или случайностью, адаптивный – возможностью избежать наказания, субъектный – личной ответственностью за саморазвитие.

Как известно, наркотическое опьянение изменяет в организме человека психофизическую чувствительность, «растворяет» хронические напряжения как в чувственной, так и в телесной сфере. Это открывает доступ к переживанию состояния избыточных возможностей и «организмической целостности» личности.

Однако запрет на употребление наркотического вещества должен быть преодолен подростком до начала самого факта употребления, в момент, когда напряжение его чувств и тела уже максимальны, а «саморазрешение» ещё окончательно не провозглашено, согласие задано, но не дано. Не «ломка» «правит бал», а личность, смещая вектор выбора в сторону свободы без выбора.

На таком фоне появление наркотического опьянения, смешивающего чувства, мысли и действия человека в общем потоке кажущейся согласованности, воспринимается особенно контрастно. Генерализованная неудовлетворенность локализуется в «ярлык» для обозначения состояния наркодефицита, после чего воспоминания о ней «хранятся» рядом с воспоминаниями о наркотической эйфории, поддерживая воспроизводство цикла психической зависимости от наркотических веществ [10].

Заблуждение седьмое.

Подросток употребляет наркотики, подвергая себя смертельной опасности, не понимая смысла и вреда того, что он делает. Однако при систематическом употреблении наркотиков развивается психологическая зависимость, которая подчиняет всю мотивационно-смысловую сферу личности подростка, становится точкой отсчета в определении смысла тех или иных действий подростка, ориентиром в решении всех проблем, связанных с личным выбором.

Нужно признать, что зависимость приносит потребителю наркотиков «психологический выигрыш», который проявляется в состоянии определенности в любой неопределенной ситуации. Наркоман всегда и везде оказывается «при деле». Он точно знает, что нужно делать в любой момент жизни, в любой ситуации. Он все время находится в «творческом»

поиске денег или наркотиков, демонстрируя при этом совершенно противоположное поведение. «Тотальное» понимание своего предназначения снижает у подростка онтологическую энтропию, снимает внутренние противоречия и возвращает целостность его личности.

Возвращаясь к разговору о причинах употребления наркотических веществ, выделим главное, что наркомания мультипричинна, но мономотивна. Источником её воспроизводства является самоценное стремление человека к целостности, внутреннему согласию, самопричинному существованию. Иначе невозможно объяснить предпочтение саморазрушительных, смертельноопасных действий человека в отношении себя, своих близких, своего будущего [2].

О собственной и заимственной целостности

«Жажда Целостности» для подростка часто оказывается сильнее правовых санкций, морального давления и даже самой жизни. Психологически целостность переживается как сопряженность действия, чувствования и осознания происходящего без физического и психического напряжения. Ее характеризует мгновенная сенсорная интерпретация онтологических изменений в процессе жизнедеятельности человека наравне с когнитивной, при полном отсутствии беспокойства и скуки. Целостность личности не может быть установлена раз и навсегда, но её как психическое состояние можно «заимствовать» и «поддерживать» за счет наркотиков или других психоактивных суррогатов. Подлинная целостность восстанавливается и переживается в ситуации неопределенности, когда личность проявляет свою субъектность, взрослеет, развивает свою «Я-концепцию». По мнению Э. Эриксона, развитие «Я-концепции» осуществляется посредством идентификации субъекта с теми ситуациями, которые он пережил, символически объективировал, артикулировал и присвоил в качестве личного опыта. В этом случае «ярлык», примененный к самому себе начинает определять последующее реальное бытие личности. Создание нового «ярлыка» порождает в «Я-образе» подростка новое «частное Я», новый внутренний «голос» (М. Бахтин), нового «участника» в строительстве в «Я-концепции» взрослеющей личности.

Трудно представить реальное бытие без чувственно-телесного участия человека в происходящих с ним событиях. Это особенно важно в период взросления, когда собственное тело может восприниматься «владельцем» как нечто неизвестное, даже противостоящее, необъяснимо тревожное. У подростка ещё не составлен личный «словарь» эмоционального и телесного языка, который в дальнейшем будет играть роль пожизненного руководства по достижению личного счастья или несчастья. Взрослый человек воспринимает свое тело менее конфликтно и менее эмоционально.

Взросление подростка осуществляется одновременно в трех пространствах обитания его личности: во взрослом сообществе, в субкультуре

ном сообществе сверстников, в организмическом пространстве собственного тела. Рассогласованность этих пространств постоянно нарушает целостность «Образа Я» подростка, усиливает конфликтность и противоречивость в основных сферах его личности, увеличивает энтропию его ценностно-смысловой ориентации. В ситуации ответственного выбора подросток испытывает беспомощность, потерю целостности, легко попадает в зависимость от случайного источника интеграции его актуально конкурирующих побуждений. Онтологическая неопределенность нарушает целостность личности, усиливает рассогласованность её «Я-концепции» [10].

Проявление субъектности, способности к осмыслению и рефлексии своего субъективного опыта на когнитивном, аффективном и телесном уровнях помогает подростку в ситуации неопределенности открывать новые качества своей личности. В этом случае неопределенность выступает источником возникновения и развития избыточных возможностей в личности субъекта за счет интеграции его внутриличностных противоречий и взаимоисключающих побуждений.

В случае инфантильного или адаптивного реагирования подростка на возникновение ситуации неопределенности, она (неопределенность) становится пространством «заимствованной целостности», почвой для развития различного рода психических зависимостей.

Неопределенность, сама по себе, «по определению», амбивалентна и многозначна. Каждый раз, нарушая целостность личности, она одновременно мобилизует её восстановление. Однако целостность может быть собственной, а может быть заимствованной. Собственная целостность, как избыточная возможность, возникает в процессе саморазвития личности, заимствованная за счет внешних средств или покровителей. Заимствованная целостность разотождествляет личность с ответственностью. Целостность личности не может быть «ненастоящей», «мнимой» или «ложной», поскольку она возникает и переживается в чувственно-телесной сфере человека. По своему происхождению целостность может оказаться «фантомной», искусственной, символической, но, по способу переживания, организмическому отклику, она либо реально есть, чтобы о ней не говорили, либо ее реально нет, чтобы о ней не говорили.

Наркотическая зависимость – это, своего рода, форма заимствованной целостности. Собственную целостность личности можно обозначить как динамическую согласованность когнитивных, аффективных и телесных переживаний в результате проявления личностью своей субъектности в ситуации онтологической неопределенности. Состояние целостности личности можно охарактеризовать по аналогии с состоянием «потока» М. Чиксентмихайи или «устремлением» В.А. Петровского.

Опыт «потока» описывается М. Чиксентмихайи как состояние полной одновременной поглощенности делом, собой, окружающим миром, сопряженностью во всем и выходом за пределы своих программ и ограничивающего сознания. Все происходящее подчиняется внутренней логике и не требует напряжения. Личность переживает состояние онтологического единства процесса и результата, действия, чувствования, осмысления [12].

«Устремление» В.А.Петровский обозначает как влечение к продолжению, как форму самоценной, самовоспроизводящейся активности человека, которая представляет собой единство переживаний «хочу» и «могу» в действии, порождающем избыточные возможности [8]. Собственная целостность личности подростка приобретает устойчивые черты в процессе развития внутриличностной системы самоподдержки. Мотивом её развития, как правило, является стремление подростка к личной независимости. Исходя из этого, взросление можно представить как процесс последовательного решения подростком задач саморазвития и создания собственной системы самоподдержки.

Каждое решение такого рода задачи требует от подростка осознания и проявления своей субъектной позиции. Эти задачи, по сути, являются задачами «онтологического укоренения» личности во внешнем и внутреннем мирах обитания. Несмотря на то, что задачи вполне объективны, их решения воплощаются каждым человеком индивидуально и неповторимо.

Обратим внимание воспитателей на то, что проявление личной субъектности в ситуациях неопределенности не может иметь конкретных образцов. По этой причине задачи взросления не могут иметь однозначных решений. Их осознание возникает только при возникновении неопределенности в процессе рефлексии произвольного выбора.

Своевременное решение каждой из задач во многом определяет последующее содержание жизни растущего человека. Задачи, оставшиеся неразрешенными, способствуют формированию «заимствованной» целостности и фиксируют в личности невротическое поведение, блокируют возможности личностного роста, сохраняют структуру подросткового (невзрослеющего) сознания и расогласованность в «Я-концепции» невзрослой личности.

Без развития субъектности взросление личности не наступает даже если ее хронологический возраст намного опережает психологический. Движущей силой взросления являются противоборствующие мотивы и ценности, осознание которых определяет характер и содержание взросления. Анализ литературных источников и многоступенчатые исследования противоречий, возникающих в «Я-концепции» личности в период взросле-

ния, помогли нам выделить из этих противоречий несколько целевых групп. На их основе мы и составили перечень задач взросления. Решение каждой задачи, как показала практика, должно быть найдено подростком не только на когнитивном, но и чувственно-телесном уровне. Результатом решения задач взросления является возникновение у подростка внутриличностной системы самоподдержки и опыта переживания собственной личностной целостности.

В процессе дальнейшей исследовательской и практической работы нам удалось выделить те задачи взросления, решение которых является достаточным для построения у подростка психологической основы внутриличностной системы самоподдержки.

1. Организмическое (чувственно-телесное) принятие подростком своего имени, внешности, тела.

2. Формирование способности к конструктивному преодолению внутриличностных мотивационных и ценностных противоречий, готовности к развитию своей «Я-концепции».

3. Выстраивание ответственных отношений со сверстниками обоего пола.

4. Выстраивание отношений с родителями и другими взрослыми без эмоциональной зависимости.

5. Осознание своего отношения к вечности, бесконечности, Абсолюту, ограниченности жизни.

Разработанный нами на основе *онтосубъектного* подхода психологический тренинг содействия личности в решении её задач взросления показал хорошую результативность, высокую мотивационную привлекательность и соответствие глубинным психологическим запросам подростков. Специально подготовленный для работы с подростками психолог, может оказывать существенную помощь участникам тренинга в решении их задач взросления.

В процессе тренинга моделируются ситуации высокой степени неопределенности, требующие от участников субъектного поведения и ответственного выбора. Деятельность психолога направлена на последовательное увеличение зоны ближайшего личностно значимого выбора и рефлексии происходящих изменений в отношениях и самоотношениях каждого из участников. Выбор – это шанс подростка превзойти себя, проявив свою субъектность.

Инфантильные или *адаптивные* действия и решения подростков, как правило, психологом игнорируются, не подкрепляются и не осуждаются. Внешняя эмоциональная поддержка кого-либо из участников со стороны тренера предоставляется только по факту субъектного поведения.

Тренер должен уметь квалифицировано диагностировать наиболее актуальные для подростков задачи и моделировать неопределенные ситуа-

ции, в которых участники, проявляя и рефлексирова свои личностные позиции, обучаются снижать онтологическую энтропию своей личности, восстанавливать в себе состояние целостности.

Многолетний опыт практической работы убедил нас в том, что действительное решение личной задачи взросления невозможно за счет другого человека. Оно также не возникает по образцу или по подсказке. Другой человек может либо содействовать, либо препятствовать решению той или иной задачи, но не решать её.

Проявление собственной субъектности тренера-психолога в процессе работы с подростками является необходимой составляющей результативности проводимого им тренинга. Мастерство ситуативного моделирования, искусство ведения тематических диалогов, рассуждения на жизненно важные темы не обеспечивают достаточной эффективности работы психолога без реализации принципа пропорциональной субъективности. Это один из важнейших принципов онтосубъектного подхода, который мы разработали в последние годы: личность может проявить свою субъектность пропорционально степени заданной неопределенности.

Проявление субъектности человека существенно зависит от его личной активности, но, как правило, не превышает ситуативно заданной по поводу себя неопределенности. Умение психолога в процессе тренинга, произвольно повышать или снижать ситуативную неопределенность пропорционально возможностям участников, является главной характеристикой его профессиональной и личностной готовности к работе с подростками по содействию в решении их задач взросления.

В ситуации определенности, предсказуемости, «прозрачности», отсутствия выбора, необходимость в проявлении субъектности у личности отсутствует, однако ее целостность не наступает никогда, потому что личность не имеет возможности стать причиной себя.

Литература

1. *Гроф К.* Жажда Целостности. Москва: Институт трансперсональной психологии, 2003.
2. *Лисецкий К.С.* Культура вынужденных желаний. // Известия Самарского научного центра РАН. Самара, 2003.
3. *Лисецкий К.С., Литягина Е.В.* Психология не-зависимости. Самара. 2004.
4. *Лисецкий К.С., Мотынга И.А.* Психология ранней наркомании. Самара, 1996.
5. *Лэнг Р.* Расколотое «Я». Москва: «Академия», 1995.
6. Наркомания глазами семейного психолога. Под ред. С.В.Березина, К.С.Лисецкого. СПб.: «Речь», 2005.

7. Научно-методические основы первичной профилактики детской наркомании: для работников центров социальной помощи семье и детям. – М.: Государственный НИИ семьи и воспитания, 2000.

8. *Петровский В.А.* Личность в психологии. Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1994.

9. Предупреждение подростковой и юношеской наркомании /Под ред. С. В. Березина, К. С. Лисецкого, И. Б. Орешниковой. Самара: Изд-во Института Психотерапии, 2000.

10. Профилактика наркотизма: теория и практика. Под ред. С.В.Березина, К.С.Лисецкого. Самара: Изд-во «Перспектива», 2005.

11. Психологические особенности наркоманов периода взросления (опыт комплексного экспериментально – психологического исследования) / Под ред. Березина С.В., Лисецкого К.С. Самара: «Самарский университет», 1998.

12. *Csikszentmihalyi, M.* Beyond Boredom and Anxiety. Experiencing flow in work and play. San Francisco: Jossey-Bass, 2006.

М.Е.Серебрякова

Особенности личностного выбора наркозависимых

Проблема исследования психологических механизмов формирования наркозависимости является предметом изучения различных теоретических школ и продолжает оставаться актуальной в настоящее время. Большинство теоретических моделей делают акцент на выявлении внешних и внутренних причин, делающих человека более предрасположенным к наркотической контаминации. Выделяются особенности социальной среды, механизмы семейного влияния, личностные черты, биологические предпосылки, способствующие формированию наркозависимости. При этом сам человек во многом рассматривается как объект влияния некоторых внешних обстоятельств, в которых он оказывается или внутренних причин. Однако факторные модели не могут объяснить многих явлений в изучаемой проблеме. Существует множество примеров, когда у человека, погруженного в крайне неблагоприятную, с точки зрения наркотического заражения, социальную ситуацию не формируется зависимость. Наркомания оказывается крайне демократична – ей подвержены все слои населения с разным достатком и различным культурным уровнем. Выявление личностных особенностей, служащих фактором формирования наркозависимости, оказывается еще более спорным. Большинство исследователей основываются на данных, полученных при изучении личности наркозависимых. При этом факт изменения личности в процессе наркотизации часто не учитывается. В подобного рода исследованиях трудно установить причинно-следственные связи между особенностями личности и фактом зло-

употребления психоактивными веществами. С другой стороны, выделяемые личностные предпосылки наркотической контаминации, такие как высокая внушаемость, низкая стрессоустойчивость, эмоциональная лабильность, неумение конструктивно решать возникающие проблемы, обнаруживаются у большинства подростков.

Мы предполагаем, что наркомания представляет собой личностный выбор человека, совершаемый в определенный момент жизни. При этом особенно важно подчеркнуть активную роль субъекта в этом процессе. Данный выбор может быть адаптивным в определенной ситуации, однако, по сути он оказывается саморазрушительным для субъекта этого выбора.

Формирование зависимости от психоактивных веществ может оказываться для человека способом адаптации в определенной ситуации. В состоянии опьянения человек переживает избыточность собственных возможностей, чувство «я могу!», возможность хотя и иллюзорного, но удовлетворения потребностей, которые оказываются фрустрированными в реальности. Наркотическая зависимость исключает человека из активной социальной жизни, делает менее вероятным переживание напряженных социальных ситуаций, с которыми мы вынуждены сталкиваться в повседневной жизни. Наркотическое опьянение позволяет переживать события собственной жизни как бы под наркозом, делая человека эмоционально не чувствительным к ситуациям, которые раньше вызывали сильное нервно-психическое напряжение. Состояние зависимости, кроме того, освобождает от необходимости принятия ответственности за события, происходящие жизни (с точки зрения экзистенциально ориентированных исследований, наркомания представляет собой один из вариантов бегства от свободы), редуцирует ситуацию неопределенности, снимает мотивационный конфликт. Поэтому мы можем рассматривать формирование зависимости как способ адаптации человека к определенным жизненным обстоятельствам, связанным с фрустрацией чрезвычайно важных для него потребностей. Однако, последствия наркомании оказываются противоположны тем целям, которых человек хотел достичь с помощью наркотиков. Постоянное употребление психоактивных веществ приводит к изменению всех сфер личности, поведение наркомана становится предсказуемым, стереотипным, искажается представление о себе и окружающем мире. В связи с этим можно говорить о разрушительном характере данного выбора для субъекта этого выбора.

Определяя понятие личностного выбора, мы должны выделить несколько отличительных особенностей:

- 1) Альтернативы, между которыми совершается выбор, представляют собой не способы действия, реализующие одну и ту же цель, а разные жизненные отношения, разные мотивы. По-видимому, формирование зависимости с психологической точки зрения происходит по механиз-

му сдвига мотива на цель. Можно предположить, что на стадии поискового наркотизма наркотик может выступать для человека как средство решения проблем. Однако, в дальнейшем достижение состояния интоксикации становится не просто самостоятельным, а главенствующим мотивом поведения зависимого человека.

2) Выбор является активным действием субъекта, а не пассивной реакцией на возникшие обстоятельства. Не отрицая важной роли социальных и личностных факторов формирования зависимости, необходимо учитывать активность самого субъекта, которая может проявляться в различном отношении к этим факторам, в потенциальной возможности саморегуляции поведения.

3) Основанием выбора не может являться сила побуждения как таковая (то есть личностный выбор осуществляется в ситуации борьбы мотивов). Чаще всего мы можем наблюдать на практике борьбу гедонистических мотивов и мотивов безопасности, а также социальных мотивов должностования и социальной желательности.

Таким образом, мы можем говорить о том, что личностный выбор совершается в ситуации неопределенности, когда способы действия для достижения желаемого не заданы, и результаты выбора могут приводить к различным последствиям, заранее не известным субъекту выбора. Оказываясь в ситуации неопределенности, человек встает перед необходимостью совершения выбора, который может изменить всю его дальнейшую жизнь. По-видимому, стоит предположить, что жизнь человека не является результатом одного однажды принятого решения, которое можно отследить и отменить. Она представляет собой результат бесчисленных выборов и отвергнутых альтернатив. И любое изменение не может произойти путем единственного важного волевого решения - оно явится постепенным процессом принятия множества решений, каждое из которых прокладывает путь для следующего.

Период взросления представляет собой наиболее напряженный с точки зрения принятия неопределенности период в жизни человека. Многие проблемы, актуальные для данного возраста (задачи взросления) человек вынужден решать, выходя за рамки установленных правил, привычных форм поведения. Это проявляется в постоянном экспериментировании подростков с реальностью, с окружающими людьми и с самими собой. Неопределенность, противоречивость требований, предъявляемых к молодому человеку различными социальными группами, в которые он включен, еще усложняет ситуацию. Задачи взросления представляют собой жизненные вопросы, которые ставят человека в ситуацию неопределенности, когда он встает перед необходимостью выбора в пользу развития либо в пользу безопасности.

Для принятия решения субъекту необходима некая опора, на которую можно ориентироваться.

Совершая личностный выбор, человек оказывается в ситуации, где от него требуется сопоставление двух пластов реальности. С одной стороны, выбор должен осуществляться на принципиальных для субъекта ценностно-смысловых основаниях. С другой стороны, этот выбор должен быть реализуемым, согласованным с требованиями реальности, с условиями, в которых оказывается субъект. Нужно отметить, что эти составляющие личностного выбора неотделимы друг от друга. Принцип реальности может значительно затруднять осуществление ясных по смыслу выборов (когда человек выбирает заведомо худшее, но возможное в данных обстоятельствах). И наоборот, понимание истинного значения собственных действий часто не позволяет субъекту принять целесообразное с точки зрения ситуации решение. Кроме того, выбор осложняется еще и тем, что истинные смыслы и отношения, реализуемые человеком в данной конкретной деятельности далеко не всегда осознаются своим носителем, скрываясь за ситуативными желаниями и намерениями, за требованиями ситуации, запретами и условностями. Человек в такой ситуации часто отказывается от волевого, ответственного выбора и отдает себя в руки обстоятельств, проявляет «полевое поведение».

Таким образом, мы предполагаем, что в структуре личностного выбора можно выделить две составляющие: ценностно-смысловую и когнитивно-оценочную.

Ценностно-смысловой компонент выбора представлен в виде структуры ценностей человека, опираясь на которую, он может находить основания для этого выбора. При этом ценности, личностные смыслы выступают не только как критерий регуляции собственного поведения, но и как механизм самоуправления.

Осмысление собственных действий и объектов мира в интенциональном контексте, в контексте их места, роли и значимости для индивидуальной жизни, придает человеческой жизнедеятельности новое качество. Смысл – это гораздо больше, чем высший интегральный регулятор человеческой жизни, задающий ее направленность; смысл – это регуляторный принцип человеческого поведения (Д.А.Леонтьев). Он может занимать разный удельный вес по отношению к другим регуляторным принципам (ситуативным желаниям и потребностям, мотивам – стимулам). В исследованиях поведения и осмысления собственной жизни наркозависимых обнаруживается снижение у данной категории смысловой саморегуляции. Их поведение в большей степени обусловлено сиюминутными желаниями при сниженной способности к отсрочиванию разрядки.

Ценности формируются в процессе усвоения социального опыта и обнаруживаются в интересах, установках и других проявлениях личности.

При этом специфическая особенность ценностей заключается в том, что все они нанизаны на стержень ведущего смыслообразующего мотива, ведущей линии жизни (А.Н. Леонтьев). Они могут сочетаться с ней или вступать в конфликт, но они обязательно должны предстать перед судом личности. Они обязательно должны быть пережиты, а не просто восприняты, сопоставлены с той высшей ценностью, ради которой человек живет.

Ф.Е.Василюк говорит о том, что ценность – это некая инстанция, служащая основой для выбора, которая сама мотивом не является, но обладает смыслообразующими и смыслоразличающими потенциями, и способна быть точкой опоры для совершения осмысленного выбора между тем, что по смыслу несравнимо. Ценность – это не мотив, т.к. мотив всегда корыстен, и всегда борется за свой интерес. Ценность же выполняет интегрирующую функцию как в интрапсихическом (обеспечивает цельность самосознания, образует ядро личности), так и в интерпсихическом (ценность может быть «нашей», т.е. служить критерием единства между людьми) пространстве. Ценность в отличие от эмоции стабильна, устойчива, надситуативна. Ценность не может быть сведена к норме или правилу. Любая норма существует как нечто внешнее, данное извне. Ценность же переживается как рождающаяся изнутри. Ценность не может быть однажды приобретена, это не вещь, которой можно гарантированно обладать. Встреча с ценностью требует постоянно возобновляющегося усилия (М.К.Мамардашвили).

Формирование ценностей возможно только в процессе актуального принятия решений субъектом о его предпочтениях. То есть, ценности не могут быть переданы в процессе социализации или научения от одного человека другому. Человек рождает свои собственные ценности только в процессе совершения выбора.

Таким образом, ценностное основание выбора рождается в самом процессе выбора и не может быть отделено от него. Ситуация личностного выбора – это не только обнаружение, но и развитие ценностно-смысловой сферы личности, возможное при обращении личностных усилий человека на свою смысловую сферу, на собственное Я. То есть, в процессе личностного выбора субъект не просто оценивает альтернативы и последствия своего выбора, он, при условии личностного усилия, формирует, строит собственную личность. Если же это усилие не совершается, то человек остается рабом обстоятельств или других людей, не выстраивая для себя собственную систему ориентиров.

Когнитивно-оценочный компонент личностного выбора включает в себя осознание альтернатив, представление о последствиях совершаемого выбора, возможность оценить адекватность предпринимаемых действий в данной ситуации, оценку собственных возможностей, рефлексивный анализ собственных действий.

Когнитивно-оценочный компонент выбора опирается на парадигматический способ понимания себя и мира. Выбор, совершаемый таким образом, часто осуществляется на основе сиюминутной выгоды, без обращения к собственным интересам и ценностям. Таким образом, совершаемый поступок (поведение) становится адаптивным в данных условиях, однако, иногда саморазрушительным по сути.

Мы предполагаем, что в основе наркотизации лежит нарушение оснований, на которые человек опирается, совершая личностный выбор. В процессе формирования наркотической зависимости принятие решений, основанных на собственных ценностях, становится еще более затруднительным. Это связано с особенностями ценностно-смыслового компонента выбора. Исследования ценностной сферы личности наркозависимых указывают на следующие особенности:

- личностные ценности либо не сформированы; при этом ценности, усвоенные в различных социальных группах, не переживаются человеком как свои собственные, поэтому не становятся механизмом саморегуляции;
- либо система ценностей настолько конфликтна, что не может служить внутренним ориентиром при совершении личностного выбора, вызывая постоянное внутреннее напряжение, от которого хочется избавиться любым способом;
- либо система ценностей ригидна, не претерпевает никаких изменений в процессе жизни, в следствие чего приводит к дезадаптации в реальном мире (при этом чаще всего ригидность является результатом совершения ряда жизненных выборов в пользу безопасности в ущерб развитию).

Когнитивно-оценочный компонент выбора наркозависимых при этом остается относительно сохранным, однако, в силу отсутствия системы внутренних координат, обладает своеобразными чертами. Многими авторами отмечалось, что при сохранении интеллектуальных способностей у наркозависимых отмечается снижение способности к интеллектуальному усилию. При сохранении способности оценивать наличие альтернатив и последствия поступков окружающих людей, наркозависимые часто не видят способов выхода из собственных проблем, говорят о том, что "выбора нет". Поэтому способность ориентироваться в окружающем мире, устанавливать социальные контакты и эффективно добиваться своей цели у наркозависимых не только не страдает, но продолжает совершенствоваться. Это делает их великолепными манипуляторами. Однако, собственные трудности воспринимаются ими как непреодолимые.

Таким образом, мы предполагаем, что в силу особенностей ценностно-смысловой сферы личности наркозависимых когнитивно-оценочный компонент выбора также претерпевает изменения. Отсутствие оснований выбора делает человека неспособным видеть альтернативы, между которыми можно выбирать. Воздействие психоактивных веществ на психику

человека заключается в упрощении внутреннего мира. Снимается неопределенность ситуации за счет привычных, доведенных до автоматизма действий и привычного эффекта вещества. Снижается интенсивность мотивационного конфликта. В процессе формирования зависимости мотивационный конфликт может исчезать вовсе, так как остается один ведущий мотив поведения, а все остальные уходят на второй план, все другие альтернативы теряют значимость.

Таким образом, мы предполагаем, что психологическая профилактика наркомании неэффективна без обращения к сфере ценностных ориентаций личности. Обучение алгоритмам действий в тех или иных ситуациях оказывается бесполезным без развития собственной системы координат. Только наличие системы внутренних оценок себя и своего поведения делает человека устойчивым в ситуации неопределенности, позволяет ему действовать под собственную ответственность. Развитие ценностной сферы в свою очередь возможно только в процессе совершения личностного выбора. Поэтому в основе психопрофилактической работы по всей видимости должно лежать погружение личности в ситуацию неопределенности в условиях относительной безопасности, в которой человек встает перед необходимостью совершения выбора и имеет возможность оценивать его последствия.

В.В.Шпунтова

Виды внутриличностного ценностного конфликта

Исследование осуществляется при поддержке Министерства образования и науки Самарской области (грант № 26 Г 1.5 К)

Внутренний мир человека – это сложная система переработки личностью тех ситуаций, в которые она попадает или намеренно ищет, тех событий, участницей которых она становится, тех влияний, объектом которых оказывается. Все социальные воздействия многозначны и многомерны, качество активного включения личности в ту или иную ситуацию зависит от того, как человек ее опознает, интерпретирует. Важным аксиологическим аспектом изучения культурного поведения индивида является проблема соотношения между декларированными смысловыми универсалиями и ценностями, которые выступают реальной побудительной силой, ибо «всякая общезначимая ценность становится действительно значимой только в индивидуальном контексте» [2, с. 48]. Анализ культурно-исторических механизмов формирования структуры личности, интериоризации изначально внешних по отношению к субъекту нормативно-ценностных регуляторов раскрывает генезис и место ценностей в пространстве внутреннего мира человека [17]; [18]: смысловые универсалии, являясь основой существования личности, принадлежат интрапсихической реальности.

Субъект взаимодействует с индивидуальной системой ценностей в те периоды жизни, когда нравственные ориентиры становятся доступными сознанию вследствие возникающих между ними столкновений. Внутриличностное противоречие представляет собой биполярное явление, которое проявляется в активности конфликтующих сторон: противоборствующих ценностей, нравственных идеалов, норм общества и т.д. Оно является ведущей предпосылкой для актуализации моральных предпочтений индивидуума. Основываясь на этом предположении, а также принимая во внимание нашу гипотезу о том, что конфликт смысловых универсалий способен оказывать не только негативное влияние на человека, но и выступать мощным источником развития и совершенствования индивидуума, рассмотрим типологию ценностных противоречий.

Вслед за Д.А.Леонтьевым [19] будем понимать под ценностными ориентациями осознанные представления субъекта о собственных ценностях. Поверхностный феноменологический анализ позволяет увидеть, что в сознании любого человека наряду с ценностными ориентациями (ЦО) присутствуют и другие ценностные представления. Прежде всего, это ценностные стереотипы (ЦС), возникающие как ожидания, предъявляемые человеку теми или иными социальными группами или обществом в целом и осознаваемые им (в сознании одного человека может отражаться одновременно несколько систем ЦС разных социальных групп). В качестве еще одной категории ценностных представлений можно выделить ценностные идеалы (ЦИ). Смысл данного понятия заключается в том, что человек является не пассивным объектом собственной ценностной регуляции, а субъектом, который способен оценивать собственные ценности и проектировать (экстраполировать) в воображении собственное движение к ценностям, отличающимся от сегодняшних. ЦИ, иерархия которых характеризует ценность для человека самих личностных ценностей в отвлечении от образа своего «Я», выступают как идеальные конечные ориентиры развития ценностей субъекта (в его представлении).

Принимая во внимание классификацию ценностей, предложенную Д.А.Леонтьевым, мы можем описать ценностный конфликт как противоречие, возникающее между ценностными ориентациями (осознаваемые представления человека о собственных ценностях) и ценностными стереотипами; как противоборство между ценностными ориентациями и ценностными идеалами; как столкновение между ценностными стереотипами и ценностными идеалами.

Так, **первый тип** конфликта, представляет собой интериоризированную версию межгруппового конфликта, возникающего между личностью и обществом в том случае, если ценностные представления индивидуума отличаются от моральных норм и предписаний общества, в котором он живет. Или же данное столкновение происходит в результате обнаже-

ния противоречий в ценностных позициях субъекта, представляющего определенную группу, с этическими убеждениями иной социальной группы (семья, референтная группа, трудовой коллектив и т.д.). Таким образом, конфликт между ценностными ориентациями и моральными стереотипами является **перенесенным** во внутренний план из мира социальных отношений.

Мы согласны с А.Менегетти [22] в том, что законы, нормы общества – это воззрения определенной группы, имеющей в данный момент конкретную власть: в культуре рождается и утверждается некий идеал, на который общество в своем развитии ориентируется. Социум порождает уникальные объекты для воспринимающего их субъекта, процесс приобщения к культуре помогает социализации личности, создает условия для ее индивидуализации, способствует выявлению индивидуумом своих возможностей. Однако, чем глубже человек «заглядывает» в культуру, чем больше включается в социум, тем более *личностным* становится он, получая, с одной стороны, социальное качество, социальную роль, позицию, статус, место в общности, а с другой – груз ценностей, свод правил, норм, которым **должен** следовать. В результате подобной социализации мы получаем Личность – обезличенную, выхолощенную, индивидуально пустую, но наполненную социально.

На наш взгляд конфликт первого типа заключается в том, что ценностные ориентации личности вытесняются, подменяются теми ожиданиями, которые общество предъявляет к субъекту. Переживания, сопровождающие подобные ценностные противоречия хорошо описаны в романе Стендаля. Девушка знатной фамилии, Матильда де ля Моль, устав от социальных интриг, безликости кавалеров, обыденной и спокойной жизни, решает влюбиться в помощника своего отца Жюльена Сореля – сына плотника, не лишенного достоинств и честолюбия. Она «осмеливается написать, что любит (сама, *первая!*) человеку, занимавшему самое последнее место в обществе» [29, с. 366].

Матильде пришлось немало бороться с собой, прежде чем она решилась написать это письмо. Из чего бы ни возникла ее склонность к Жюльену, она скоро восторжествовала над ее гордостью, которая, «с тех пор, как она себя помнила, властвовала безраздельно в ее сердце. Эта надменная и холодная душа впервые была охвачена пламенным чувством. Но хотя это чувство и покорило ее гордость, оно сохранило все повадки гордости» [29, с. 364]. Два месяца непрестанной борьбы и новых, никогда не испытанных ощущений преобразили весь душевный склад девушки: «Матильде казалось, что перед нею открывается счастье. Это видение, которое имеет такую безграничную власть над мужественной душой, если она еще к тому же сочетается с высоким умом, долго боролось с чувством собственного достоинства и прочно укоренившимися чувствами про-

писного долга. Однажды в семь часов утра она явилась к своей матери и стала умолять ее уехать в Виллекье. Маркиза даже не соизволила ничего ответить на это, а посоветовала ей лечь в постель и выспаться. Это была последняя попытка прописного житейского благоразумия и уважения к привитым взглядам» [29, с. 364].

Противоречие между моральными стереотипами и ценностными ориентациями наиболее часто встречающийся внутриличностный ценностный конфликт. Длительное время он разворачивается во внутреннем пространстве: человек переживает душевные терзания, пытаясь выбрать один из двух вариантов поведения. В данном случае это – долг, социальное поведение, соответствующее положению, фамилии и – желание Матильды выйти за пределы скучного, однотипного общества. Девушка, выбирая Жюльена, нарушает основной принцип высшего света – она хочет выйти замуж по любви за человека, неравного по социальному статусу. Решившись на этот шаг, она вступает в ценностное противоречие, ибо, для нее одинаково значимы и равны и моральные нормы общества, в котором она живет и которое ожидает от нее соответствующего поведения, и любовь, которая может быть только с таким необычным человеком. В результате Матильда находится «в мучительнейшем состоянии: все чувства, которые она преодолевала в себе, – стыдливость, скромность, столь естественные у порядочной девушки, – снова завладели ею, и это была настоящая пытка...» [29, с. 378].

Матильда терзается, правильно ли она поступает, выбирая любовь? Она слушает Жюльена, который проник к ней в комнату ночью по садовой лестнице и возмущается его победоносным тоном. «Так, значит, он уже господин мой», – говорит она себе. И ее терзает раскаяние: «Рассудок ее восставал против этой неслыханной глупости, которую она допустила. Если бы она только могла, она бы вот хоть сейчас убила и себя и Жюльена. Когда ей усилием воли удавалось на мгновение заглушить эти угрызения совести, чувства застенчивости и оскорбленного целомудрия причиняли ей невыносимые страдания. Никогда у нее даже и мысли не было, что это будет для нее так ужасно... «И все-таки я *должна* заставить себя разговаривать с ним, – говорит она себе, – ведь с возлюбленным *принято* разговаривать». И побуждаемая этим долгом по отношению к самой себе, она с чувством, которое проявлялось, впрочем, только в ее речах, но отнюдь не в голосе, стала рассказывать ему о том, какие противоречивые решения по поводу него она принимала и отменяла в течение этих последних дней...» [29, с. 381-382].

Отдавая предпочтение любви, она превращает свой выбор в должностное, которому следует подчиниться: «После долгих колебаний, которые постороннему наблюдателю могли бы показаться следствием самой несомненной ненависти, – с таким трудом даже твердая воля Ма-

тильды преодолевала естественные женские чувства – стыдливость, гордость, – она, наконец, заставила себя стать его нежной возлюбленной» [29, с. 381–382]. Таким образом, бросая вызов обществу, Матильда подменяет одни моральные стереотипы/ожидания другими, отринув собственные смысловые универсалии.

На наш взгляд А.Менегетти прав в том, что стереотипы надо использовать, а не переживать как высшие цели нашего бытия, ибо все они суть факторы обезличивания индивида: «Истинным объектом любого стереотипа, типа поведения, вида культуры, захватывающих сегодня лучшую часть молодежи, является обезличивание личности» [22].

В современном обществе ценностные стереотипы неустойчивы. Субъект, сталкиваясь с потоком моральных норм, ценностных ожиданий, устоев не успевает выбрать те смысловые универсалии, которым мог бы следовать. Получается, что личность не выбирает ценности – они насаждаются. Осуществляется дезориентация этических норм, моральные рамки сдвигаются в сторону материальных идеалов, все действия индивида, все его «вещи» (автомобиль, дом, счет в банке, социальный имидж и т.д.) направлены на инструментализирование личности. Происходит замена подлинных духовных ценностей и связанных с ними потребностей их внешними социальными символами [7]. Таким образом, реальной ценностью и целью личности становится объект и остается, очевидно, отклоненной вся установка субъективности [22]. Логика обмена ценностями теперь не действует. Современный молодой человек не хочет жить и заниматься поиском и разбором беспокоящих его изъянов; он низводит себя до такой посредственности, что нападает на систему, вместо того, чтобы изучить ее, впитать ее силу и затем изменить. В силу вступает логика отказа от ценности и смысла: «Личность занимает позицию самоубийцы: именно разрушая ценность (свою ценность!), именно уничтожая смысл (свой смысл!), она вынуждает другого реагировать всякий раз неадекватно, всякий раз чрезмерно. Вызов всегда исходит от того, что не имеет ни смысла, ни имени, ни идентичности, и он всегда брошен тому, что за ним содержится – это вызов смыслу... истине, самой их способности существовать, самому их стремлению к существованию» [4, с. 76-77].

Сказанное, однако, не означает, что человечество идет к катастрофе – в личности есть некая точка опоры, позволяющая ей встать в независимую позицию по отношению к внешнему миру и всем его требованиям. Эту точку опоры образуют личностные ценности. При отсутствии должной правовой оснащенности общества и моральных норм в общественном сознании они начинают компенсироваться на уровне индивидуального сознания. Это, в свою очередь, означает возрастание числа внутриличностных ценностных противоречий, так как нравственные кодексы разных людей значительно различаются. Личностный уровень становится своеобраз-

разным эпицентром нравственно-ценностных, социально-ценностных проблем и индивидуум оказывается перед лицом ответственности за свои решения, реальная степень развития его ответственности может не всегда соответствовать и не всегда обеспечивать возможность принятия этих решений [1, с. 88].

Эффективное разрешение данного типа конфликта заключается в приспособлении системе при одновременном и постоянном самосовершенствовании, непрерывном движении вперед: человек ищет смысл, обращаясь к социуму, участвует в процессе непрерывного творения мира [21], преломляя окружающую действительность, переоткрывая мир заново. Его активность – это вечный выбор, балансирование между двумя противоположными полюсами длиной в жизнь (остановка знаменует стагнацию, а она – предвестница смерти).

Второй вид противоречий затрагивает ценностные идеалы (Я-идеальное) и смысловые универсалии, транслируемые социальной группой. В зависимости от значимости группы личность может подменить собственную иерархию ценностей нормами и стереотипами, которые являются ведущими в данной общности и позволяют быть эффективными, успешными в социуме. Поступая таким образом, субъект отказывается от авторства смысловых универсалий и собственной жизни в целом, превращаясь в *das Man* (безличных людей – М.Хайдеггер), которые поступают «как все», теряя внутреннюю себе-тождественность.

Для того чтобы продемонстрировать данный тип ценностного конфликта обратимся к фигуре главного героя романа Стендаля Красное и черное: «[Жюльен] пребывал... в том состоянии искреннего изумления и смутной растерянности, которые овладевают душой, когда она, наконец, достигла того, к чему так долго стремилась. Она привыкла желать, но теперь уже нечего, а воспоминаний у нее еще нет... Жюльен тщательно перебирал в памяти все подробности своего поведения. «Не упустил ли я чего-нибудь из того, что мне повелевает мой долг? Хорошо ли я сыграл свою роль?» [29, с. 99]. Стендаль описывает переживания молодого человека, который понимает, что должен слиться с ролью, отождествиться с теми представлениями, которые социум предъявляет ему. Все его мысли сосредоточены на том, как его оценивают окружающие, что думает о нем Свет, хорошо ли он выглядит в той социальной роли, которую «примерил»: «Жюльен обнял и поцеловал Матильду, но в тот же миг железная рука долга стиснула его сердце. «Если она только увидит, как я люблю ее, я потеряю ее». И прежде чем высвободиться из ее объятий, он постарался принять вид, достойный мужчины» [29, с. 472]. Таким образом, перед нами человек, который отказывается от ценностных идеалов. Он подменяет их моральными стереотипами общества и, прячась под маской социальной роли, отрекается от активности, индивидуальности.

Приобретая социальное «Я» – Персону (по К.Г.Юнгу), человек становится тем «чего в действительности вовсе и нет, но о чем ее представитель, равно как и другие люди, думает как о существующем» [11, с. 164]. Роль – это компромисс между индивидом и обществом по поводу того, «кто кем является». Этот «кто-то» носит имя, получает титул, представляет должность и является тем-то и тем-то, но реальный человек, автор собственной жизни, субъект активности не тождественен этому «кто-то». Построение Персоны, пригодной коллективным представлениям, означает внутреннее самопожертвование, в свою очередь принуждающее «Я» к отождествлению с Персоной. И довольно часто нам встречаются люди, искренне думающие, будто являются теми, кем себя представляют. Например, Эндерлин – главный герой романа М.Фриша, решил стать Гантенбайном – человеком, потерявшим зрение, в надежде, что «перед слепым люди не станут особенно маскироваться, благодаря чему сложатся более реальные отношения с ними, поскольку с их ложью тоже надо будет считаться» [32, с. 240].

Персона действительно переживается как индивидуальность на этапе, предшествующем отделению себя от Эго. Однако, по мнению К.Г.Юнга, очень мало индивидуального в том, что она воспринимается, с одной стороны, как социальная идентичность, а с другой – в качестве идеального образа. Среди последствий отождествления с социальной ролью наблюдается утрата индивидуального взгляда на самого себя, реакции такого человека предопределены коллективными ожиданиями (мы чувствуем, думаем и поступаем так, как «должна» чувствовать, думать и поступать наша Персона): «Один человек, посол одной великой державы, вдруг упал у себя на даче, но это, как выясняется, не инфаркт, а лишь понимание, что с ним стряслось... Он понял, что он никакое не “ваше превосходительство”, хотя так его величает свет на приемах под люстрами. В силу занимаемой должности его приходится принимать всерьез хотя бы до тех пор, пока он ее занимает, пока он именем своей великой державы и ввиду своего титула обязан принимать себя всерьез. Как так обязан? Письмо... лежит наготове – заявление об отставке... Но он не уходит в отставку. Он выбирает большее: роль. Его самопознание остается его тайной. Он исполняет свою должность. Он даже добивается повышения и исполняет свою должность без подмигиванья. Какого он отныне о себе мнения, мира не касается. Он по-прежнему... играет... посла, зная, что он играет, и не лишает окружающих, которые верят, что он занимает свое место по праву, их веры, которая полезна. Достаточно того, что не верит он сам... Он справляется со своей ролью... Он знает: кто не может молчать, хочет, чтобы его узнали в величии его самопознания, которое никакое не самопознание, если оно не может молчать, и... он делает вид, что верит, будто он и есть "ваше превосходительство", и отказывает себе в какой бы то ни было задушевности

с людьми, особенно с друзьями, которые оценивают его так же, как он себя сам. Благодаря его персоне, которую он играет, некий город избегает разрушительной бомбежки с воздуха, и его имя войдет в историю, он это знает, но не посмеивается, его имя будет высечено на мраморе, когда он умрет, как название улицы или площади, – и вот он умирает...» [32, с. 311-312].

И.С.Кон [14], [15], И.Н.Михеева [23], В.В.Столин [30] и ряд других отечественных психологов рассматривают конфликт между субстанциональным (подлинным) «Я» и «маской», понимая под последней не просто кусок раскрашенной бумаги или папье-маше [14], а определенную модель, тип поведения в социуме. Человек выбирает ее не совсем произвольно, «маска» компенсирует то, чего не хватает индивидууму, выступая как некая отрицательная сила, почти всегда побеждающая. Действуя в качестве адаптивного механизма, она поначалу помогает человеку приспособиться к каким-либо жизненным обстоятельствам, под ее влиянием образ поведения субъекта обретает устойчивые черты. Однако, в дальнейшем «маска» может оказаться сильнее не только потому, что содержит в себе некие социальные императивы, она как психологическая сила, обуславливающая реальные действия, в этом смысле является подлинной, тогда как то, что человек считает своим истинным Я, может носить иллюзорный характер. Так, один человек воображал, что он совершенно невезучий (выдумка, будто ты неудачник, одна из самых ходовых, потому что она удобна). Его жалели, а он стойко переносил невзгоды, пока не случилось чудо: «Это был настоящий удар для него, когда он выиграл большую сумму. Это было напечатано в газете, так что он не мог этого отрицать. Когда его встретили на улице, он был бледен, вне себя, сомнение вызывало у него не его выдумка, будто он неудачник, а лотерея, да что там, сомнение вызывало у него весь мир вообще. Было не до смеха, его пришлось прямо-таки утешать. Безуспешно. Он не мог взять в толк, что он не неудачник и был в таком расстройстве, что по дороге из банка действительно потерял бумажник. И я думаю, так ему было лучше, а то ему, бедняге, пришлось бы придумывать себе какое-то другое «я», – это, понятно, поразительней, чем потеря битком набитого бумажника, ему пришлось бы отказаться от всей истории своей жизни, пережить все случившееся с ним еще раз, и притом иначе, поскольку оно больше не подходило бы к его «я» [32, с. 247].

Конфликт «маски» и субстанционального «Я» представляется нам интересным, так как способствует выявлению моральных ориентиров индивидуума. Данная дилемма лежит в основе последующих изменений и нарушений в структуре личности: привычный стиль поведения, мысли, потребности расходятся с нравственными идеалами, жизненными смыслами индивидуума. Стараясь контролировать сознание, «Я» исключает из него определенный опыт, который касается самого человека. В результате

происходит диссоциация стремлений личности, не вписывающихся в одобряемую структуру «Я». Страх потерять внутреннее равновесие, столкнуться с психологическим дискомфортом и необходимостью переоценки имеющихся смысловых универсалий, приостанавливает развитие индивидуума, запускает защитные механизмы блокировки конфликта на бессознательном уровне, подавляет проявления ценностного противоречия, тем самым, обрекая личность на вынужденный самообман [23]. Чтобы сдерживать внутренние разногласия, человек начинает лгать себе, прятаться за фальшивое «Я», увеличивая пропасть между аутентичным «Я», делая ее более глубокой и непреодолимой: «Став уверенней благодаря опыту слепого, Гантенбайн будет смело появляться в любой компании; он будет стоять в темных очках в какой-нибудь вилле и будет беседовать с каким-нибудь швейцарским полковником, которого спутает с одним знакомым спекулянтom. Слепому это нельзя ставить в вину... Гантенбайн всегда будет допускать оплошности, чтобы доказать, что он слепой. Его будут усаживать за стол, чтобы разъяснить ему во время застольных разговоров, что пожелали увидеть господу и чего, наоборот, не пожелали. Мир ему будут представлять таким, каков он в газетах, и, притворяясь, будто он верит этому, Гантенбайн сделает карьеру. Недостаток способностей может его не заботить; миру как раз и нужны такие люди, как Гантенбайн... Отказываться от своих взглядов или хотя бы изменять их только потому, что он видит вещи, которые опровергают его взгляды, Гантенбайн будет опасаться, чтобы не выйти из своей роли. Он ... везде будет присутствовать, опираясь на свою черную палочку, чтобы не споткнуться, и, поскольку известно уже, что Гантенбайн не видит того, что разыгрывают у него на глазах, везде будут рады выслушать его мнение» [32, с. 231].

Человеку тяжело отказаться от роли, ибо «маска» не просто заменяет настоящее лицо – она дает индивидууму фантастические привилегии в преодолении любой запретной ограды, открывает перед ним все двери; она делает взаимоотношения между людьми более универсальными, менее индивидуальными, чем когда лицо открыто. Получается, что прятаться за социальную роль удобно: в ответ на любое действие есть определенная реакция, общественно приемлемый способ поведения. Однако за стереотипами теряется индивидуальность, и временами кажется, что за маской нет человека: «Женщина испугалась, слишком быстро, слишком резко оторвалась от себя, так что лицо осталось в ладонях. Я видел, оно там лежало, пустой оболочкой. Мне стоило невероятных усилий удерживать взгляд на этих ладонях и не смотреть на то, от чего они оторвались. Страшно было смотреть на лицо с изнанки, но еще больше я боялся голой, ободранной головы без лица» [28]. Мы полагаем, что, несмотря на «удобство» роли, человек не может безнаказанно отделаться от самого себя в пользу искусственной личности. Уже только попытка этого обыкновено

вызывает бессознательные реакции, настроения, аффекты, фобии, навязчивые представления, слабости, пороки и т.д. [11, с. 165]. Истинное «Я» всплывает, напоминает о себе: «Лекция, которую Эндерлин должен прочитать в Гарварде, у него есть. И ему нужно только положить ее в чемодан. Но он не может. Убедительны не заслуги, убедительна роль, которую ты играешь. Вот что чувствует Эндерлин, вот что его пугает. Заболеть, чтобы не поехать в Гарвард, было бы проще всего. Эндерлин не может играть роль...» [32, с. 210]. Положить конец самообману субъект может, лишь увидев свое истинное лицо; однако и в этом случае неизвестно, наступит ли нравственное возрождения личности. Как справедливо заметил Жиль Делёз: «...за масками есть еще маски, и самое тайное – еще один тайник, и так до бесконечности. Снять маску с чего-либо или кого-либо – лишь иллюзия...» [10, с. 136]. Дело в том, что у маски два смысла: маскировка и смещение, «затрагивающее символический виртуальный объект в его ряду. Таково смещение, совмещающее глаза замаскированного и рот маски или позволяющее увидеть лицо носителя лишь как тело без головы, несмотря на то, что голова, в свою очередь, вырисовывается на этом теле» [10, с. 136]. Маска – это злая игра, в которой то, чего ждешь от лица, и то, что видишь, меняются местами. Это один из способов укрыться от людей – стирая лицо, субъект стирает душу. Наверно, именно поэтому в давние времена палачи, инквизиторы, жрецы, священники тайных орденов, разбойники не могли обойтись без маски, она была им совершенно необходима. Маска имела не только негативное назначение – просто скрыть лицо, но, несомненно, и гораздо более позитивную цель – скрыв облик человека, разорвать связь между лицом и сердцем, освободить его от духовных уз, соединяющих с людьми.

Вышеизложенные противоречия затрагивают поведенческую и эмоционально-волевую сферы личности, упуская при этом внутреннюю динамику конфликта. На наш взгляд, описываемый тип внутриличностного противоречия включает в себя противоборство «маски» и подлинного «Я», как один из возможных способов объяснения происходящих изменений в структуре личности. Трансформация, возникающая во внутреннем мире субъекта, остается без внимания: существующий феномен «фальшивое Я» длительное время оказывается скрытым от индивидуума, ибо человек переживает данный ценностный конфликт на бессознательном уровне. Отдавая предпочтение «Я»-реальному, или прячась за «маской», личность имеет возможность находиться попеременно то в одной, то в другой «области». Причем, если субъект выбирает субстанциональное «Я», «маска» становится фальшивой, а если человек предпочитает «маску», ложный смысл приобретает «Я»-истинное: «Я повернулся на каблуках – я не хотел быть тем «я», что переживает мои истории, истории, которые я могу представить себе, – я повернулся на каблуках, чтобы отделиться, отделиться

как можно быстрее, от незнакомого господина» [32, с. 261]. В результате получается, что «настоящее лицо – не что иное, как модель несовершенной маски» (Кобо Абэ), субъект окончательно запутывается в собственной системе ценностей и не имеет возможности сознательно разрешить конфликт. Внутриличностное противоречие плавно перетекает в кризис, либо, следуя по деструктивному пути, приводит к негативным последствиям [13], [20], [33].

Ценностный конфликт второго вида может быть разрешен позитивно: человек совершает выбор в пользу собственной активности, творчества, отвергая при этом этические стереотипы, моральные предписания общества как единственно верные. Он противопоставляет себя социуму, отделяется от него, выбирая индивидуальность и одиночество.

Наконец, **третий тип** противоборства смысловых универсалий возникает между ценностными ориентациями и нравственными идеалами. Он является самым сложным, ибо лежит глубоко, затрагивая факторы, являющиеся неотделимой, неизбежной составляющей бытия человека в мире. Данное противоречие истинно внутриличностное и протекает в основном на неосознаваемом уровне. Ценностные идеалы выступают конечными ориентирами человеческого существования. Имея их, субъект проявляет активность, выступает творцом собственной жизни, придавая ей значение, осмысливая действия, поступки, поведение в целом, исходя из имеющейся системы ценностных ориентиров. Таким образом, ценностные идеалы и ценностные ориентации оказываются тесно связанными, взаимовлияемыми образованиями, которые, тем не менее, могут вступить в противоборство.

Мы рассмотрим три варианта протекания данного вида внутриличностного конфликта. В первом случае противоречие возникает вследствие понимания человеком того, что ценностных идеалов как таковых нет: все, к чему субъект стремился, чего желал достичь – фикция, красиво созданный образ, фантазия, возникшая под влиянием общественных ожиданий, норм, которых придерживаются родители, друзья, политические деятели, референтная группа и т. д. Например, жизнь главного героя романа Ч.Паланика [26] заключалась в том, чтобы следовать предписаниям отца, который, не получив высшего образования, считал крайне важным определить сына учиться. Окончив колледж, Джек позвонил в другой город и спросил: «Папа, что мне делать дальше?». Отец не нашелся, что ответить. Затем Джек устроился на работу, и когда ему исполнилось двадцать пять, вновь набрал номер другого города и спросил – а что дальше? Отец не знал и потому сказал: «Женись...». Сам Джек не является автором собственной судьбы, в его жизни нет активности, нет идеалов, к которым следует стремиться: «Мне тридцать лет, но я по-прежнему мальчик», – говорит он [26, С.79]. Понимая, что в жизни нет места конечным ориентирам,

индивидуум превращается в функционера, простого потребителя, которому нечего терять: «Даже смерть начинает казаться такой же ненастоящей, как искусственные пластиковые цветы, стоящие на видеомagneтoфoнe» [26, с. 28-29].

Отсутствие нравственных идеалов заставляет личность пересмотреть иерархию ценностей: в надежде построить новую систему смыслов, субъект отбрасывает имеющиеся моральные нормы. Однако человек-функционер не может породить новые смысловые универсалии, так как не владеет конечными ориентирами и не является творцом собственной жизни. Неизбежным следствием таких преобразований становится ситуация ценностной девальвации: обесценивается семья, возраст, пол, профессия, цвет глаз, форма носа. Сталкиваясь с бессмысленностью существования, человек практически всегда выбирает деструктивный путь разрешения внутриличностного конфликта: он ищет виновника, подавляя свою враждебность и приписывая ее окружающему миру. Индивидуум пытается наказать, разрушить «обидчика» – отца, родственника, начальника, друга, общество. Так, главный герой романа «Бойцовский клуб» стремится уничтожить цивилизацию. Причем данное желание запрятано где-то в глубинах бессознательного Джека, это становится ясно, потому что идея создания «Проекта Разгром» принадлежит Тайлеру Дердену – альтер-эго Джека, его темной, скрытой стороне. Он мечтает привести общество к такому состоянию, когда не важными станут этикетки на одежде, предметы быта, марка машины и т.д. Цель «Проекта Разгром» – устроить «ледниковый период для культуры»: отринуть нормы, приоритеты, ценности, традиции – все то, что так долго угнетало Джека, все к чему он стремился. Вытесняя собственную агрессивность, субъект проецирует ее на других людей, что ведет, согласно К.Хорни [35] к резкому росту тревоги по двум причинам: 1) восприятие окружающего мира как опасного, 2) восприятие себя как неспособного этой опасности противостоять. Получается, что задача человека-функционера состоит в том, чтобы спасти мир, уничтожив его, подарить себе свободу, отказавшись от «Я». Разрушая ценностные идеалы и смысловые ориентиры общества, индивидуум приходит к той точке отсчета, в которой «всё начиналось», иными словами, он получает шанс построить мир заново, переписать историю.

Человек без ценностных идеалов не имеет смысла жизни. Вспомним В.Франкла: «Узник, терявший веру в будущее, сам себе подписывал смертный приговор... он утрачивал свой духовный стержень; он ломался и деградировал физически и психически» [31, с. 170]. Осознавая никчемность, бесполезность собственной жизни, личность попадает в глубокий экзистенциальный кризис, выбраться из которого очень сложно. Индивидуум теряет способность адаптироваться к миру, утрачивает активную роль в социальном процессе. Человек становится совершенно конформ-

ным существом, привыкая к тому, что поведение, поступок, мысль и даже чувство, отклоняющееся от стандарта, будет иметь для него отрицательные последствия. В итоге субъект становится результативным лишь в том, что от него ожидают [34], он постепенно отделяется от общества. Исчерпывающее описание изолированности человека можно найти в романе Х.Мураками «Дэнс, дэнс, дэнс» [24]: «Я провалился в тишину, беспробудней которой не слышал с рождения. Жутким духом отсутствия всякой жизни пропитало мою квартиру. Полгода провел я здесь, скрываясь от мира. Если не считать редких вылазок за покупками... днем наружу не выходил. Только перед рассветом выбирался из дома и шатался по безлюдным улицам. С появлением первых прохожих возвращался домой и ложился спать. Ближе к вечеру просыпался, сооружал себе простенький ужин, ел, кормил консервами кошку. А после ужина садился на пол в углу... И так до заката. А потом – опять выбирался из дома и бродил по омертвевшему городу...» [24, с. 26]. Внешнее по отношению к индивиду бытие выступает для него как безличное, сминающее и деформирующее начало. Герой Х.Мураками – бесконечно одинокий человек, который через осознание (утверждение!) собственного одиночества приближается к себе. Вдали от людей, личность переосмысливает собственный опыт, ищет в себе силы для продолжения существования. Отбрасывая все «обманы» любви, общности и коллективной солидарности, он наделяется правом черпать из себя (и своего одиночества) основания собственного существования. Посредством этих ценностных ориентиров аутентичный человек способен актуализировать свое бытие. Строго говоря, для того, чтобы найти выход из ценностного противоречия личность должна выбрать цель, стремясь к которой она сможет опереться на себя, ибо «все, что есть у нас – это мы сами» [6, с. 81]. Индивидууму необходимо постичь себя и из полученного знания вынести смысл и внести его в мир. Без осознания внутренней ценности человека нет значимых отношений, индивидуальности, ориентиров в окружающей действительности. Ф. Ницше писал: «Человек есть смысл и мера ценности» и для того, чтобы удостовериться в этом, субъект должен обрести веру в себя как в *единственного создателя* смысловых универсалий. Это будет конструктивный выход из данного типа ценностного конфликта.

Второй вариант внутриличностного противоречия между моральными ориентирами и ценностными идеалами будет заключаться в тотальном превалировании последних в жизни индивидуума. Выступая главными личностными опорами, смысловые универсалии оказываются вытесненными либо подавленными. Человек, столкнувшись с подобным внутриличностным противоречием, предается мечтаниям, переносится в будущее. Не имея возможности оставаться самим собой и сохранять свою позицию как ценностную при резких изменениях действительности, инди-

видуум оказывается не в состоянии осмыслять мир. Он стремится отгородиться от окружающей реальности: настоящая жизнь его не интересует; идеи, фантазии увлекают личность: «У всякого ... свой задор: у одного задор обратился на борзых собак; другому кажется, что он сильный любитель музыки... третий мастер лихо пообедать; четвертый сыграть роль хоть одним вершком повыше той, которая ему назначена; пятый, с желанием более ограниченным, спит и грезит о том, как бы пройтись на гулянье с флигель-адъютантом, – словом, у всякого есть свое, но у Манилова ничего не было. Дома он говорил очень мало и большею частию размышлял и думал, но о чем он думал, тоже разве богу было известно» [8].

Мы полагаем, что образ помещика Манилова в романе Н.В.Гоголя «Мертвые души» [8] ярко демонстрирует все изменения, происходящие в человеке, который переживает ценностное противоречие: он утратил собственную идентичность («Один бог разве мог знать, какой был характер Манилова...») и далее «Черт знает что такое [Манилов]!»), его внутренняя определенность размыта, жизненная позиция ненадежна, ценностные ориентации потеряли психологический смысл. Все свободное время помещик проводит в беседке с надписью «Храм уединенного размышления», где ему приходят в голову разные фантастические проекты, например, провести подземный ход от дома или выстроить через пруд каменный мост, а между тем ключница ворует, слуги спят и повесничают. Манилов, погруженный в заманчивые размышления, никогда не выезжает на поля, в то время как мужики пьянствуют, у сереньких изб Маниловки ни одного деревца — «только одно бревно»; хозяйство идет как-то само собой. Настоящее помещика бессодержательно, нереально: ко дню рождения готовятся сюрпризы (бисерный чехольчик на зубочистку), приносятся кусочки яблочка, или конфетка для того, чтобы положить их «душеньке в ротик» и это притом, что в доме есть много других занятий, в которых следовало бы разобраться. Зачем, например, «глупо и без толку готовится на кухне? Зачем довольно пусто в кладовой? Зачем нечистоplotны и пьяницы слуги? Но все это предметы низкие» [8], и Манилов вряд ли обратит на них свое внимание. Вещи, окружающие его, свидетельствуют о неприспособленности, оторванности от жизни, о безразличии к реальности: в картузах, табачнице рассыпан пепел, горки выбитой из трубки золы аккуратно расставлены на столе и окнах, что составляет досуг помещика, все оставшееся время он устремлен в будущее. Такой человек не сможет принять мир при возрастании его противоречивости, ибо сам не обладает цельностью, устойчивостью внутренней позиции. Манилов фактически утрачивает свое существование и в этой степени становится несостоятельным; скатываясь в механическое пребывание, убегая в будущее, он рискует подлинностью своей жизни.

По мнению К.А.Абульхановой [1] жизненный путь личности является ценностным образованием, процессом, который создается и осуществляется в порядке объективации, самовыражения. Социальные отношения человека, перспективы, индивидуальная позиция существуют и воспроизводятся личностью, поскольку имеют ценность для субъекта. Выходит, что смысловые универсалии не возникают автоматически, а появляются благодаря утверждению человеком собственного бытия. Индивидуум стремится воплотить себя в мире, в чем-то непреходящем, общественно значимом. Эта основная потребность развития выражается, по крайней мере, в трех отношениях: в стремлении расширить границы индивидуального бытия и своей конечности, в стремлении объективировать себя в формах, неподвластных течению времени, наконец, в стремлении сделать собственную жизнь более интенсивной в настоящем. Мы видим, что Манилов не переживает свое существование как ценное, он теряет настоящее и бытие в целом по собственному выбору. Это его цена за нежелание разрешать внутриличностный конфликт.

Не будет преувеличением сказать, что человеку необходимо наличие целостного образа будущего, который поддерживается и живет в нем. Индивидуум верит, что, несмотря на колебания, ослабление воли или разумные доводы, призывающие повременить или вовсе прекратить деятельность, конечные ориентиры обогатят существование, придадут значение всей жизни человека. Исходя из этого, нетрудно смоделировать ситуацию, в которой ценностные идеалы окажутся заблокированными. Сталкиваясь с подобным противоречием, субъект переключается на имеющиеся смысловые универсалии, отказываясь и обесценивая конечные ориентиры. Интересующие нас внутриличностные изменения иллюстрирует И.А.Крылов [16]:

Голодная кума Лиса залезла в сад;
В нем винограду кисти рделись...
Лишь то беда, висят они высоко...
Пробившись попусту час целой,
Пошла и говорит с досадою: “Ну, что ж!
На взгляд-то он хорош,
Да зелен — ягодки нет зрелой:
Тотчас оскомину набьешь”.

Неразрешенное противоречие смысловых универсалий приводит к тому, что личность подавляет/вытесняет ценностный конфликт, порождая фрустрацию, тревогу [25], [35], чувство «подвешенности» [3], которые в результате своего действия усиливают ощущение беспомощности [30], психологического дискомфорта [27], парализует активность субъекта. Таким образом, существующее противоречие ценностей приобретает еще

большую масштабность, глубину, затрудняя поиск конструктивных способов выхода из конфликтной ситуации.

В другом случае личность постарается воплотить, реализовать нравственные идеалы; она приложит максимум усилий, выйдет за рамки существующих возможностей, превзойдет самое себя и, как полагает Б.С. Братусь [5] «возрастет настолько, что отбросится, “снимется” как отслужившее, усвоенное» [5, с. 12]. И это понятно: на определенном этапе человек перерастает себя, устремляясь на новый уровень развития. Посредством движения через вызывающий страх, беспомощность, тревогу опыт, человек самореализуется, расширяет сферу своей деятельности, сознания, обретает свободу, становится более ответственным. Следует констатировать, что одним из показателей зрелой личности является способность адекватно понимать проявления ценностного конфликта.

Наконец, если преграда окажется столь сильной и человек не справится с «тяжестью бытия» (М.Кундера), которое буквально наваливается на индивидуума, то личность оказывается обездвиженной, пассивной. Как например Илья Ильич Обломов (И.А.Гончаров «Обломов»), который «почти всегда дома, – он все лежал, и все постоянно в одной комнате... Лежанье ... не было ни необходимостью, как у больного или как у человека, который хочет спать, ни случайностью, как у того, кто устал, ни наслаждением, как у лентяя: это было его нормальным состоянием...» [9, с. 4]. Индивидуум протирает спину и бока, ворочаясь от хлопот, мучается намерениями, прокручивает в голове планы, строит перспективы. Однако в действительности эти устремления не реализовываются: “Тебе, кажется, и жить-то лень? – спрашивает Штольц лежащего Обломова, – А что, ведь и то правда: лень, Андрей”, – соглашается Илья Ильич. Интерпретируя вышеизложенное можно прийти к выводу о том, что существует третий вариант внутриличностного противоречия, который заключается в неспособности человека достичь конечных ориентиров, представленных в сознании субъекта, встроенных в систему его мироощущения.

Динамику протекания конфликта между ценностными ориентациями и моральными идеалами мы рассмотрим на примере жизни главного героя романа И.А. Гончарова – Обломова. Сама фамилия помещика имеет общий корень со старорусским словом “обло” – круг, колесо [12]. Именно круг ассоциируется с Ильёй Ильичом. Жизнь его идёт по замкнутому циклу без заметного поступательного продвижения, и, в конце концов, возвращается на круги своя – на Выборгскую сторону, в “петербургскую Обломовку”. Круг – фигура без углов, ни за что не цепляющаяся, это – нечто целостное, сформированное, как и характер Обломова.

Мы знаем, что внутренний мир человека так же, как и личность в целом, обладает определенной тенденцией к стабильности. Периоды резких переломов связаны, как правило, с жизненными потрясениями и кризисами, они изменяют сознание через решение жизненных задач, преодоление противоречий, и непосредственно через переоценку ценностей как таковую. Именно во время таких душевных переживаний мы застаем Обломова: «Он чем-то сильно озабочен. На лице у него попеременно выступал не то страх, не то тоска и досада. Видно было, что его одолевала внутренняя борьба, а ум еще не являлся на помощь» [8, с. 6]. Обломов думает, углубляется в сравнение себя с ‘другим’: «Другой, другой... Что же это такое другой?». Страшно стало Илье Ильичу, когда вдруг в душе его возникло живое и ясное представление о человеческой судьбе и назначении, и когда мелькнула параллель между этим назначением и собственной его жизнью, когда в голове просыпались, один за другим, и беспорядочно, пугливо носились, как птицы, пробужденные внезапным лучом солнца в дремлющей развалине, разные жизненные вопросы. Ему стало грустно и больно за свою неразвитость остановку в росте нравственных сил, за тяжесть, мешающую всему; и зависть грызла его, что другие так полно и широко живут, а у него как будто тяжелый камень брошен на узкой и жалкой тропе его существования: «Ведь и я бы мог все это... ведь я умею... Куда же все это делось?». В робкой душе Обломова вырабатывалось мучительное сознание, что многие стороны его натуры не пробуждались совсем, другие были чуть-чуть тронуты, и ни одна не разработана до конца. Он болезненно чувствовал, что в нем зарыто, как в могиле, какое-то хорошее, светлое начало, может быть теперь уже умершее, или лежит оно, как золото в недрах горы... Глубоко и тяжело завален клад дрянью, наносным сором. Кто-то будто украл и закопал в собственной его душе принесенные ему в дар миром и жизнью сокровища. Что-то помешало ему ринуться на поприще жизни и лететь по нему на всех парусах ума и воли. Какой-то тайный враг наложил на него тяжелую руку в начале пути и далеко отбросил от прямого человеческого назначения» [8, с. 100-102].

События его жизни уменьшились до микроскопических размеров, но и с ними герой не может справиться: Обломов не переходит от одного к другому, а «перебрасывается ими, как с волны на волну; он не в силах одному противопоставить упругость воли или увлечься разумом вслед за другим...». «И уж не выбраться ему, кажется, из глуши и дичи на прямую тропинку. Лес кругом его и в душе все чаще и темнее; тропинка зарастает более и более; светлое сознание просыпается все реже и только на мгновение будит спящие силы. Ум и воля давно парализованы и, кажется, безвозвратно: «‘Другой’ и халата никогда не надевает, ‘другой’... почти не спит... ‘другой’ тешится жизнью, везде бывает, все видит, до всего ему

дело... А я! я... не 'другой'!" – уже с грустью сказал он и впал в глубокую думу. Он даже высвободил голову из-под одеяла.

Настала одна из ясных, сознательных минут в жизни Обломова: "Отчего же это я такой? – почти со слезами спросил себя Обломов и спрятал опять голову под одеяло, – право?".

Горько становилось ему от этой тайной исповеди перед самим собою. Бесплодные сожаления о минувшем, жгучие упреки совести язвили его, как иглы, и он всеми силами старался свергнуть с себя бремя этих упреков, найти виноватого вне себя и на него обратить жало их. Но на кого? Поискав бесполезно враждебного начала, мешающего ему жить, как следует, как живут "другие", он вздохнул, закрыл глаза, и через несколько минут дремота опять начала понемногу оковывать его чувства. – И я бы тоже... хотел... – говорил он, мигая с трудом, – что-нибудь такое... Разве природа уж так обидела меня... Да нет, слава богу... жаловаться нельзя... За этим послышался примирительный вздох. Он переходил от волнения к нормальному своему состоянию, спокойствию и апатии. – Видно, уж так судьба... Что ж мне тут делать?... – едва шептал он, одолеваемый сном...» [8, с. 100-103].

Это недовольство собой, своей внутренней значимостью, проявляется в чувстве скуки, от которой пытается избавиться герой. Индивидуум испытывает отвращение к рутине и однообразию повседневной жизни, он старается забыть о заботах и о пустоте существования: «Скука, скука, скука!.. Где же тут человек? Где его целость? Куда он скрылся, как разменялся на всякую мелочь?» [8, с. 183]. Формальное включение личности в социальные структуры, которые не отвечают ее намерениям, ценностям, а также отсутствие полноты самовыражения, неприсвоенность общественных форм жизни ведут Обломова к падению удовлетворенности и активности, к обесцениванию смыслов жизни. Получается, что с одной стороны, Илья Ильич – гармоничная личность, он инстинктивно чувствует смысл бытия и живёт согласно своему ощущению высшей истины: чертит узор собственной жизни, находя в ней «столько премудрости и поэзии, что и не исчерпаешь никогда без книг и учености» [8, с. 66]; отделившись от дел, он решает задачу существования, вдумывается в свое назначение, понимая, что «горизонт его деятельности и житья-бытья кроется в нем самом» [8, с. 66]. Однако, с другой стороны, в его жизни отсутствует активность – ценностный способ моделирования, структурирования и осуществления личности, деятельности, общения и поведения.

Превратившись в наблюдателя, человек выключается из социальной жизни. Обнаруживая ценности, которые ставят под сомнение его систему ориентаций, герой И.А.Гончарова воспринимает их как угрозу своему существованию: он отвергает смысловые универсалии, пытаясь дать рациональное толкование, чтобы объяснить свое неприятие:

«[Судьбинский – друг Обломова] работает с двенадцати до пяти в канцелярии, с восьми до двенадцати дома – он слеп, глух, и нем для всего остального в мире... это называется карьерой!.. выйдет в люди, будет... ворочать делами, чинов нахватает... А как мало тут человека-то нужно: ума его, воли, чувства – зачем это? Роскошь! И проживет свой век, и не пошевелится в нем многое, многое...» [8, с. 24-25]. Обломов не такой, он «не мелкий исполнитель чужой, готовой мысли», а «творец и исполнитель своих идей» [8, с. 67], он любит жить в созданном мире, воображать себя непобедимым полководцем, великим художником, мыслителем. И пусть фигура его находится в статическом состоянии, внутренний мир изображён в динамике: «Мысль гуляла вольной птицей по лицу, порхала в глазах, садилась на полуотворенные губы...»; «взгляд помрачался»; «душа светилась в глазах»; «на лицо набегала туча заботы, взгляд туманился». Как видно, душа героя отнюдь не неподвижна, её повороты богаты и разнообразны; но все движения внутреннего мира как бы размыты, всюду подчёркнуто «отсутствие всякой определённой идеи». Система ценностей Обломова смещена в будущее, она не позволяет адекватно приспособиться к обществу, ибо в ней отсутствует стадия делания. Образно говоря, между реальной жизнью и конечными ориентирами существования Ильи Ильича существует зазор, в котором «исчезает» активность.

Обломов стремится достичь конечных ориентиров, он пытается разрешить внутриличностный ценностный конфликт. Однако его попытка оказывается неудачной – в конце романа герой приходит к началу своего пути: Илье Ильичу кажется, что он «переживает в другой раз когда-то и где-то прожитой момент... Его осеняет какая-то бывшая уже где-то тишина, качается знакомый маятник, слышится треск откушенной нитки... Грезится ему, что он достиг той обетованной земли, где текут реки меду и молока, где едят незаработанный хлеб, ходят в золоте и серебре... И видится ему большая темная, освещенная сальной свечкой гостиная в родительском доме, сидящая за круглым столом покойная мать и ее гости: они шьют молча; отец ходит молча. Настоящее и прошлое слились и перемешались» [8, с. 513]. Получается, что жизнь Обломова – это череда однообразных действий, событий, одно тусклее другого. Последующий день Ильи Ильича будет так же нуден, бесконечен и безрадостен, как и предыдущий.

Неизбежным следствием таких размышлений становится утверждение о том, что активность личности необходима на всех этапах жизнедеятельности. Человеку требуется не состояние равновесия, а скорее борьба за какую-то цель, достойную его. Отсутствие движения, вечного выбора и свободы равнозначно смерти: индивидуум останавливается в своем развитии, живет «по инерции» благодаря приобретенным

ценностям, не смотря на то, что они начинают изживать себя. Личность как субъект формирования ценностей жива, пока является творцом нравственных категорий.

Обобщаем сказанное: ценностный конфликт третьего типа затрагивает ведущие смысловые универсалии личности, которые, столкнувшись с данностями существования [36], рискуют потерять свою значимость и местоположение в иерархии ценностей. Принимая во внимание всю глубину и серьезность данного типа внутриличностного конфликта, отметим, что он является масштабным в плане проявлений, последствий, довольно сложно поддается описанию и оказывается напрямую связанным с культурой, социальным миром.

Подводя итог всему изложенному, отметим, что внутриличностные конфликты играют существенную роль в формировании новых черт характера и в перестройке личности. Развитие и разрешение ценностного конфликта представляет собой острую форму развития человека: изменяются прежние и формируются новые отношения в ценностной структуре индивидуума, формируются новые отношения с миром, изменяется сам человек. Иными словами, внутриличностное ценностное противоречие является «пусковым механизмом» (А.Г. Асмолов) для раскрытия глубинного потенциала, возможностей, способностей, активности личности. С одной стороны, в конфликтных ситуациях полнее выявляется сложный и противоречивый характер человека, обнаруживаются его несовершенства. Будучи сигналом к мобилизации защитных функций, активации внутренних барьеров [23], столкновение ценностей способствует изоляции личности от ответственности за собственные поступки (механизмы самообмана или вытеснения, подавления), что ведет к моральной деградации. Однако, с другой стороны, переживание конфликта смысловых универсалий можно рассматривать как момент становления личности, испытания воли, упрочнения мировоззрения. В таком контексте на первый план выделяются не угнетенность и неуверенность, а прорыв, борьба, упорное преодоление препятствий личностью и тогда ценностный конфликт означает не просто поворот в судьбе, но и существенный скачок в развитии человека.

Литература

1. *Абульханова К.А.* Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности): Избранные психологические труды. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: издательство НПО «МОДЭК», 1999. – 224 с. (Серия «Психологи Отечества»).
2. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1986., С. 48.

3. *Бинсвангер Л.* Бытие-в-мире. Избранные статьи. Нидлмен Я. Критическое введение в экзистенциальный психоанализ. – М.: «Рефл-бук», К.: «Ваклер», 1999. – 336 с. Серия «Актуальная психология».
4. *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства или конец социального. Изд-во Уральского университета, Екатеринбург, 2000. – 95 с.
5. *Братусь Б.С.* К проблеме человека в психологии // Вопросы психологии. – 1997. – №5. С. 3–19.
6. *Бьюдженталь Дж.* Наука быть живым: Диалоги между терапевтом и пациентами в гуманистической терапии. – М.: Независимая фирма «Класс», 1998 – 336 с. – (Библиотека психологии психотерапии).
7. *Варыгина Е.А.* Влияние рекламы на ценностную дезориентацию личности. http://sfera.infomsk.ru/person/person_405_st1.html
8. *Гоголь Н.В.* Мертвые души /Поэма–роман, повести. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. – 534 с. Глава 2.
9. *Гончаров И.А.* Обломов. Роман в 4-х частях. Л., «Худож.лит.», 1978. – 528 с.
10. *Делёз Ж.* «Различие и повторение». — ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 384с.
11. *Зеленский В.В.* Аналитическая психология. Словарь (с английскими и немецкими эквивалентами). – СПб.: Б.С.К., 1996. – 324 с.
12. *Зиятдинова А.* Мастерство портрета и его роль в создании характера. На примере образа Ильи Ильича Обломова в романе И.А.Гончарова «Обломов» // Газета «Литература». – 2002. – №16. <http://lit.1september.ru/2002/16/6.htm>
13. *Кемпински А.* Экзистенциальная психиатрия. – М.: Изд-во «Совершенство», 1998.– 320 с.
14. *Кон И.С.* В поисках себя: Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984. – 335 с.
15. *Кон И.С.* Открытие «Я» в психологии. М.: Политиздат, 1978. – 367 с.
16. *Крылов И.А.* Лисица и виноград // Крылов И.А. Сочинения в 2-х томах. – М.: Издательство «Правда», 1969. Т. 1. – 527 с. С. 173. (Библиотека «Огонек»).
17. *Леонтьев Д.А.* От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности. http://edu.glazov.net/to_teachers/books/2/leontiev.txt.
18. *Леонтьев Д.А.* Пути развития творчества: личность как определяющий фактор // Воображение и творчество в образовании и профессиональной деятельности. Материалы чтений памяти Л.С.Выготского: Четвертая Международная конференция. М.: РГГУ, 2004, с. 214-223.

19. *Леонтьев Д.А.* Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени. <http://psychology.net.ru/articles/20020126134828.html>.
20. Лэнг Р.Д. Расколотое «Я». – СПб.: Белый кролик. 1995.– 352 с.
21. *Мамардашвили М.К.* Лекции о Прусте (психологическая топология пути). М., 1995.
22. *Менегетти А.* Личность и система. М.: Изд-во Онтопсихология, 2003. – 328 с.
23. *Михеева И.Н.* Амбивалентность личности. – М., 1991.
24. *Мураками Х.* Дэнс, дэнс, дэнс...: Роман. Ч.1. – СПб.: Амфора, 2002. – 361 с.
25. *Мэй Р.* Проблема тревоги. – М.: Изд-во ЭКСМО–Пресс, 2001.
26. *Паланик Ч.* Бойцовский клуб: Роман. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 344 с. (Мастера. Современная проза).
27. *Петровская Л.А.* О понятийной схеме социально-психологического анализа конфликта // Теоретические и методологические проблемы социальной психологии/ Под ред. Г.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой. – М.: Изд-во Московского Университета, 1977. – С. 128-138, 142-143.
28. *Рильке Р.М.* Записки Мальте Лауридса Бриге. <http://lib.ru/POEZIQ/RILKE/brigge.txt>.
29. *Стендаль.* Красное и черное: Роман. – Куйбышев: Кн. изд-во, 1983. – 576 с.
30. *Столин В.В.* Самосознание личности. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 284 с.
31. *Франкл В.Э.* Человек в поисках смысла: введение в логотерапию // Франкл В.Э. Основы логотерапии. Психотерапия и религия – Спб: Речь, 2000. – 286 стр. (Мастерская психологии и психотерапии).
32. *Фриш М.* Назову себя Гантенбайн / Фриш М. Коллекция – Харьков: Фолио; М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. – 576 с. – (Вершины. Коллекция).
33. *Фрейд З.* Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа. – СПб.: «Алетейя», 1998.
34. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. Мн.: ООО «Попурри», 1999 – 624 с.
35. *Хорни К.* Невроз и личностный рост. Борьба за самореализацию. – Спб.: совместное издание Восточно-Европейского института психоанализа и Б.С.К., 1997. – 316 с.
36. *Ялом И.* Экзистенциальная психотерапия. – М.: Независимая фирма «Класс», 1999.– 576с.

В.В.Шпунтова

К проблеме ценностей: местоположение смысловых универсалий в структуре личности

Исследование проводилось при поддержке Министерства образования и науки Самарской области (грант № 26 Г 1.5 К)

Исследования, проведенные отечественными психологами (К.А. Абульханова-Славская, Б.Г. Ананьев, А.В. Брушлинский, В.Н. Мясищев, С.Л. Рубинштейн), показали, что личность уникальна по своей сложности, ибо в ней объединены, связаны различные плоскости существования конкретного человека – от его физического бытия до духовного: животного тела, сознательного и активного субъекта, члена общества и т.д.

Личность – это высшее интегральное понятие, характеризующееся как система отношений человека с окружающей действительностью [24]. Однако, несмотря на то, что индивидуум постоянно взаимодействует с внешней средой, использует ее отдельные элементы в качестве точек опоры [23], главная сфера его напряжения – он сам, структура его личности. Последняя, по мнению Б.Г. Ананьева [5], – продукт индивидуально-психического развития, выступающая в трех планах: онтогенетической эволюции, психофизиологических функций, становления деятельности и истории развития человека как субъекта труда, познания и общения, жизненного пути человека. В целом структура личности влияет на процесс мышления и чувственный мир индивидуума, определяет его поступки и действия [4], [14], [31], [37], [38]. Она относится к субъективным факторам человека и интегрирует первичный класс личностных свойств, образованный статусом, ролями и ценностными ориентациями. Рассмотрение последних позволяет понять зависимость индивидуума от конкретных социальных структур и выявить степень его активности в общем процессе их функционирования.

Д.А. Леонтьев называет ценности «огромными составляющими внутреннего мира человека» [19, С.38]. Выступая источником устойчивых смыслов значимых объектов и явлений, они концентрируются во внешней надличностной реальности и выражают принадлежность индивида к внешнему бытию, обеспечивают устойчивость поведения человека в изменяющейся действительности и определяют поступки. Согласно А.В. Битуевой [8] смысловые ориентации представляют собой «консервированные» отношения с миром, обобщенные и переработанные совокупным опытом референтной группы. Ассимилируясь в структуру личности, они практически не зависят от ситуативных факторов, являются стабильными, не насыщаемыми, а только задающими векторы жизнедеятельности субъекта. Принимая за основу «смысловые универсалии» [34], индивидуум целенаправленно выстраивает собственное существование. Иными словами,

ценности являются единицами динамической организации личности (А.Г. Асмолов): человек создает собственную систему взаимодействия с реальностью, через призму которой преломляется внутреннее бытие и окружающая действительность.

Отсутствие ценностей вызывает значительные страдания, приводит к уничтожению четких ориентиров в мире и зыбкости мировоззренческой позиции. Так происходит с героиней А.К. Островского – Ларисой («Бесприданница»), бедной, безденежной невестой. Душевная жизнь девушки довольно противоречива, лишена цельности: «Я ослепла, я все чувства потеряла, да и рада. Давно уж точно во сне все вижу, что кругом меня происходит» [26, С. 387]. «Внутреннее Я» Ларисы не совпадает с внешним поведением: маменька приказывает любезничать с гостями, улыбаться им, заискивать, тогда как духовная сущность героини стремиться вырваться из окружающего «базара», убежать, улететь (Лариса – с греч. чайка) от суеты и чопорных кавалеров: «Разве мне самой такая жизнь нравится? Мне было приказано... я должна была вести такую жизнь» [26, С. 337]. Мы видим, что система нравственных ориентиров Ларисы находится в стадии формирования – на протяжении всего произведения она выбирает моральные нормы: стоит ли перенять стиль жизни матери, которая постоянно ловчит, хитрит, льстит и попрошайничает у богатых или построить собственную систему ценностей. Для того чтобы создать видимость красивого, роскошного существования Харита Игнатьевна превращает свой дом в шумный «цыганский табор». Однако, такой образ жизни чужд Ларисе; ей тяжело, невыносимо притворяться, лгать: «Мало ли, я страдала, – говорит она матери, – довольно унижаться!» [26, С. 394]. Тем не менее, «в этом таборе» есть хорошие и благородные люди, здесь веселье и радость, песни, шампанское и Сергей Сергеевич Паратов. Героиня «стоит на распутье», она не знает ничего лучше этой жизни и противится ей; нет иных ценностных норм для нее, кроме тех, с которыми она не может примириться. Лариса просит Ю.К. Карандышева поддержать ее, посочувствовать: «Я сделалась очень чутка и впечатлительна... Каждое слово, которое я сама говорю и которое слышу, я чувствую...» [26, С. 338]; она обращается к В.Д. Вожеватову [другу детства] «Вася! Я погибаю!... помоги мне...» [26, С. 438]; но никто не старается заглянуть к ней в душу, ни от кого не слышит девушка «теплого, сердечного слова»: «А ведь так жить холодно... Нет любви на свете... Я искала ее и не нашла... На меня смотрели и смотрят, как на забаву. Я – кукла; поиграете мной, изломаете и бросите...» [26, С. 442, 396].

Отдельные поступки Ларисы и способы поведения в целом взаимодействуют с внутренним миром разрозненных и противоречивых ценностей. Степень совпадения/ расхождения первых со смысловыми универсалиями является показателем цельности или разобщенности личностных

структур, перспективности или регрессивности их развития. В данном случае девушка стремится к гибели – на протяжении всей пьесы она мечтает оказаться «не здесь», ищет «райское место», чтоб «душой отдохнуть», перегибается через перила на краю обрыва и понимает, что самоубийство требует усилий, обозначенного четкого решения. У Ларисы нет сил, она колеблется размышляя: «А ведь есть люди, для которых это легко. Видно, уж тем совсем жить нельзя; их ничто не прельщает, им ничто не мило, ничего не жалко. Ах, что я!.. Да ведь и мне ничто не мило, и мне жить нельзя, и мне жить незачем! Что ж я не решаюсь? Что меня держит над этой пропастью? Что мешает?.. Жалкая слабость: жить, хоть как-нибудь, да жить... когда нельзя жить и не нужно. Какая я жалкая, несчастная. Кабы теперь меня убил кто-нибудь...» [26, С. 439-440]. Лариса ждет, когда за нее совершат ценностное предпочтение, построят систему смысловых универсалий. Героиня А.Н. Островского – девушка без сложившихся нравственных ориентиров: она не имеет цели в жизни, не является творцом собственного бытия, мира вокруг; ее существование пусто и обездвижено.

Анализируя данное произведение, мы приходим к выводу о том, что ценности составляют базисный компонент личности, определяют сердцевину ее внутреннего мира, направленность, которая воплощается в убеждениях, знаниях, умениях, навыках, и проявляется в социально обусловленных отношениях, деятельности, общении. Человеческое существо нуждается в абсолютных идеалах, стремится к ним, не имеет сил обходиться без них.

Разнообразие трактовок понятия «ценность» обусловлено различиями в решении проблемы соотношения объективного – субъективного, материального – идеального, индивидуального – общественного применительно к характеристике целостной системы. Множество формулировок порождает целый веер аксиологических интерпретаций мира культуры, толкований структуры, положение и роли ценностей в социальном пространстве. В целом, разночтения определяются расхождением в следующих позициях:

а) отождествление смысловых универсалий с объективно существующими феноменами культурного пространства (В.И. Слободчиков, Э. Фромм) против признания их в качестве характеристики, связанной с оценочной деятельностью субъекта (В. Стюарт, А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский);

б) признание в качестве ценностей особых абстрактных сущностей (Н.А. Бердяев, А. Маслоу, Ф. Ницше) против их трактовки как предметов, значимых для субъекта и удовлетворяющих его потребности (Г. Олпорт, А.В. Петровский, Ж.-П. Сартр);

в) отнесение нравственных ориентаций к индивидуальной реально-

сти, значимой только для переживающего ее субъекта (К.Г. Юнг, А. Маслоу), против их существования в форме наиндивидуальной реальности (Н. Гартман, П. Менцер, В.Э. Франкл).

Не смотря на кажущуюся противоречивость и непримиримость вышеизложенных полярных точек зрения, мы попытаемся, насколько это возможно, объединить существующие разночтения, дабы получить цельное определение. Под **ценностью** мы будем понимать *любой объект, имеющий жизненно важное значение для субъекта*, то есть в более широком значении в качестве смысловых универсалий могут выступать не только абстрактные привлекательные значения (б) или ситуативные ценности (в), но и стабильно важные конкретные материальные блага (а). В узком понимании о ценностях принято говорить как о духовных идеях, заключенных в понятиях, которые имеют высокую степень обобщения. Например, согласно В. Франклу [35], – ценности – это смысловые универсалии, а с точки зрения В.П. Тугаринова [32], ценности – это не только предметы и явления, но также идеи, побуждения в качестве нормы и идеала.

Поскольку моральные стандарты и нравственные ориентиры имеют собственный характер в разных культурах, считаем невозможным сформулировать универсальный культурно-ценностный кодекс для человечества в целом. На наш взгляд, распространение концепции аксиологического плюрализма означает отход самих оснований общей теории смысловых универсалий, введение ее составляющих в конкретно-исторический культурный контекст. Мы полагаем, что категория ценностей применима к миру человека: представляя собой особый тип значимости предметов, явлений, идей и т.д., нравственные ориентиры вне личности и без нее существовать не могут.

В связи с тем, что имеется множество точек зрения, касающихся ценностей, возникает ряд классификаций, согласно которым выделяют позитивные и негативные смысловые универсалии [9], относительные и абсолютные, терминальные и инструментальные [17], субъективные и объективные. Последние, согласно К. Г. Юнгу [15], являются наследием древности и устанавливаются в опыте среднего разума. По содержанию различаются вещественные, логические, этические и эстетические моральные ориентиры: приятное, полезное и пригодное; истина, добро, прекрасное. Также различают ценности-средства и ценности-цели, предметные и субъектные, ценности культуры и жизни (последние ориентированы на изучение общекультурных явлений). Выделяют материальные и духовные смысловые универсалии, изучая которые А. Маслоу [22] пришел к выводу о том, что тотальное господство одних ценностей ведет к неутолимой жажде других. Подобная взаимосвязь и взаимообусловленность говорит в пользу существования единой системы нравственных ориентаций в структуре личности: смысловые универсалии занимают определенные места в

семантическом поле индивидуума и, подчиняясь принципу «неравновесной равновесности» (И. Пригожин), имеют динамический статус в общей иерархии.

Помимо всеобъемлющих типологий ценностей, некоторые психологи находят новые основания для подразделения этой категории. Например, В. Франкл [33], [36] выделяет три группы смысловых универсалий: ценности творчества, переживания и отношения, полагая, что индивидууму в течение жизни предоставляется возможность обращаться то к одной, то к другой группе нравственных ориентаций. По мнению австрийского психиатра существование требует от человека «исключительной гибкости в приспособлении к шансам, которые ему дается» [35, С.37], личности необходимо переходить к иным сферам бытия, если там выявляется возможность реализации ценностей.

Немецкий философ М. Шелер [16] противопоставляет «ситуативные» смысловые универсалии «вечным» нравственным ориентациям. Последние имеют значение всегда и для всех; они ждут того момента, когда пробьет их час. Если эта возможность будет упущена, ситуативная ценность останется навсегда нереализованной.

По мнению Г. Олпорта [40], ценность – это убеждение человека в том, что поистине важно в жизни, а что нет. Аналогичную мысль находим у Гегеля: значимо то, что человек признает своим. Развивая эту точку зрения, сошлемся на этический гедонизм Э. Фромма [1998], согласно которому человек провозглашает собственный опыт удовольствия единственным критерием ценности. Иными словами, только те желания являются нравственно значимыми, исполнение которых приносит удовольствие. Противоположную точку зрения высказывает Н. Гартман [16]. Он пишет, что имеется существующее-для-себя – царство ценностей, находящееся по ту сторону сознания. С ним соглашается П. Менцер [16], полагающий, что смысловые универсалии – это нечто стоящее надо всем, то, к чему можно стремиться, созерцать, относиться с уважением. На наш взгляд, вопросы о локализации и источнике происхождения моральных ориентиров не имеют однозначного ответа: любой объект, *оцененный* личностью, может стать субъективно значимым в силу активности, авторства, смысловых воззрений индивидуума. С этой позиции интересной представляется точка зрения Ж.-П. Сартра [30], который утверждает, что в основе ценностей лежит личная свобода каждого. Таким образом, бытие смысловых универсалий держится на человеке. Однако не следует забывать, что свобода личности конечна [35], и зачастую именно она является источником тревоги [13]. Тем не менее, индивид, как существо, вечно находящееся в процессе становления, может выйти за пределы установленных норм, правил и, преодолевая рамки и условности существующей ситуации, увидеть новые возможности для развития, самосовершенствования, а также приобрести

свободу более высокого порядка [34].

В отечественной науке категория ценности стала предметом осмысления, начиная с 60-х годов XX столетия, когда возрос интерес к проблемам человека и субъективному фактору в целом. В рамках данной работы обозначим позицию А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского [28], которые считают, что ценность – это мотив, характеризуемый определенным местом в системе самоотношений субъекта, выступающий в сознании индивида как сущностная характеристика его бытия в мире. Смысловые универсалии подразумевают способ оценки собственных поступков и имеют характер внутренних мотивов. Как феномен самосознания ценности конкретизируют для социального индивида и для личности такие моральные ориентиры общества как добро, честь, справедливость. Эти категории являются формой выражения важнейшей черты мотивационной сферы человека, то есть касаются того факта, что своим высшим нравственным содержанием выводят субъекта за рамки индивидуального существования, частной адаптации и приспособления к существующим условиям, расширяют границы определенных его уникальным бытием потребностей и связывают индивидуума с проблемами эпохи, общества.

Процесс приобщения личности к ценностям социума великолепно показан в романе К.Абэ «Женщина в песках» [3]. Главный герой – Ники Дзюмпэй попадает в странную деревню: по ночам люди отгребают песок, вывозят его бидонами, днем спят, а вечером снова принимаются за работу. «Песок никогда не отдыхает, никогда не дает отдохнуть», поэтому обитатели деревеньки должны сопротивляться ему, счищать с крыши, стряхивать с одежды. Ники стремится вырваться из пут странного существования, он сопротивляется, бунтует, отказывается работать, рассуждая таким образом: «Я ведь не лошадь и не бык, и против воли меня никто не заставит, а коль скоро я не гожусь как рабочая сила, то нет никакого смысла держать меня запертым в этих песчаных стенах» [3]. Безусловно, он понимает, что «отгребать песок для деревни – вопрос существования», однако, принуждение и безысходность ситуации заставляют мужчину протестовать снова и снова. Все что происходит с героем невыносимо, это «какое-то невероятное, выходящее за всякие рамки происшествие». Герой К. Абэ задается вопросом: «Можно ли загнать в ловушку, как мышь или насекомое, человека, внесенного в посемейный список, имеющего работу, платящего налоги и пользующегося правом на бесплатное медицинское обслуживание?» [3]. Ники смотрит на песчаную стену, окружавшую его со всех сторон, и вспоминает неудачные попытки взобраться на нее: «Сколько ни мечись у стены – толку никакого» [3]. мужчину парализует чувство бессилия, на свой вопрос он отвечает утвердительно: «Видимо, это какой-то разъедаемый песком особый мир, к которому обычные критерии неприло-

жимы... Наверное, это какая-то ошибка. Да, конечно, это ошибка. Только и оставалось, что считать: это ошибка» [3].

Принимая имеющуюся ситуацию как абсурдную, лишенную смысла, герой решает прекратить работу, логично полагая, что бездельника отпустят. Однако подобное умозаключение еще раз указывает на то, что мир, в который попал господин Дзюмпэй иной, отличающийся своими ценностями, нормами, законами. Самое важное в песчаной пустыне – это вода и поэтому страх перед жаждой заставляет Ники работать. Не ощущая больше внутреннего сопротивления, герой спрашивает себя: «В чем причина этой перемены? Может быть, в боязни остаться без воды или в долге перед женщиной [в доме которой он живет], а возможно, в характере самого труда?» [3]. Ники переключается на физическую работу, концентрируясь на ней, наполняя смыслом свое существование. Действительно, деятельность помогает человеку примириться с бегущим временем, даже когда оно утекает бесцельно, но у героя имеется цель – выбраться отсюда, туда где «автобусы ходят, и люди нормальные». Получается, что для личности ценностно не то, что есть, а то, что должно быть [6, С.327-329]. Иными словами существование смысловых универсалий имеет телеологический характер, указывает на состояние, определенное *целью*. Аналогичные идеи высказывал Сократ [16]: у всех прекрасных явлений (благо, мужество красота) есть нечто общее, что делает их таковыми – целесообразность. Именно цель связывает воедино внешнее и внутреннее, содержание и форму предмета, становясь основой его соответствия своему назначению; она возводит смысловые универсалии бытия человека из оценочных понятий в ранг идеальных нравственных норм.

Б.С. Братусь [11] полагает, что ценности это осознанные и принятые человеком общие значения его жизни. Они – опора для личности, ибо задают не конкретные мотивы и цели, а *плоскость отношений между ними*. Так, в романе К. Абэ «Женщина в песках» смысловые универсалии выступают в качестве движущей силы (как идеи и как воля), обращенные к действительности. Ориентируясь на нравственные нормы своего мира, Дзюмпэй выбирается из ямы на 46 день. Однако чем дальше герой уходит от странной деревни, тем более неустанно ведет он мысленный диалог с женщиной, в доме которой жил. Мужчина осознает, что является для нее «огромной подмогой», понимая, что многое изменилось с тех пор, как он появился в доме: по утрам женщина спокойно спит, работу заканчивает на два часа быстрее; освободившись от бытовых забот, она мечтает о простых вещах (радио и зеркало), находя в незатейливой жизни свою прелесть. Мы понимаем, что Ники Дзюмпэй заботится о женщине: «Как только выберусь отсюда, сразу же куплю приемник и пошлю ей. Истрачу все свои деньги, но куплю ей транзистор» [3]. Переосмысление ценностей героя происходит не случайно, требуются внешние факторы, которые за-

ставляют личность пересмотреть нравственные ориентиры. Теперь для него значимы не социальные связи, положение в обществе, не свобода, а женщина со своим простым мироощущением.

По мнению Е.И. Головахи [12], в основе ценностей личности лежит система воспринятых ею социальных моральных категорий. Ориентируясь в широком спектре смысловых универсалий общества, индивид выбирает из них те, которые наиболее тесно увязаны с его доминирующими потребностями. Предметы последних, будучи осознанными личностью, становятся ее ведущими жизненными ориентирами. Мы соглашаемся с А.Н. Леонтьевым [18] в том, что система объективных социальных отношений приобретает личностный смысл по мере раскрытия общества и наполнения внутреннего мира личности, взаимодействия, взаимопроникновения субъекта и окружающей действительности. Еще Э. Шпранглер [16] писал, что субъект с его мыслями, переживаниями и образами вплетен в грандиозную систему мира духа, социального по своему характеру. Как духовное существо [35] человек не может рассматриваться в положении уединения, он должен мыслиться во взаимосвязи с обществом. Иными словами, человеческая душа включена в межчеловеческие связи, она пронизывается общими нравственными категориями жизни.

К.А. Абульханова-Славская [2] высказывает предположение о том, что личность стремится к общению, ибо это – главная жизненная ценность. Дополняя теоретические положения автора, Н.М. Магомедов [20] считает, что сам процесс социального взаимодействия человека представляется в виде обмена смысловыми универсалиями. Таким образом, общение позволяет субъекту не только утверждать себя как личность, но и дает возможность постигать нравственные ориентиры, ибо с их помощью индивид персонализируется [27]. Когда Ники Дзюмпэя возвращают в деревню, в нем одновременно поднимается «тоска, серая, как рассвет» [3], и возникает понимание того, что нужно помогать друг другу: «Жизнь не такая штука, чтобы прожить ее в утешении, – говорит он женщине. – Там своя жизнь, здесь – своя, и всегда кажется, что чужая жизнь слаще... Самое противное – думать: что, если жизнь вот так и будет идти?.. Что это за жизнь? Этого ведь никто не знает... Эх, лучше... и не думать обо всем этом» [3].

Получается, что ценности существуют и функционируют в практике реальных социальных отношений независимо от личности, но осознаются и переживаются как нравственные категории, нормы, цели, идеалы субъективно. Единство когнитивного и чувственного, рационального и практического позволяет человеку избирательно относиться к окружающим явлениям, предметам; адекватно воспринимать и устанавливать их субъективную (для себя) и объективную (для всех) ценность, то есть ориентироваться в мире культуры. Близкими являются позиции И.С. Барского, кото-

рый отмечает, что смысловые универсалии – это идеалы общественной жизни и А.Я. Разиной, понимающей под ценностями самостоятельный по отношению к отдельному субъекту инвариант оценочного опыта, объективированный в искусственных формах специфической предметности [8].

Рассматривая различные виды и классификации нравственных ориентаций, мы не можем обойти стороной высшие ценности/ценности бытия, которые описывают мир, открывающийся в моменты пиковых переживаний. А. Маслоу вводит данное понятие, полагая, что человечество всегда стремится к вечности и абсолюту; высшие смысловые универсалии в какой-то степени служат этим целям, ибо они самостийны и не зависят от прихотей человека. Будучи бессмертными, они познаются, постигаются, но не изобретаются. Эти ценности трансчеловечны, трансиндивидуальны и внеисторичны; их можно понять как своего рода совершенство, идеал, но в то же время они конкретны и воплотимы. С точки зрения А. Маслоу, без высших нравственных ориентиров невозможно полно определить человека, так как они являются «нуждами». Каждый стремится к таким смысловым универсалиям, чтобы «вочеловечиться».

Изучая ценности бытия, А. Маслоу заметил интересную закономерность: любую из высших моральных ориентиров можно описать в терминах других высших смысловых универсалий. Возможно, это связано с тем, что мы имеем дело с неким единством, которое при рассмотрении с разных точек зрения представляется нам разнообразными ценностями бытия. Таким образом, всю совокупность можно представить в виде некоего магического кристалла, где высшие смысловые универсалии – лишь отдельные его грани. Ценности бытия занимают главенствующее положение в иерархизированной системе нравственных ориентаций и являются ведущими, центральными носителями смысла жизни [33] конкретного индивидуума.

Проблема ценностей бытия интересовала и философов. Так, Ж.-П. Сартр [29] считал, что высшей нравственной ориентацией является Бог; с точки зрения Ф. Ницше [25], смысловую универсалию бытия составляет великий человек, устанавливающий моральные нормы.

Обобщая все вышеизложенное, укажем на то, что ценности имеют синтагматический характер, они формируются исторически и фиксируются как форма общественного сознания в структуре личности. Общечеловеческие смысловые универсалии сами по себе остаются постоянными на различных этапах развития общества (такие, например, как любовь, мир, труд, красота, творчество и другие) и мы, соглашаясь с точкой зрения В. Франкла [33], считаем, что человек должен переходить от одной группы нравственных ориентиров к другой, чтобы познать всю полноту данной категории.

Известно, что личностью и субъектом не рождаются, а становятся в

процессе исторического и индивидуального развития. Человек, обладая изначально присущей ему активностью, организует свой жизненный путь как целое, сохраняет свои важнейшие потребности, которые не удалось реализовать в настоящем, направляет всю свою жизнь на достижение главных ценностей [1]. Смысловые универсалии выступают важнейшим фактором поведения человека и составляют некий свод законов, в соответствии с которым можно выработать систему действий. Таким образом, ценности не только дают субъекту кальку для личной деятельности, но также делают для него возможным существование в группе. Социальная жизнь была бы без них невозможной, так как с одной стороны, моральные нормы вносят элемент предсказуемости, с другой стороны, именно под непосредственным влиянием микросреды формируется шкала смысловых универсалий человека. Определяя главные и не всегда постоянные отношения человека к миру, другим людям, самому себе, ценности, как *осознаваемые общие смысловые образования*, являются единицами сознания личности [10]. Иными словами, существование субъекта развертывается в поле напряжения между человеком и ценностями, которыми он наполняет свою жизнь. Пожалуй, точнее и удачнее всех данную проблему выразил А. Маслоу [22], заметив, что прямая дорога к нравственным и ценностным решениям идет *через* человека, через познание им своей природы, особенностей, через открытие правды в самом себе. Следовательно, чем глубже индивидуум познает себя, тем легче, естественнее, автоматичнее будет решена им проблема ценностного выбора.

Сегодня складывается противоречивое и двойственное отношение к внутренним моральным ценностям: с одной стороны – «запрос» общества, с другой – христианские, духовные универсалии, не всегда принимающиеся и находящие внутреннее одобрение. Конфликт в среде внутриличностных ценностей человека и противоречие между индивидуальными и социальными нормами влечет за собой состояние «подвешенности» [7]. Об этом интересно рассуждает М.К. Мамардашвили в философской работе «Психологическая топология пути» [21]. Он полагает, что современный человек живет в ситуации неопределенности, которая характеризуется тем, что индивидуум не имеет нравственного выбора – видит *либо* добро, *либо* зло и не может выйти за рамки происходящего. Индивидуум пребывает в подвешенном состоянии, переживая *é cart absolu* (абсолютный подвес – М.К. Мамардашвили), абсолютное отстранение себя от самого себя и от мира, сомневаясь во всем. Аналогичные мысли находим у Л. Бинсвангера: «Существование больше не распространяется в будущее, не опережает себя, оно скорее вращается по узкому кругу, в который заброшено, в бессмысленном, а значит в без-будущем и бесплодном повторении самого себя» [7, С. 9]. Получается, что подвешенность – это у-держание времени, в котором происходит интенсивная деятельность, не дающая никакого

продукта. Проживая «вечное настоящее», субъект пребывает в непрекращающихся мгновениях, он «пережевывает кусок пирога снова и снова» [21], не в силах извлечь опыт, не умея вычленив правду, не понимая, что «варится в том, что случается вечно» [21]. Таким образом, бессмысленное существование ограничивает экзистенцию, какой-то один модус бытия становится доминантным – он суживает горизонт мировосприятия; и в результате, согласно идее Л. Бинсвангера [7], все модусы сводятся к одному-единственному, или же возникает резкое противоречие между различными сторонами человеческого существования. Только ценности способны вывести субъекта из ситуации неопределенности, расширяя существование, наделяя смыслом бытие. Именно они, будучи фундаментальной характеристикой личности, придают ей определенность, позволяют находить место для возможных способов поведения в иерархии одобрения – неодобрения и влияют на процесс личностного выбора. Концентрируясь вокруг Я-образа, они организуют мир эмоций и переживаний, оказывают существенное воздействие на мотивы поступков и действий, разрешают конфликты желаний, побуждений, устремлений.

Существует мнение, что многое ценное в жизни приходит только в том случае, если человек не настаивает; оно приходит спокойно, не от толчка сзади или притяжения спереди, а появляется безмолвно от простого пребывания рядом [23]. Этой точки зрения придерживался А. Маслоу [22], утверждая, что ценности встроены в человеческий организм, и если человек доверится ему, то обнаружит их интуитивно. Однако, на наш взгляд, объявление о том, что индивидууму нет необходимости заботиться о смысловых универсалиях, стремиться их реализовать (ибо они изначально заключены в структуре его личности) приводит к пассивности существования, а отсутствие активности влечет за собой потерю субъектности (вспомним Ларису Огудалову). Следовательно, раскрытие ценностей требует усилий, познания, поиска и нового осмысления накопленного опыта.

Таким образом, ход развития смысловой сферы, направленный на присвоение родовой человеческой сущности, должен состоять в одновременном *движении* по вертикали и горизонтали – к общим представлениям, ценностной идентификации с миром и по линии перехода от нестойких, эпизодически возникающих отношений к осознанным нравственным ориентациям.

Подводя итоги изучения проблемы ценностей в структуре личности, отметим точку зрения К. Хорни [39], которая считала, что каждое из трех базальных отношений (движение к людям, движение против людей, движение от людей) имеет свою позитивную нравственную значимость: в одном случае субъект создает доброжелательное отношение к социуму, в другом – борется за выживание, в третьем – стремится достичь целостности. Так или иначе, но человек не мыслим без общества, и если попытаться

ся рассмотреть его лишь как индивидуальность, то люди предстанут бесконечно разными мирами, обособленными, особыми, неповторимыми по мере их развития [11]. Таким образом, через восходящее движение к ценностям происходит реальное единение людей, которое сливает жизнь одного индивидуума с жизнью других. Благодаря базовым «опорным» смысловым универсалиям, получаемым из социума, в структуре личности создаются новые, неповторимые, уникальные ориентиры, главные цели которых – преобразование действительности, связывание разнородных и частных интересов, низлежащих смыслов в единый, определяющий суть человека взгляд на себя и окружающий мир.

Литература

1. *Абульханова-Славская К.А.* Личностная регуляция времени // Психология личности в трудах отечественных психологов. Сост. Куликов Л.В. – СПб: Изд-во «Питер», 2000. – 480 с.
2. *Абульханова-Славская К.А.* Личность в процессе деятельности и общения// Психология личности. Т.2. Хрестоматия. – Самара: Изд. Дом «БАХРАХ», 1999. – 544 с.
3. *Абэ К.* Женщина в песках. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 2000. – Серия «Классики XX века». <http://www.lib.ru/INPROZ/КОВО/zhenshina.txt>
4. *Адлер А.* Воспитание детей. Взаимодействие полов. Ростов н/ Д: Изд-во «Феникс», 1998. – 448 с.
5. *Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания. – СПб.: Питер, – 2001. – 272 с.
6. *Бакурадзе О.М.* О природе морального суждения//Актуальные проблемы марксистской этики. Тбилиси, 1967. С.327-329.
7. *Бинсвангер Л.* Бытие-в-мире. Избранные статьи. Нидлмен Я. Критическое введение в экзистенциальный психоанализ.– М.: «Рефл-бук», К.: «Ваклер», 1999. – 336 с. Серия «Актуальная психология».
8. *Битуева А.В.* Особенности структурного строения ценностных ориентаций. Теоретический философский журнал «Credo», №3 (21) 2000. <http://www.orenburg.ru/culture/credo/21/bitueva/html>.
9. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 1456 с.
10. *Братусь Б.С.* Психология личности // Психология личности. Т.2. Хрестоматия. – Самара: Изд.Дом «БАХРАХ», 1999. – 544с.
11. *Братусь Б.С.* Психология. Нравственность, Культура. – М., 1994.
12. *Головаха Е.И.* Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи. Киев, 1988.
13. *Гудвин Д.* Открытие страха // Страх / сост. П.С.Гуревич.– М.: Алетейа, 1998. – 408 с. – (Страсти человеческие).

14. *Джеймс У.* Психология. М., 1991.
15. *Зеленский В.В.* Аналитическая психология. Словарь. – СПб.: Б.С.К., 1996. – 324 с.
16. Краткая философская энциклопедия.– М., Издательская группа «Прогресс» – «Энциклопедия», 1994.– 576 с.
17. Краткий психологический словарь. Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – Ростов н/Д : изд-во «Феникс», 1998. – 512 с.
18. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.
19. *Леонтьев Д.А.* Очерк психологии личности. М.: Смысл, 1997. – 64 с.
20. *Магомедов Н.М.* Методология и методика свободного воспитания/Самарский институт управления. – Самара: СИУ, 1995. – 230 с.
21. *Мамардашвили М.К.* Лекции о Прусте (психологическая топология пути). М.: Ad Marginem, 1995. – 547 с.
22. *Маслоу А.Г.* Дальние пределы человеческой психики. – СПб: Издат. группа «Евразия», 1997. – 430 с.
23. *Мэй Р.* Любовь и воля. – М.: «Рефл-бук», К.: «Ваклер», 1997. – 384 с.
24. *Мясищев В.Н.* Психология отношений. – М.: Изд-во Московского социально-психологического института; Воронеж: Изд-во НПО «МАОД-ЭК», 2003. – 400 с. – (Серия «Психологи России»).
25. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра; К генеалогии морали; Рождение трагедии: Сборник. – Мн.: ООО «Попурри», 1997. – 624 с.
26. *Островский А.Н.* Бесприданница. Драма в четырех действиях // Островский А.Н. Пьесы. – М.: Дрофа, 2004. – 480 с. – (Библиотека отечественной классической художественной литературы). С. 364-444.
27. *Петровский А.В.* Индивид и его потребность быть личностью // Психология личности. Т.2. Хрестоматия. – Самара: Изд.Дом «БАХРАХ», 1999. – 544с.
28. *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* Основы теоретической психологии. – М.: ИНФРА – М, 1998.– 528 с.
29. *Сартр Ж.П.* Экзистенциализм – это гуманизм //Сумерки богов / Сост. и общ. Ред. А.А. Яковлева. – М.: Политиздат, 1990. С.319-344.
30. *Сартр Ж.П.* Экзистенциальный психоанализ // Тихонравов Ю.В. Экзистенциальная психология. Учебно-справочное пособие. – М.: ЗАО «Бизнес-школа» Интел-синтез», 1998. – 238 с., С. 36-57.
31. *Слободчиков В.И., Исаев Е.И.* Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности. Учебное пособие для вузов.– М.: Школа–Пресс, 1995. – 384 с.
32. *Тугаринов В.П.* О ценностях жизни и культуры. – Л.: Изд. ЛГУ, 1960.

33. *Франкл В.* Доктор и душа – СПб.: Ювента, 1997. – 287 с.
34. *Франкл В.* О смысле жизни // Райгородский Д.Я. Теории личности в западно-европейской и американской психологии. Хрестоматия по психологии личности. – Самара: Изд.Дом «БАХРАХ», 1996. – 480 с.
35. *Франкл В.* Психотерапия на практике. – СПб.: «Ювента», 1999. – 256 с.
36. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – 367 с.
37. *Фрейд З.* Основной инстинкт. М.: Олимп; ООО «Изд-во АСТ-ЛТД», 1997. – 656 с.
38. *Фромм Э.* Бегство от свободы; Человек для себя. – Мн.: ООО «Попурри», 1998. – 672 с.
39. *Хорни К.* Наши внутренние конфликты//Райгородский Д.Я. Теории личности в западно-европейской и американской психологии. Хрестоматия по психологии личности. – Самара: Изд.Дом «БАХРАХ», 1996. – 480 с.
40. *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности.– СПб.: Питер Пресс, 1997.– 608 с.

НАПРАВЛЕНИЕ 7. ПСИХОЛОГИЯ СПОРТА

Г.И.Жаркова, А.В.Соболева

Особенности организации психологического мониторинга в спортивной школе

Массовый спорт и спорт высших достижений является одной из важнейших составляющих современного общества.

Непрерывная профессионализация и коммерциализация спорта высших достижений в последние годы, как за рубежом, так и в нашей стране, коренным образом изменили всю систему подготовки спортсменов во многих видах спорта.

Стремительный рост достижений в мировом спорте настоятельно требует неустанного поиска новых, все более эффективных средств, методов и организационных форм подготовки спортивного резерва.

Разработка эффективных методов спортивной тренировки и соревновательной деятельности невозможна без изучения, с одной стороны, характерных особенностей и закономерностей спортивной деятельности, а с другой – личности спортсмена как субъекта этой деятельности. И наряду с другими науками психология спорта, как область психологической науки, изучающая закономерности проявления и развития психики человека в условиях спортивной деятельности, призвана помочь рациональному решению многих практических вопросов в спорте высших достижений.

В настоящей работе мы хотели бы обозначить роль психологического мониторинга в общей структуре инновационной деятельности спортивной школы.

Слово «мониторинг» происходит от латинского monitor – «напоминающий, надзирающий».

Первоначально мониторинговые исследования применялись при изучении окружающей среды и космоса, но затем, в связи с выходом за пределы экологической тематики, наблюдалась тенденция к расширению толкования понятия «мониторинг» и сферы использования мониторинговых исследований.

В теории социального управления мониторинг рассматривают как одно из важнейших, относительно самостоятельных звеньев управленческого цикла, в рамках которого проводится выявление и оценивание управленческих действий [3]. При этом обеспечивается обратная связь, осведомляющая о соответствии фактических результатов деятельности системы ее конечным целям.

С точки зрения методологов, мониторинг – это процесс постоянного отслеживания происходящих в реальной предметной среде процессов и явлений, для включения результатов текущих наблюдений в управленческую деятельность [1].

Мониторинговые исследования нашли свое место и в практике управления педагогическими системами. Здесь под мониторингом понимают специально организованное, систематическое наблюдение за состоянием объектов, явлений, процессов с целью их оценки, контроля, прогноза, научно обоснованную систему периодического сбора, обобщения и анализа социальной информации и представления полученных данных для принятия решений [1]. В соответствии с точкой зрения А.С.Белкина, С.Е.Шишова, мониторинг – это процесс непрерывного научно – обоснованного, диагностико – прогностического слежения за состоянием, развитием педагогического процесса в целях оптимального выбора целей, задач и средств их решения [8].

Мониторинг тесным образом связан со всеми функциями управления, поскольку каждая функция управления выступает как основная точка мониторинга. Другими словами, мониторинг связан с оценкой, реализацией целей и планов. Он применяется везде, где фактически сравниваются намеченные цели и задачи с достигнутыми результатами. Задача мониторинга – свести к минимуму разницу между ними.

По своему внутреннему строению мониторинг в образовательных системах объединяет три важных управленческих компонента:

- контроль различных сторон деятельности школы;
- анализ результатов деятельности;
- систему информационного обеспечения управления.

Мониторинг основывается на этих компонентах, но не заменяет ни один из них, поскольку не может быть ни контролем, ни анализом, ни системой информационного обеспечения. Таким образом, введение мониторинга не ломает традиционную систему, а обеспечивает ее стабильность, долгосрочность и надежность.

Функционально мониторинг состоит из педагогического, психологического и управленческого.

Педагогический мониторинг отслеживает параметры полученных знаний, навыков, умений по конкретным учебным дисциплинам, их соответствие уровню, определенному в государственном образовательном стандарте. Педагогический мониторинг выступает инструментом преобразования собственной профессиональной деятельности педагогов и учебной деятельности учащихся.

Психологический мониторинг отслеживает параметры, которые отражают психические процессы, непосредственно участвующие в усвое-

нии, переработке и хранении информации (познавательные процессы и процессы регуляции деятельности); и параметры, которые не участвуют непосредственно в усвоении материала, но влияют на успешность обучения (структура мотивации, отдельные особенности личности и межличностных отношений).

Управленческий мониторинг отслеживает характер взаимодействия на различных управленческих уровнях в системах: руководитель – педагогический коллектив; руководитель – ученический коллектив; руководитель – внешняя среда; учитель – учитель, учитель – учащиеся; учитель – семья.

В образовательном учреждении педагогический и психологический мониторинг являются основой для принятия управленческого решения. Только на основе педагогически значимой информации, возможно осуществление целенаправленной управленческой деятельности.

Существуют разные подходы к управлению, но все они, так или иначе, исходят из понимания управления как особой функции организации, реализация которой обеспечивает целенаправленность и организованность ее жизнедеятельности и ориентированы на изучение связей между строением и свойствами компонентов управляющей системы, внешними и внутренними условиями деятельности организации и ее результатами.

Сущность управленческой деятельности состоит в осуществлении функций управления: целеполагания, планирования, организации, регулирования и коррегирования, контроля и анализа.

Если мы рассмотрим процесс управления с точки зрения содержания, то он будет представлять собой целенаправленную деятельность органов управления по упорядочению педагогического процесса и переводу всей системы в новое, более высокое качественное состояние.

По форме же процесс управления будет представлять не что иное, как процесс переработки информации, состоящий из трех этапов:

- сбор информации;
- анализ информации;
- управленческое решение.

Важно отметить, что отсутствие необходимой информации об управляемом объекте делает управление невозможным.

Информацию можно рассматривать как ресурс, столь необходимый и важный, как энергетический, сырьевой, финансовый и другие ресурсы, определяющие деятельность организации. На основе получения оперативной и новой информации руководитель интегрирует путем логико-аналитической обработки всю известную ему информацию и принимает решение. В некоторых случаях, когда решения носят стратегический характер

и определяют будущее организации, могут применяться научные и психологические исследования.

Таким образом принятие решения можно рассматривать как процесс целенаправленного преобразования исходной информации о состоянии и условиях функционирования объекта управления, в информацию о наиболее рациональном пути достижения этим объектом желательного состояния.

Обеспечение полной и надежной информацией в нужное время – центральная и наиболее сложная проблема организации управления принятия решений.

Решение данной проблемы возможно на основании данных мониторинга, который представляет руководителю информацию для принятия тактических и стратегических решений, он должен отвечать существующим на данный момент информационным запросам и потребностям руководителя и управленческой команды.

Спортивные школы всех видов и типов являются составной частью системы образования.

Главной задачей для всякой спортивной школы является организация учебно-тренировочного процесса как основы системы спортивной деятельности.

Спортивная деятельность представляет собой сложную систему, в которой субъектом и объектом воздействия является спортсмен, а основным признаком – соревнование. Спортивная деятельность делится на шесть отрезков (компонентов): обучение, тренировка, восстановление, подготовка к соревнованию, соревнование и послесоревнование.

Компонент «обучение» направлен на формирование двигательного навыка, которому спортсмен обучается. На отрезке «тренировка» предметом уже становится уровень развития этого навыка. На отрезке «восстановление» – уровень нервно-психической энергии, который необходимо накопить. Период «подготовка к соревнованию» посвящен уровню готовности всех систем организма. А вот на этапе «соревнование» предметом изучения является не спортивный результат, как можно было бы предположить, а уровень мобилизации резервов, которые спортсмен старается проявить в ходе соревнования задолго до достижения им собственно результата. На отрезке «послесоревнование» предметом становится сам спортивный результат, происходит его осознание, принятие и формирование мотивации к дальнейшей тренировочной и соревновательной деятельности.

Постоянный контроль над этими компонентами позволяет осуществлять эффективное принятие управленческих решений по совершенствованию построения спортивной деятельности.

Традиционно в исследованиях спортивной деятельности фиксируются преимущественно лишь ее результаты, выражаемые в показателях уровня физических качеств и уровня развития двигательного навыка данного вида спорта. При введении мониторинга в структуру спортивной деятельности основное внимание направляется на процессуальные характеристики спортивной деятельности, т.е. на особенности течения самой спортивной деятельности, так как процессуальная информация является гораздо более информативной и оперативной по сравнению со сведениями о результатах деятельности.

Информация о результатах спортивной деятельности накапливалась в течение десятилетий, что же касается собственно процессуальных характеристик спортивной деятельности, то о них имеется гораздо меньше сведений.

Если традиционно решающим фактором для принятия управленческих решений выступает цель, то с введением мониторинга эта роль переходит к «диалогу» цели с текущими процессами, их постоянной взаимосвязи и взаимной коррекции, за счет чего спортивная деятельность осуществляется более целостно.

Объектами мониторинга в спортивной деятельности могут выступать: сама спортивная деятельность (обучение двигательному навыку, уровень развития навыка, уровень нервно-психической энергии, уровень готовности всех систем организма, уровень мобилизации резервов), психическое развитие спортсмена, развитие индивидуальных способностей, зависящих от определенных структур личности, педагогическая деятельность тренера и др.

Эти и другие вопросы чрезвычайно актуальны для спортивной психологии и получение ответов на них возможно именно благодаря психологическому мониторингу.

Включение психологического мониторинга в построение спортивной деятельности позволяет более эффективно использовать при ее построении зону ближайшего развития личности спортсмена.

Конечно, мониторинг как метод применялся и раньше в построении спортивной деятельности, Ведь даже на самых ранних этапах разработки теории спортивной деятельности работа исследователей не сводилась к простому наложению проекта на реальность и ожиданию конечных результатов. Достаточно широко использовались и наблюдение, и тестирование, и лабораторные формы диагностики. Но это были лишь отдельные разрозненные фрагменты.

Совсем другое направление – создание целенаправленной специальной системы мониторинга в рамках построения спортивной деятельности, придание ей статуса основополагающего принципа, осознанного, планомерного, и систематического его применения на всех этапах осуществле-

ния спортивной деятельности. Именно в таком виде – в качестве системы целостной развернутой мыследеятельности внутри процесса построения спортивной деятельности – психологический мониторинг только начинает развиваться.

Четкая направленность психологического мониторинга на особенности процессов изменения личности предполагает обнаружение и фиксацию многочисленных непрогнозируемых, неожиданных результатов реализации спортивной деятельности. Обычно при анализе спортивной деятельности учитывается, прежде всего, лишь общее, типичное. Обнаружение психологических препятствий спортивной деятельности непосредственно в процессе ее осуществления требует введения корректировочных механизмов. Естественно, без мониторинга эти проблемы не могут быть не только решены, но и отчетливо поставлены.

Конкретные способы принятия управленческих решений в системе психологического мониторинга чрезвычайно разнообразны. Так, решения могут быть непосредственные (сразу же после получения необходимой информации воплощаться в жизнь, немедленно) или отсроченные (воплощаться спустя некоторое время, пока для этого созреют предпосылки, связанные с формированием спортивной деятельности, или после длительного осмысления зафиксированной конкретной ситуации и неспешного выбора средств ее разрешения); изменяющие отдельные частные, тактические аспекты построения спортивной деятельности или направленные на изменения общих, стратегических аспектов ее построения, направленные преимущественно на коррекцию неудачно складывающихся действий ученика или изменения в деятельности тренера или коррекцию самого процесса организации спортивной деятельности в школе и т.д.

Способы осуществления психологического мониторинга в спортивной деятельности целесообразно разделить на две группы:

- способы сбора информации, регистрации состояния текущих процессов.
- способы учета полученных данных для принятия управленческих решений и регуляции построения спортивной деятельности.

Последовательное проведение психологического мониторинга приводит к тому, что для управленческих решений оказывается принципиально недостаточным составленный набор типовых заготовок. Мониторинг порождает постоянный творческий поиск, задает ему конкретные разнообразные направления. Каждый случай расхождения замысла и реальности, не предусмотренный в типовых заготовках, и любой непрогнозируемый результат выступают как микропроблема. В результате происходит проблематизация всего хода построения спортивной деятельности, что, несомненно, активизирует научную разработку связанных с ней проблем.

Таким образом, особенность психологического мониторинга, созданного в спортивной школе, состоит в том, что сам процесс его разработки, апробации и последующего осуществления выступает основанием для творческого развития тренерско-преподавательского состава в сотрудничестве с психологической службой.

Итак, психологический мониторинг в спортивной школе дает возможность руководителю отслеживать процессы, которые происходят на стадиях становления спортсмена высокого класса. Возможность активного влияния на данные процессы средствами управленческой деятельности позволяет руководителю оказать реальную помощь и тренеру, и спортсмену.

Система психологического мониторинга учебно-тренировочного процесса может рассматриваться как важная фаза становления инновационной деятельности спортивной школы.

Литература

1. *Белкин А.С. и др.* Основы педагогических технологий (краткий толковый словарь). – Екатеринбург, 1995
2. *Горб В.Г.* Педагогический мониторинг образовательного процесса как фактор повышения его уровня и результатов. //Мониторинг образовательного процесса, 2000 – №5, с. 33-35
3. *Зайчикова Т.Н.* Формирование системы мониторинга уровня предметных достижений учащихся. //Мониторинг образовательного процесса, 1999 – №6, с. 36-41
4. *Конаев Б.И.* Результат психологического процесса – Тольятти, 1998
5. *Конаржевский Ю.А.* Менеджмент и внутришкольное управление. – М., 1999
6. *Матрос Д.Ш., Полев Д.М., Меньшикова Н.Н.* Управление качеством образования на основе новых информационных технологий и образовательного мониторинга. – М., 1999.
7. *Сопов В.Ф.* Психологическая подготовка к максимальному спортивному результату. – Самара, 1999
8. *Фишман М.И.* Логика управления. Пособие по курсу «Теоретические основы управления образовательными системами». – Самара, 1999
9. *Шibaева Л.В., Кузнецова Н.М., Гранкина Т.Г.* Система отслеживания успешности и продуктивности основных направлений образовательной деятельности школы. //Мониторинг образовательного процесса, 2000 – №1. с. 56-59

10. *Цырлина Т.В.* Авторское письмо: Варианты эффективного управления.//Директор школы, 1999 – №1. с. 125

НАПРАВЛЕНИЕ 8. ПСИХОЛИНГВИСТИКА

Д.Ю.Сысоев

Явление рефлексивной симметрии в языке

Характеризуя современное положение и задачи психолингвистики, А.А.Залевская пишет, что «трактовка союза психологии с лингвистикой как неудачного и ведущего к разочарованию содержится в статье Mc-Cauley, где подчеркивается, что интеграция возможна, если хотя бы одна из вступающих в союз наук располагает стабильной зрелой теорией» [1, с. 15]. И далее: «Психолингвистика – это научная дисциплина, пытающаяся разработать лингвистически и психологически валидную теорию, которая объяснила бы природу языка и его усвоение детьми» [1, с. 16]. Возникает вопрос – где искать такую теорию языка?

Исходные представления.

Явление рефлексивной симметрии в языке связано с целенаправленным характером коммуникативных актов, или речевых актов. Допустим, вы протягиваете руку своему знакомому и произносите: «Здравствуй!». Если заострить внимание только на языковом выражении, то что именно вы хотите сообщить? Может быть, вы хотите в буквальном смысле пожелать ему доброго здоровья, возможно, что вы хотите просто обозначить свое присутствие в его поле зрения, не исключено, что вас прежде всего интересует, чтобы он знал, что вы по-прежнему на «ты», вполне может быть, что вы хотите продемонстрировать ему звучание вашего голоса. Осознавая свое коммуникативное послание различными способами, вы придете к попарно рефлексивно-симметричным речевым актам.

Согласно М.А.Розову рефлексивно симметричными являются «два такие акта деятельности, которые отличаются друг от друга только осознанием результата и взаимно друг в друга преобразуются путем изменения нашей рефлексивной позиции. Допустим, осуществляя некоторые действия, мы рассматриваем результат «А» как основной, а результат «Б» – как побочный. Смена рефлексивной позиции будет заключаться в том, что «А» и «Б» меняются местами, т.е. «Б» становится основным продуктом, ради которого осуществляются действия, а «А» переходит в разряд побочных результатов. Очевидно, что «физическая» природа наших действий при этом не претерпевает никаких изменений, т.е. остается инвариантной» [2, с. 105]. Аналогично дело обстоит и с речевыми актами. Допустим, что произнося цепочку звуков D, мы стремимся к цели А, при этом побочным результатом данного речевого акта является и цель Б. Речевой акт, пред-

полагающий Б основной целью, а А – побочной, будем называть рефлексивно симметричным первым. Таким образом, рефлексивно симметричные речевые акты отличаются только осознанием основного и побочного результатов, цепочка звуков, произносимых при этом, является инвариантной.

На интересный пример такого рода указывает Н.Хомский, анализируя различные способы понимания исходного, сообщаемого слушающему предложения «Невидимый Бог создал видимый мир» [3, с. 8]. Хомский обращает внимание на тот факт, что слушающий может понять это предложение разными способами: 1. Бог невидим. 2. Мир видим. 3. Бог создал мир. Для того, чтобы рефлексивная симметрия этих речевых актов (здесь противопоставление говорящего и слушающего не принципиально) стала очевидной, позволим себе переписать их следующим образом: 1. Бог невидим, и он создал видимый мир. 2. Мир видим, и он создан невидимым богом. 3. Бог создал мир, будучи невидимым. Очевидно, что мы здесь сталкиваемся с попарно рефлексивно симметричными речевыми актами.

Введенные представления о рефлексивно симметричных речевых актах нуждаются в детализации. Суть дела заключается в том, что каждый речевой акт, с одной стороны, выполняет коммуникативные функции, позволяя говорящему передать определенную информацию слушающему, а с другой – служит или может служить образцом при построении другого речевого акта. Во втором случае речевые акты образуют цепочку, которую принято называть элементарной социальной эстафетой. [2, с. 120-121] Данное явление давно было обнаружено и зафиксировано лингвистами. К сожалению, такой способ существования языка – построение одних речевых актов по образцу других – не стал еще опорной точкой роста лингвистического анализа. Так, к примеру, О.Есперсен в своей книге «Филология грамматики» писал: «Важно то, что создавая предложение, говорящий опирается на определенный образец. Независимо от того, какие слова он подбирает, он строит предложение по этому образцу. И даже без специальной подготовки в области грамматики мы чувствуем, что предложения John gave Mary the apple (Джон дал Мери яблоко), My uncle lent the joiner five shillings (Мой дядя одолжил столяру 5 шиллингов) являются аналогичными, т.е. что они созданы по единому образцу» [4, с. 17].

Противопоставление «внутренних» результатов – функционирование речевого акта в качестве образца при построении другого речевого акта, – «внешним», т.е. результатам, состоящим в сообщении информации или достижении коммуникативных целей, порождает ситуацию сосуществования в языке различных типов рефлексивно симметричных речевых актов. При построении типологии рефлексивно симметричных речевых актов я следую классификации рефлексивно симметричных актов деятельности М.А.Розова [2, с. 110-120].

В качестве исходного примера рассмотрим следующую ситуацию. Допустим, что мы присутствуем при диалоге, где один человек – слушающий – способен задавать вопросы и понимать ответ, а второй – говорящий – способен отвечать на них, произнося общепринятые цепочки звуков. Ограничимся для простоты однословными предложениями. Предположим, что слушающий указывает на ряд домов, стоящих вдоль улицы, и спрашивает: «Как называются эти предметы?» Говорящий отвечает: «Дома». Заметим, что при этом он, во-первых, хочет сообщить название предметов – и эта цель для собеседника является основной, и, во-вторых, указывает на то, что речь идет о нескольких домах, а не об одном, – а это в данном случае является побочным результатом. Легко можно представить, что слушающего интересует ответ на несколько другой вопрос: «Как охарактеризовать множественность этих предметов?». Здесь ответ говорящего «Дома» предназначен для характеристики множественности – и это является уже основной целью речевого акта, а сообщение о названии становится побочным результатом. Мы получаем два рефлексивно симметричных речевых акта, отличающихся только выделением разных коммуникативных целей в качестве основной и побочной. Такого рода симметрию принято называть предметной рефлексивной симметрией.

Следующий тип симметрии, основанный на многообразии «внешних» результатов, и непосредственно связанный с первым – объектно-инструментальная симметрия. Описывая данный тип симметрии, М.А.Розов пишет: «Она имеет место всегда, когда мы сталкиваемся с поляризацией предметов, с которыми мы оперируем, на объекты – на них направлены действия, и средства, при помощи которых достигаются поставленные по отношению к объектам цели. Если предметная симметрия оставляет эту поляризацию инвариантной, то при объектно-инструментальном рефлексивном переключении объект и средства меняются местами» [2, 114]. Так, в нашем примере, название предметов и их множественность являются двумя возможными целями коммуникации, а средством их выражения является слово «дома». Однако слушающего может интересовать и ответ на вопрос: «Какое слово употребляется для название этих предметов?», т.е. его может интересовать само слово. Ответ говорящего «Дома», в данном случае, призван донести информацию именно о слове, а указание на множественность или название являются уже средством.

Симметрия программно-предметная связана с противопоставлением «внутренних» и «внешних» результатов срабатывания социальной эстафеты. Говорящий вполне может сменить исходную цель и начать просто демонстрировать образец, надеясь на его воспроизведение слушающим. Полагаю, что демонстрация образцов вполне может являться основной и часто реализуемой целью в актах коммуникации. В итоге мы получаем два рефлексивно симметричных речевых акта, связанных программно-пред-

метной симметрией, основанной на противопоставлении практических задач коммуникации и воспроизведения речевых актов по образцам.

Соотношение частей речи и членов предложения.

Но какое отношение все это имеет к традиционным представлениям о способах анализа естественного языка в лингвистике? Покажем, что существование в языке рефлексивно симметричных речевых актов несет в себе потенциал, вполне способный объяснить языковые явления, давно ставшие неотъемлемой компонентой нашего взгляда на язык, строение и способы функционирования грамматических категорий.

Начнем с представления о частях речи. В принципе, было бы весьма интересно ответить на вопрос о том, какие именно механизмы языка обуславливают наше восприятие различных частей речи как таковых. Действительно, вполне можно задаваться вопросом: Каковы причины, обуславливающие наше восприятие данного набора звуков как существительное или, скажем, глагол, причины, вероятно, принадлежащие самому языку? Такой вопрос, с моей точки зрения, не просто правомерен, он ведет к новому типу объяснений явлений, которые принято фиксировать при анализе естественных языков. Замечу, что вопросы именно этого типа, обычно не ставятся. Меня, однако, в рамках данной статьи он интересует как имеющий право на существование, во-первых, и, во-вторых, как вопрос, на который не просто нужно, но и можно отвечать. Это требует специального исследования.

Вопрос же, на который я намерен ответить здесь, можно поставить так: Как соотносятся друг с другом различные части речи? Ограничу свою задачу одной из общепринятых трактовок существительных, глаголов и прилагательных. Я осознано при этом уменьшу и огрублю различные трактовки и объемы данных терминов в целях выяснения принципиальной схемы их соотношения. Тезис, который, как мне кажется вполне можно доказать, формулируется так: соотношение различных частей речи друг с другом основано на существовании в языке предметно симметричных и объектно-инструментально симметричных речевых актов.

Начнем с существительного. Согласно определению В.М.Живова, существительные – «класс полных слов (частей речи), который включает в себя названия предметов и одушевленных существ и может выступать в предложении по преимуществу в качестве подлежащего и дополнения. Основное и универсальное членение частей речи на существительное и глагол соотносится с членением высказывания на субъект предикации и предикат: типичная функция существительного – обозначение субъекта предикации (или вообще основных актантов предиката), глагола – обозначение предиката» [5, с. 499]. И действительно, мы легко идентифицируем такое, к примеру, выражение, как «Снег» с обозначением соответствующего типа осадков. Но суть дела заключается в том, что мы способны вы-

делить существительные в отдельный класс частей речи только потому, что они «выполняют функцию субъекта предикации». Но позвольте, ведь изначально речь шла о том, что всякое существительное является названием того или иного предмета! Каким образом предикация вмещивается в номинативную функцию слов?

Поставим вопрос по-другому и, как представляется, более принципиально: почему, как утверждает В.М.Живов, членение частей речи на существительное и глагол является «основным и принципиальным»? Можно говорить о том, что в большинстве языков мы можем – правда, ценой изменения критериев, - выделить именно эти части речи. Но суть дела, с моей точки зрения, заключается вовсе не в этом, а в том, что мы сначала выделяем «основные» части речи – существительное и глагол, затем – глагол и прилагательное, и т.д. Почему и откуда возникает это «магическое» для лингвистики число 2?

Позволю себе отступление в область общей физики. Сравним две ситуации. Известно, что палка, опущенная в воду, воспринимается нами как надломленная у поверхности воды – и при этом, как уже известно, эта иллюзия восприятия объясняется законом преломления света при прохождении двух разных сред, воды и воздуха. Речевой акт, к примеру, «Идет дождь», который представляет собой континуум звуковых колебаний и в котором, как известно уже со времен «Курса общей лингвистики» Ф. Де Соссюра, мы в принципе не можем выделить отдельные звуки и, следовательно, провести акустическую границу между двумя словами – *идет* и *дождь* – воспринимается и понимается нами как состоящий из двух отдельных слов, репрезентирующих соответствующие классы частей речи, существительного и глагола. Очевидно, что эти две ситуации очень похожи. Остается только вопрос: А какова та реальность, которая обуславливает именно такое наше восприятие и понимание речевого акта? Такой реальностью – реальностью языка или способом его существования – является континуум социальных эстафет, включающий в себя и эстафеты языка.

А раз так, то и ответ на вопрос о причинах возникновения или магии числа 2 следует искать в явлениях этого континуума. А именно – в существовании рефлексивно симметричных речевых актов.

Действительно, если отвлечься от специфики номинативных функций существительного и глагола, то не требуется специально доказывать, что два речевых акта, репрезентирующих в нашем сознании цепочку звуков «Идет дождь», первый из которых имеет целью донести до слушающего информацию о том, что идет именно дождь, а не снег, а второй – о том, что дождь именно идет, а не льет как из ведра (ясно, что подбор примеров подсказывает сам язык), - связаны программной симметрией. Имеет ли значение объектно-инструментальная симметрия речевых актов при анализе соотношения частей речи? Думаю, да. Академик Л.В.Щерба писал:

«без существительного, явного или подразумеваемого, нет прилагательного» [6, с. 85]. Как это можно объяснить? А так, вероятно, что в повествовательном предложении «Идет белый снег» слово *белый* играть роль средства – как в только что рассмотренном выше случае, а может стать основной коммуникативной целью для говорящего – его вполне может вопрос об адекватности собственного цветовосприятия, для доказательства которого он и укажет слушающему на цвет снега, идущего за окном. И в данном случае, очевидно, мы сталкиваемся в явлением объектно-инструментальной рефлексивной симметрии речевых актов.

Если теперь обратиться к соотношению друг с другом членов предложения, то легко выяснить, что мы здесь сталкиваемся с той же закономерностью. Так, к примеру, в статье Н.Д.Арутюновой сказано: «Подлежащее – один из двух главных членов предложения, указывающий на объект, к которому относится сообщаемое; ядерный компонент состава подлежащего (подлежащее и зависимые от него согласованные и не согласованные определения). Подлежащее связано предикативным отношением со сказуемым ... Позицию подлежащего обычно занимают существительные в форме именительного падежа и их эквиваленты» [5, с. 379]. Обратите внимание на бросающийся в глаза факт: описание подлежащего и существительного построены по одной и той же схеме. Это вовсе не случайность и не оплошность лингвистики. Это описание одних механизмов языка с различных точек зрения. При выяснении связей между подлежащим и сказуемым, с одной стороны, и подлежащим, сказуемым и определением – с другой, мы обнаруживаем те же типы рефлексивно симметричных речевых актов. Связь подлежащего и сказуемого основана на предметной симметрии, а подлежащего, сказуемого, определения – на объектно-инструментальной.

Здесь нужно вернуться к аналогии со светом и нашим восприятием языка. Необходимо осознать, что текст как таковой осознается и записывается нами под воздействием эстафетных механизмов, образующих тело языка. Именно этим объясняется тот факт, что континуум звуков «идет-дождь» записывается и понимается нами как предложение, состоящее из двух слов. Та легкость, с которой мы осуществляем сегментацию звукового потока, указывает на нашу способность совершать рефлексивно симметричные переключения того или иного типа. Сами же переключения и осознаются нами как выделение различных, но связанных друг с другом частей речи или членов предложения.

Каковы те различные точки зрения, которые обуславливают наше противопоставление частей речи членам предложения? Проиллюстрирую свою позицию на примере соотношения существительного и подлежащего. Итак, согласно Н.Д.Арутюновой «подлежащее ... указывает на объект, к которому относится сообщение ... Позицию подлежащего обычно зани-

мают существительные в форме именительного падежа». А согласно В.М.Живову, «существительные – класс слов, включающий в себя названия предметов ... может выступать в предложении по преимуществу в качестве подлежащего и дополнения».

Допустим, что у нас есть образец употребления слова «дом» как указания на соответствующий объект. Это – номинативная функция слова или название класса предметов. Воспринимая под воздействием этого образца предложение «Дом стоит», мы, конечно, можем понять первое слово как название соответствующего объекта. Но обратите внимание на следующее: если в первом случае «дом» – это указание на объект, то во втором это слово в предложении «Дом стоит» воспринимается как название объекта только потому, что у нас есть образец такого употребления слова. Теперь мы можем – что и фиксируют описания Н.Д.Арутюновой и В.М.Живова – воспринимать «дом» в «Дом стоит» и как указание на объект, и как ответ на вопрос «Что это там виднеется?». А это два различных понимания, так как второе – это «указание на объект, к которому относится сообщаемое». Это означает, что противопоставление подлежащего и существительного в нашем сознании возникает в результате противопоставления двух различных типов описания: первый – это фиксация цели речевого акта, а второй – исполнение речевым актом функции образца при понимании или построении другого речевого акта. Очевидно, что противопоставление подлежащего и существительного и, шире, членов предложения частям речи в нашем сознании обусловлено существованием в языке программно-предметных речевых актов.

Выводы.

Мне представляется, что в этой статье я не столько полно и доказательно ответил на поставленные вопросы, сколько чуть-чуть приоткрыл дверь, ведущую нас в мир языковой реальности, реальности, обуславливающей наше восприятие и саму жизнь языка. Если кратко резюмировать изложенное, то та «теорема», которую я пытался доказать, формулируется так: существование рефлексивно симметричных речевых актов позволяет объяснить связь между интуицией носителя языка и категориями, в рамках которых проводится лингвистический анализ. А именно – они рефлексивно симметричны. Конечно, доказать этот тезис в полном объеме – задача будущего, поскольку здесь обитают и проблема сегментации, и вопросы о соотношении тематического и формального членения, вопрос о соотношении глубинной и поверхностной структуре, фундирование морфологического анализа и многие другие.

Литература

1. *Залевская А.А.* Введение в психолингвистику. М., 1999.

2. *Розов М.А.* Явление рефлексивной симметрии при анализе деятельности. // Теория познания. Т.4., М., Наука, 1995.
3. *Хомский Н.* Аспекты теории синтаксиса. М., 1972.
4. *Есперсен О.* Философия грамматики. М., Иностранная литература, 1958.
5. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. / Гл. р. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.
6. *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

НАПРАВЛЕНИЕ 9. КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

В.В.Волов

Психодинамика сферы влечений как функциональный критерий психической устойчивости

Исследование неосознаваемой (бессознательной) сферы психики является фундаментальной проблемой психологической науки. Теории влечений ведущих исследователей обнаруживают общие тенденции. Авторы подчеркивают дуалистическую природу влечений: биологическая сущность (источник) и психологическое выражение (потребности, желания, мотивы). Уже в рамках ортодоксального психоанализа (З.Фрейд) выявляется связь влечений со сферой инстинктов на биологическом уровне и со сферой аффективности – на психологическом. Исследования и анализ влечений с различных позиций приводит представителей разных психологических школ и направлений (К.Г.Юнг, В.Райх, Л.Сонди, Э.Кречмер, Ш.Ференци, К. Левин., Н.Hartmann, Н.Kohut, Schafer, Ricoeur, Stoller, А.Кемпински, В.Тэхэ) к единому, энергетическому, пониманию сущности влечений, отмечая их движущую роль в функционировании психики.

В связи с «энергетической» сущностью, содержанием влечений, исследование этой сферы, в конечном счете, дает возможность оценить состояние психики, ее динамические характеристики, а, кроме того, наличие патологических тенденций на сознательном и бессознательном уровне.

Применение методологии других наук в изучении влечений (принципов экономики З.Фрейдом, физики К.Г.Юнгом, генетики Л.Сонди) является закономерной тенденцией в развитии психологической науки. Использование универсальных методов и принципов естественнонаучного знания позволяет раскрывать сущность изучаемого объекта на новом уровне, выявлять скрытые закономерности и механизмы таких сложных явлений, как влечения, исследование которых может проводиться только косвенными методами.

Разработка методологии влечений, построение базовых классификаций в рамках теорий психоанализа, аналитической психологии, индивидуальной психологии, оргонной психологии, теории конституциональных различий находят свое обобщение и развитие в теории влечений Л.Сонди. В рамках этой теории, опирающейся на принципы психоанализа и методологию генетики, классификация влечений приобретает законченный вид,

создается более совершенный аналитико-информационный метод их интерпретации и универсальный психодиагностический аппарат их мониторинга для оценки состояния и функционирования психики на энергетическом уровне.

Для оценки функционирования любой сложной системы необходимо знать ее предельные состояния. Таким предельным состоянием для психики является параноидная шизофрения, характеризующаяся диссоциацией основных психических процессов, снижением энергетического потенциала, развитием эмоционально-волевого дефекта личности, отстранением от реальности и уходом во внутренний мир.

В данном исследовании функционального показателя психической устойчивости был использован *информационно-термодинамический* метод, применяемый для комплексного изучения сложных систем, находящихся до и после «скачка» системы, то есть в равновесии и неравновесном состоянии, основанный на принципах классической и неравновесной термодинамики в их информационной интерпретации. Данный метод позволяет учитывать диссипативные, т.е. деструктивные, необратимые процессы. Поэтому именно он избран обобщающим методом анализа в исследовании шизофрении диагностических данных по динамике влечений.

Информационно-термодинамический метод при анализе психодинамики влечений вполне приемлем и ввиду того, что позволяет формализовать описание состояния психики, как системы, используя такие понятия, как условная энтропия, критерии статической и динамической устойчивости.

Психика, являясь сложной открытой системой, отвечает всем характеристикам, позволяющим рассматривать ее как открытую и нелинейную (информационно-термодинамическую).

Любая самоорганизующаяся система, обменивающаяся энергией, информацией, продуктами своей жизнедеятельности со средой, по определению открытая. Правомерность рассмотрения психики человека как сложной открытой нелинейной системы имеет под собой основания. Психика человека, как условная подструктура макросистемы «человек», обеспечивает, прежде всего, информационный обмен со средой. Основные динамические психические величины можно подразделять на подмножества быстрых и медленных переменных. К быстрым динамическим психическим характеристикам следует отнести, прежде всего, влечения, как побуждающие силы организма. К ним же можно отнести стремления, мотивы и другие производные влечений. К медленным динамическим характеристикам психики человека можно отнести темперамент, черты характера и личностные факторы. При подразделении взаимодействующих подсистем на быстрые и медленные можно достичь предсказуемости поведения всей системы, которое иначе должно быть признано непредсказуемым, то есть

хаотическим.

Как известно, в физическом мире имеются две основные формы энергии с точки зрения их утилизации. К первой форме относятся виды энергии, которые могут быть полностью (теоретически) утилизированы, – например, в другие формы энергии или полезную работу. И данный вид энергии не может характеризоваться энтропией (мера хаоса). Ко второй форме энергии относятся те, которые даже в идеальном случае не могут быть полностью преобразованы в другие виды энергии или работу.

Все живое подвержено старению (2-ое начало термодинамики). Именно поэтому в них превалирует вторая форма энергии. То есть такие системы характеризуются ее *энтропией*. Психика, являясь отраженной реальностью, обнаруживая связи с высшей нервной деятельностью (ВНД), подчиняется этому принципу. И сфера влечений, соответственно, также относится ко второй форме энергии. Именно такой подход позволяет в целом судить о состоянии системы, в данном случае психики, и предсказывать ее поведение.

В настоящем исследовании подсознательной сферы влечений (неосознаваемой) в качестве психодиагностического инструментария исследования применялась *методика портретного выбора Л. Сонди*. Методика, разработанная в 30-е годы венгерским психиатром Л. Сонди, основана на технике аффективного выбора (Франк Л., 1900). При интерпретации результатов использован психодинамический подход (З.Фрейд, 1920) и принципы теории влечений (Сонди Л., 1935). Валидность и надежность метода подтверждена рядом исследователей (Собчик Л.Н., Лапин В.А., 1987 и др.). Помимо стандартных алгоритмов интерпретации и качественных оценок в работе с этой методикой использован анализ количественных динамических характеристик на основе метода гармонических колебаний (автор.). *Аппроксимация* результатов лонгитюдного исследования психодинамики влечений выполнена на основе периодической функции с помощью программного пакета MathCAD. В качестве аппроксимирующей кривой выбрана одна из периодических функций (Фурье-анализ). Для решения задачи отображения результатов тестирования непрерывной периодической функцией использовался нелинейный метод аппроксимации Квази-Ньютона. Решая n уравнений с четырьмя неизвестными (где n – количество результатов исследования, $n > 4$), получаем функцию, максимально приближенно описывающую процесс. Основная кривая функции колебаний выбирается по превалирующей в исследовании тенденции из парных чисел, отражающих количество положительных и отрицательных выборов, преобладающих в паре значения (не менее трех раз). Парное значение откладывается от основной моды в виде флуктуаций. Положительные флуктуации откладываются вверх (пики), а отрицательные – вниз (западения). Логика и смысл значений психодинамики влечений сохраняется и

полностью соответствует методу Л.Сонди, при этом выявляются количественные данные и новые диагностические критерии психического состояния.

Исследование психодинамики влечений. При исследовании психодинамики влечений с помощью проективной методики Л.Сонди у женщин и мужчин основной группы выявлены аутодеструктивные тенденции по эго-вектору «Sch-+» (k-p+), связанные с реакциями измененного восприятия реальности (стабильная реакция k-). Определена инертность коммуникативных потребностей по контактному влечению «C-+» (d-m+). Выявлен «либидозастой» по сексуальному влечению, о чем свидетельствуют повторяющиеся реакции «h+!». В комплексе данные свидетельствуют о внутреннем конфликте. В контрольных группах аутодеструктивных и других патологических тенденций не обнаружено.

Выявлены гендерные различия психодинамики влечений, как у больных, так и у здоровых. Психодинамику влечений мужчин БПШ отличают аутодеструктивные тенденции (постоянные реакции h+s-). В интерпретации Л.Сонди такая реакция может указывать на неинтегрированный конфликт, связанный с сексуальностью (S+-). Подавление сексуального влечения у БПШ сопровождается девальвацией (негацией «я»), о чем говорит устойчивая связь «s-k-» в профиле больных. Качественные отличия связаны и с аллодеструктивными тенденциями: отрицание ценностей «суперэго» – признак и механизм внутреннего конфликта у мужчин при параноидной шизофрении (s-k-). Факторная картина по эго-влечению: «k-p+». При этом коренным фактором является «k», не изменяющийся в динамике, «p» – симптоматический, то есть имеющий выраженную динамику. Это говорит о том, что нагрузка фактора имеет механизм защиты: именно «p+» противостоит деструкции «я» в «k». Противоположное направление факторов в векторе отражает конфликт «эго». Динамика факторов Р-вектора асинхронно и не позволяет выявить устойчивую векторную картину.

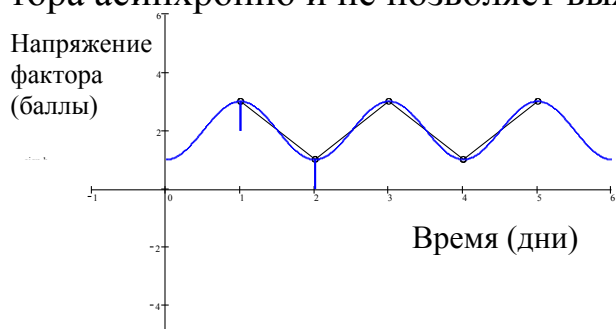

Рисунок 5.
Пример динамики h-фактору
в контрольной группе

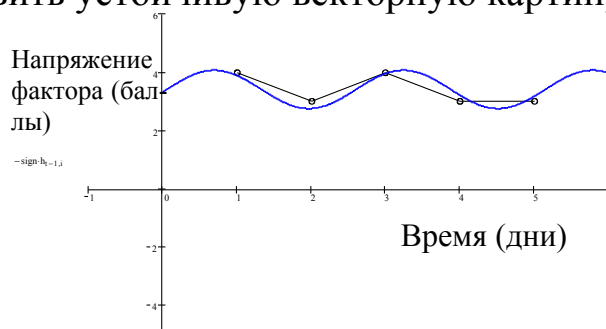

Рисунок 6.
Пример динамики h-фактора в группе БПШ

Психодинамика влечений у здоровых и больных параноидной ши-

зофренией отличается и на количественном уровне по спектру амплитудно-частотных характеристик и режиму колебаний (рис.5,6). При параноидной шизофрении установлены изменения динамики факторов влечений в сексуальном, пароксистическом и эго-векторах. В частности, динамика пароксистического вектора у больных характеризуется неустойчивым режимом, высокими и возрастающими во времени флуктуациями по е-фактору при отсутствии устойчивого режима колебаний. У женщин отмечаются флуктуации порядка амплитуды по hu-фактору, гашение колебаний факторов (e,hu) пароксистического влечения (P) при наложении их волн, находящихся в противофазе, что говорит о нарушении механизма эмоционального контроля. Нарастание флуктуаций во времени отмечается также по параноидному фактору эго-влечения.

Полученные данные свидетельствуют о неустойчивом режиме колебаний, десинхронизации и дестабилизации влечений, связанные с режимом колебаний факторов, нарастанием флуктуаций. Динамика влечений у здоровых обладает широкой вариабельностью, большей степенью свободы, устойчивостью и отсутствием тенденций к нарастанию флуктуаций (рис.7,8).

Разработанная модель, отражающая динамику влечений при параноидной шизофрении, может быть использована как для оценки актуального состояния, так и прогноза психоза у больных.

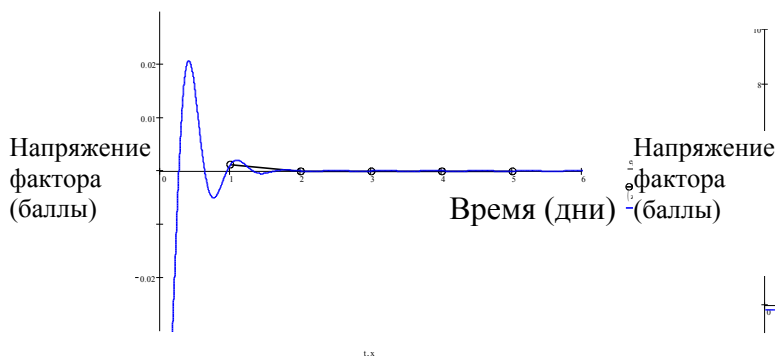

Рисунок 7.

Пример «затухания» флуктуаций в норме

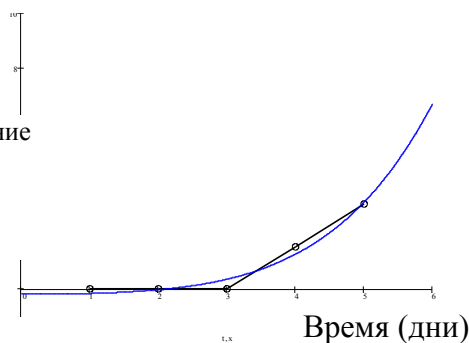

Рисунок 8.

Таким образом, на основе проведенного системно-синергетического анализа установлено, что выделенные нарушения психодинамики влечений при параноидной шизофрении в комплексе отражают интрапсихический деструктивный конфликт. Психодинамика влечений при параноидной шизофрении отличается от нормы на количественном (нарушение динамики и фазности факторов влечений, десинхронизация, изменение амплитудно-частотных характеристик) и качественном (аутодеструктивные, аллодеструктивные неосознаваемые тенденции) уровнях при выраженных

гендерных различиях. Выявленные отклонения психодинамики влечений одновременно отражают механизмы самоорганизации психики на функциональном уровне в предельном неравновесном состоянии, как выражение стремления системы к устойчивости.

НАПРАВЛЕНИЕ 10. ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

Е.В.Литягина, С.А.Малова

Особенности эмоционального выгорания у работников детских учреждений интернатного типа

В течение последних нескольких десятилетий психологи активно занимаются исследованием феномена психического «выгорания». Актуальность этой проблемы обусловлена возрастающими требованиями со стороны общества к квалификации преподавателя, его личности и роли в учебном процессе. Многочисленные исследования показывают, что педагогическая профессия – одна из тех, которая в большей степени подвержена влиянию феномена психического выгорания.

Синдром эмоционального выгорания появляется у здоровых людей, «помогающих» профессий. Специалисты помогающих профессий постоянно находятся в такой психологической атмосфере, которая перегружена очень сильными интенсивными эмоциями. Специалист помогающей профессии вынужден оказывать профессиональную помощь обратившемуся к нему человеку, в каком бы эмоциональном состоянии не находился в этот момент он сам. Известный американский психолог К.Роджерс определил помогающие отношения как отношения между людьми, в которых, по крайней мере, одна из сторон намеревается способствовать другой стороне в личностном росте, развитии, улучшении жизнедеятельности, формировании зрелости и др. [6]. Таким образом, к группе помогающих профессий можно отнести врачей, педагогов, воспитателей, социальных работников и социальных педагогов, менеджеров, бизнесменов, политиков, продавцов, журналистов и других специалистов, которые тесно и интенсивно общаются с другими людьми. Главным источником эмоционального выгорания всеми специалистами признается взаимодействие с людьми.

Понятие «синдром эмоционального выгорания» был предложен американскими психологами в 1974 г. (Х.Дж.Фрейденберг). Эмоционального выгорание имеет физические и психологические, поведенческие проявления. К физическим проявлениям синдрома относят общий пониженный энергетический тонус (астения), частые головные боли, бессонницу. Психологическими проявлениями синдрома являются: переживание скуки, сниженный энтузиазм, возможно чувство обиды и несправедливого отношения к себе (со стороны руководства, коллег по работе, родственников и

жизни вообще), неуверенность в собственных силах, раздражительность, неспособность принимать решения и др. характерно, что вышеперечисленные симптомы проявляются не только на работе, но и в других сферах жизни – дома, в отношениях с друзьями и близкими [3].

Эмоциональное выгорание представляет собой сформировавшуюся у человека защитную реакцию. Человек психологически защищается от психотравмирующих воздействий, частично или полностью утрачивая способность эмоционального реагирования. Отрицательные последствия такой сформировавшейся психологической защиты состоят в том, что человек перестает эмоционально реагировать на чужих ему людей, он начинает общаться таким же образом и с близкими ему людьми. Риск получить эмоциональное выгорание возрастает с увеличением времени, которое человек проводит на работе [3].

Педагоги являются профессиональной группой, особенно подверженной эмоциональным перегрузкам. Этому способствует ряд стрессогенных факторов. К профессиональным факторам, провоцирующим стресс у педагога, относят: необходимость является предметом наблюдения и оценивания, постоянно подтверждать свою компетентность и статус, разрешать конфликтные ситуации, а также высокая ответственность, постоянная задействованность коммуникативных, экспрессивных, организаторских способностей; многочасовая работа, неценная должным образом; информационная перегрузка, особенности атмосферы преимущественно женского коллектива [1].

Педагоги детского дома имеют еще больший риск для формирования эмоционального выгорания, связанного с особенностями профессиональной деятельности в учреждениях интернатного типа и спецификой контингента воспитанников. Среди особенностей и трудностей педагогической и воспитательной работы выделяют высокое психическое напряжение, необходимость сопереживать, проявлять эмпатию, как основные компоненты профессиональной позиции педагога. Однако учителя оказываются не готовы к профессиональному использованию способности к сопереживанию, тяжело переносят эмоциональные перегрузки, у них отсутствуют (не сформированы) соответствующие знания, умения и личностные качества, которые необходимы для минимизации и преодоления эмоциональных трудностей в профессии.

Рассогласованность профессиональных требований с ожиданиями и возможностями человека приводит не только к снижению уровня профессионализма, но и к деформации личности. одной из форм деформации эмоциональной сферы личности и выступает синдром выгорания как приобретенный стереотип экономного расходования энергетических ресурсов.

Синдром эмоционального выгорания формируется постепенно, проходя три последовательные стадии. Постепенно у человека накапливаются симптомы, связанные с напряженной психологической (эмоциональной) атмосферой на работе.

Первая стадия характеризуется хронической усталостью, эмоциональным истощением и опустошенностью. Исчезает радость жизни, все кажется серым и безрадостным. Люди на этой стадии часто находятся в состоянии растерянности, у них путаются мысли и замедляется темп принятия решения. Они могут долго обдумывать и затягивать решение важных проблем, часто делают перерывы в работе, не могут приступить к реализации замыслов. Переживания первой стадии «выгорания» характеризуются уходом от реальности, дневными грезами, несбыточными мечтами, возможно также ощущение, что человек находится в ловушке работы. У людей часто меняется настроение. Симптомы первой стадии «выгорания» следует рассматривать как знаки, на которые необходимо обратить внимание. На этой стадии человек может менее болезненно для собственного психологического благополучия избавиться от них. В дальнейшем сделать это будет сложнее.

На **второй стадии** описанные выше симптомы становятся более выраженными и постоянными. У человека усиливается раздражительность, неудовлетворенность, цинизм, проявляется нечувствительность к другому человеку, при этом они склонны не замечать или отрицать эти симптомы. Человека охватывает раздражение к домашним и коллегам. Сосредоточиться становится все труднее и труднее, при чем распространяется это не только на служебные, но и, например, домашние обязанности. Люди на этой стадии чувствуют себя обессиленными, очень не уверены в себе и чрезмерно чувствительны к критике.

На **третьей стадии** люди чувствуют себя совсем разбитыми, интерес к труду почти совсем отсутствует. На работе могут начаться серьезные неприятности, вплоть до увольнения или ухода по собственному желанию. У человека пропадает интерес ко всему, словно все внутри у него выгорает. Человек может «впасть» в депрессию, чувствует себя хроническим неудачником, появляются или обостряются хронические болезни. Человек полностью разбит [5].

Обнаружена тесная связь профессионального выгорания и мотивацией деятельности. Выгорание может приводить к снижению профессиональной мотивации: напряженная работа постепенно превращается в бессодержательное занятие, появляется негативизм по отношению к рабочим обязанностям, которые сводятся к необходимому минимуму. Как правило, у сотрудников, подверженных длительному профессиональному стрессу, наблюдается когнитивный диссонанс: чем напряженнее работает

человек, тем активнее он избегает мыслей и чувств, связанных с внутренним выгоранием.

В настоящее время все большее внимание специалистов привлекают новые технологии предупреждения и преодоления профессионального стресса. Одни из них направлены на адекватное информирование представителей «помогающих» профессий о ранних признаках выгорания и факторах риска. Другие технологии ориентированы на личностный и профессиональный рост, предполагают групповые тренинговые занятия. Человек может переносить значительный стресс без повышенного риска развития психического или соматического заболевания, если он получает адекватную социально-психологическую поддержку. Эта точка зрения выдающегося психолога К.Роджерса находит свое подтверждение и в практике психологической профилактики и коррекции синдрома эмоционального выгорания.

Литература

1. Анкиндинова И.А., Баканова А.А. эмоциональное выгорание в профессиональной деятельности педагога: проявления и профилактика//Педагогические вести. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2003. №25.
2. Барабанова М.В. Изучение психологического содержания синдрома выгорания// Вестник МГУ. Серия 14. 1995. №1.
3. Глушкова Н.И. Деструктивное воздействие стресса на психическое здоровье преподавателей// <http://geniemarina.narod.ru>
4. Форманюк Т.В. Синдром эмоционального сгорания как показатель профессиональной дезадаптации // Вопросы психологии. 1994. №6
5. Юрьева Л.Н. Профессиональное выгорание у медицинских работников: формирование, профилактика и коррекция. – К., 2004.
6. Григорьева А.И. Педагог как профессиональный воспитатель. – Тула, 2000.

М.Ю.Шейнис

Исследование влияния индивидуального стиля деятельности на профессиональную успешность сотрудника отдела таможенного оформления и контроля

Изучение проблемы стиля сопряжено с широким спектром исследований индивидуальности, личности и ее жизненного пути [2], [10], [12], [14], [16], [18], разработкой понятия субъекта деятельности [1], [3], [4]. В последние годы появляются работы по систематизации накопленного эм-

пирического материала и по самой проблематике стиля [5], [8], [9], [11], [17]. «Стиль» как специальное понятие введен Г.Адлером [19], который понимал под стилем совокупность индивидуальных черт, особенностей поведения, динамики жизненных целей человека, способствующих маскировке и компенсации его индивидуальных дефектов (физических, психических, социальных) и преодолению комплекса неполноценности. Такой стиль складывается стихийно как следствие взаимодействия индивидуальных особенностей человека и условий его жизни.

Позднее понятие «стиль» стали использовать и другие психологи для объяснения единства разнообразных психологических проявлений. Так, Г.Олпорт [20] стилем называл индивидуальные различия в экспрессии, в выразительной манере поведения, отражающие отношения личности к объектам и субъектам жизни. К стилю он относил «инструментальные», операциональные по своей природе черты личности (способы и средства поведения), с помощью которых человек реализует свои мотивы и цели. Но при этом он еще не разграничивал чисто экспрессивные, формально-динамические акты поведения, и собственно операциональные особенности реализации мотивов. Стиль как двуединство форм реагирования и личностно обусловленных обобщенных схем соотнесения образов раскрывает Р.Стагнер (1962). Он различает перцептивные стили – схемы перцептивных актов – и реактивные стили – обобщенные типы соматического выражения эмоциональных переживаний. Г.Уиткин, Дж.Клейн, Р.Гарднер и другие под когнитивными стилями (контролями) понимают устойчивые симптомокомплексы, личностно обусловленные индивидуальные и возрастные различия в познавательной деятельности.

В отечественной психологии первым исследованием, в котором было сформулировано понятие «стиль», считают работу Ю.А.Самарина [15]. В ней показана технически опосредствующая роль стиля в развитии способностей человека и подчеркивается индивидуальное своеобразие его стиля. Стиль учебной деятельности школьников понимается исследователем как производное трех компонентов: 1) направленности личности; 2) степени сознательного владения ею своими психическими процессами; 3) техническими приемами деятельности. Стиль рассматривается как проблема двух полюсов: есть «рациональные стили», «дающие умственным возможностям правильное направление», и «нерациональные стили». Аналогично понятие стиль в трудовой деятельности токарей использовал и Д.А.Ошанин [13]. Однако наиболее последовательно и систематично эта проблема в отечественной психологии разрабатывалась В.С.Мерлиным и Е.А.Климовым с сотрудниками как концепция индивидуального стиля деятельности.

Наше исследование базируется на отечественной концепции *индивидуального стиля деятельности (ИСД)*, которая реализует не только

особое понимание стиля как определенной психологической системы, но всегда подразумевает его связь с конкретными индивидуальными особенностями человека. Специфика концепции ИСД, разработанной В.С.Мерлиным и Е.А.Климовым [6], [7], [12] на основе достижений дифференциальной психофизиологии и дифференциальной психологии, состоит в том, что под стилем понимаются не отдельные элементы деятельности, а их определенное сочетание (система приемов и способов). Стиль обусловлен психологически (психофизиологически), но он не фатально детерминирован индивидуальностью субъекта, а формируется как «интегральный эффект взаимодействия субъекта и объекта» [7]. Стиль может изменяться при изменении условий деятельности. Формирование и развитие стиля связано с формированием и развитием определенных индивидуально-психологических особенностей субъекта. Термин «индивидуальный стиль деятельности» используется «для понимания взаимоотношений объективных требований деятельности и свойств личности. В зависимости от объективных требований деятельности одни и те же свойства личности выражаются в разных стилях» [12].

В основу нашего исследования положены следующие теоретические выводы:

1. Под индивидуальными стилями мы понимаем индивидуально-своеобразные психологические системы субъектов, включающие как собственно предметные действия (структура), так и бессознательные механизмы пассивной адаптации в форме предпочтения определенных условий деятельности, а также сознательные механизмы активной адаптации — саморефлексия, саморегуляция.

2. Стиль профессиональной деятельности должностного лица, занимающегося таможенным оформлением и таможенным контролем включает в себя следующие основополагающие компоненты: особенности принятия решений; поведенческие реакции; стиль общения.

3. Особенности принятия решения – когнитивный стиль и ценностно-мотивационное ядро личности. Это: процессуальная, инструментальная характеристика познавательной деятельности, определяющая способ получения того или иного когнитивного продукта; это «сквозная» операциональная характеристика для всех уровней когнитивной сферы (ощущений, восприятия, внимания, памяти, мышления); отражение качественного своеобразия деятельности субъектов (они могут быть более или менее успешными в зависимости от ситуации решения задачи). Одна из его характеристик – саморефлексия.

4. Поведенческие реакции – это то определение индивидуального стиля деятельности, которое было дано Е.А.Климовым: в узком смысле слова это есть «обусловленная типологическими особенностями устойчи-

вая система способов деятельности, которая складывается у человека, стремящегося к наилучшему осуществлению данной деятельности» [12].

5. Стиль общения – это совокупность устойчиво применяемых работником форм воздействия (передачи информации) на коллег и клиентов — в обычных условиях, в ситуациях неудач и успеха, а также формы выражения данных воздействий.

6. Стили профессиональной деятельности (СПД) отдельных субъектов представляют собой интегральные, иерархические биполярные образования с постоянной вариативной изменчивостью в границах двух полюсов («субъективно удобных и неудобных» условий и параметров деятельности), детерминированные не только индивидуальностью субъектов, но, прежде всего, организацией среды (компонентов профессиональной деятельности и интерперсонального пространства взаимодействующих субъектов), «снимающей» детерминации индивидуальных особенностей субъектов.

7. Основой стиля в каждый данный момент жизни человека является определенное коммуникативное состояние, его обращенность к другим людям. Коммуникативное состояние - это, с одной стороны, обобщенное состояние готовности к приему влияний со стороны других людей, которое предполагает соответствующую глобальную перестройку личности и деятельности субъекта. Другими словами, это целостная рецептивная установка (преднастройка) субъекта, содержанием которой является предвосхищение (ожидание) направленных на него действий и оценок. Это, с другой стороны, готовность к коммуникативному воздействию — предрасположенность к действиям и оценкам по отношению к другим людям, определяемая рецептивной установкой субъекта и в свою очередь ее определяющая. Говоря о «коммуникативном состоянии», следует иметь в виду, что оно не является принадлежностью какого-то одного отдельно взятого индивида; оно характеризует данного индивида постольку, поскольку тот находится в состоянии общения с конкретным другим индивидом, определенной группой индивидов или какой-либо иной социальной общностью. Коммуникативное состояние обнаруживается в отдельно взятом индивиде как его установка или преднастройка. Подлинной сферой его распространения лишь частично является сам индивид, в котором оно проявляется как сумма черт характера и индивидуально-типических характеристик; главные же его свойства обнаруживают себя в «околоиндивидуальном пространстве», физическом и социальном, через взаимодействия, возникающие между людьми.

Исходя из основных положений концепции СПД, мы рассмотрели зависимость стиля профессиональной деятельности от личностных особенностей субъекта и условий деятельности (таможенным оформлением и таможенным контролем), а так же от особенностей взаимодействия в

группе и от его места в неформальной структуре группы. Т.е. мы рассмотрим влияние на успешность того или иного стиля профессиональной деятельности и отношений субъекта по «горизонтали» и по «вертикали».

Нами были выдвинуты следующие гипотезы:

1. Стилиевые характеристики в различной степени влияют на успешность трудовой деятельности сотрудника поста ТО и ТК в зависимости от уровня развития рабочей группы и преобладающего стиля управления.

2. Стилиевые характеристики в различной степени влияют на успешность трудовой деятельности сотрудника поста ТО и ТК в зависимости от места, занимаемого этим сотрудником в неформальной структуре группы.

Для проверки этих гипотез решались следующие задачи:

1. Изучить стиль руководства и основные показатели уровня развития коллектива на различных постах ТО и ТК.

2. Изучить неформальную структуру группы, выделить группы «принятых», «изолированных» и «отвергаемых».

3. Изучить степень успешности сотрудников ОТО и ТК и разделить выборку на успешных и неуспешных.

4. Изучить стилиевые особенности сотрудников.

5. Изучить влияние на успешность трудовой деятельности стилиевых особенностей сотрудника, его положения в неформальной структуре группы и особенностей группы.

Для решения этих задач была сформирована выборка, в которую вошли посты таможенного оформления и таможенного контроля Самарской, Саратовской и Оренбургской таможен. Посты были подобраны с условием того, что его начальник руководит данным подразделением не менее 3 лет. Вместо наименований, посты пронумерованы. В таблице 1 представлена численность каждого из обследованных постов.

Таблица 1.

Наименование таможни	всего	ОТО и ТК №1	ОТО и ТК №2	ОТО и ТК №3	ОТО и ТК №4	ОТО и ТК №5	ОТО и ТК №6
Самарская	65	15	11	8	11	20	-
Саратовская	59	12	20	12	15	-	-
Оренбургская	100	12	16	14	16	20	22
	224						

Обследование проводилось в таможнях, по постам, на рабочих местах в апреле – мае 2004 года во время еженедельных занятий по профессиональной учебе.

В первый день изучались социально-психологические характеристики группы (метод Социометрии и тест «Пульсар», применялась методика изучения стиля руководства группой).

Во второй день – проводилось изучение характеристик темперамента, проявляемых в трудовой деятельности, с помощью «Опросника структуры темперамента» В.М. Русалова. Так же в этот день изучалась направленность личности «Ориентировочной анкетой» В.Смейкла и М.Кучера.

На третий день изучалась успешность профессиональной деятельности при помощи методики ГОЛ, и с помощью Семантического дифференциала изучались наиболее удобные для каждого сотрудника характеристики начальника, коллеги и клиента.

В результате анализа полученных результатов, были сделаны следующие выводы:

1. Отделы с авторитарным стилем управления отличаются более высокой организованностью и направленностью на решение трудовых задач. Демократический стиль руководства в данном случае в большей степени способствует проявлению активности сотрудников в принятии решений. Кроме того, в выборке преобладают отделы с авторитарным стилем руководства

2. Успешность трудовой деятельности сотрудника, непосредственно занятого в таможенном оформлении и таможенном контроле, зависит от его направленности. У успешных сотрудников преобладает направленность на дело. У неуспешных – на людей и на себя.

3. Место сотрудника в неформальной структуре трудовой группы зависит от того, насколько он принимает преобладающие в группе стили взаимодействия с начальником и с коллегами.

4. Выразителем принятого в группе стиля взаимодействия является начальник отдела (во всех исследуемых нами группах формальное и неформальное лидерство принадлежало начальнику отдела).

5. При наличии инвариантности стилей руководства и взаимодействия с коллегами, основной предпочитаемый стиль взаимодействия с клиентами – авторитарный.

6. Среди успешных сотрудников значимо больше лиц, имеющих высокие показатели эргичности, пластичности, темпа и эмоциональной чувствительности (по всем четырем или по трем признакам). При этом для успешности деятельности значимо наличие высоких показателей по эргичности и темпу (или хотя бы по одному из них).

Литература

1. *Абульханова-Славская К.А.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 300 с.
2. *Анциферова Л.И.* К психологии личности как развивающейся системы // Психология формирования и развития личности. М., 1981. С.3-18.

3. *Брушлинский А.В.* Проблема субъекта в психологической науке // Психол. журн. 1992. Т. 13. №6. С.3-12.
4. *Брушлинский А.В.* Проблема субъекта в психологической науке // Психол. журн. 1991. Т.12. №6. С.3-11.
5. *Ильин Е.П.* Стиль деятельности: Новые подходы и аспекты // Вопр. психологии. 1988. №6. С.85-93.
6. *Климов Е.А.* Индивидуальные особенности трудовой деятельности ткачих-многостаночниц в связи с подвижностью нервных процессов // Вопр. психологии. 1959. №2. С.66-76.
7. *Климов Е.А.* Индивидуальный стиль деятельности в зависимости от типологических свойств нервной системы. Казань: Изд-во Казан, ун-та, 1969. 278 с.
8. *Колга В.А.* Возможные миры когнитивных стилей // Когнитивные стили / Под ред. В.В.Колга. Таллинн, 1986. С.32-37.
9. *Кочетков В.В., Скотникова И.Г.* Индивидуально-психологические проблемы принятия решения. М.: Наука, 1993. 143 с.
10. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 444 с.
11. *Маствилискер Э.И.* Индивидуально-типологические различия в решении практических задач детьми старшего школьного возраста (к вопросу об онтогенезе индивидуального стиля): Автореф. дисс. канд. пед. наук. Л., 1968. 20 с.
12. *Мерлин В.С.* Очерки интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986. 256 с.
13. *Ошанин Д.А.* К вопросу вариативности вспомогательного времени при работе на металлорежущих станках // Доклады АПН РСФСР. Т.4. М.: Педагогика, 1957. С. 105-108.
14. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. 2-е изд. / Отв. ред. Е.В.Шорохова. М.: Педагогика, 1976. 416 с.
15. *Самарин Ю.А.* Стиль умственной работы старшеклассников // Изв. АПН. Вып. 17. М. – Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1948. С.103-151.
16. *Теплов Б.М.* Проблемы индивидуальных различий. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961. – 555 с.
17. *Толочек В.А.* Стили деятельности: Модель стилей с изменчивыми условиями деятельности. М.: Измайлово, 1992. 77 с.
18. *Шорохова Е.В.* Тенденции исследования личности в современной психологии // Психол. журн., 1980. Т.1. №1. С.45-47.
19. *Adler A.* Understanding Human Nature. New York: Garden City Publ. Co., 1927. 287 p.
20. *Allport G.W.* Personality: a psychological interpretation. New York: Holt, 1937. 588 p.

М.Ю.Шейнис

Философия психологической службы как основа организации работы психолога

Философия психологической службы – это совокупность профессиональных принципов и правил взаимоотношений психолога с заказчиками, клиентами и другими пользователями психологической информацией. Можно сказать проще – это «моральный кодекс отношений, связанных с исполнением психологом предприятия (организации) своих должностных обязанностей». Мы рассмотрим основные принципы философии психологической службы и варианты закрепления этих принципов в таких нормативных документах, как «Положение о психологической службе предприятия (организации)» и в «Договоре об оказании диагностических услуг» (заменяет положение о психологической службе в том случае, когда психолог является по отношению к организации внешним консультантом).

Нужна ли отдельная философия психологической службы?

Аргументы «ЗА»:

- отношения в этой достаточно специфичной сфере служебных отношений должны строго регламентироваться общими для всех принципами;
- новые сотрудники психологической службы должны быстро изучить систему моральных ценностей, согласованных с требованиями администрации;
- разнообразие вероисповеданий и морально-этических концепций требует создание универсальных правил;
- следует четко определить взгляды на единоначалие, конфиденциальность психологической информации и роль психолога в управлении предприятием;
- собственник, хозяин предприятия иногда хочет проводить на предприятии политику, отличную от общепринятой в государстве;
- руководители предприятия меняются, психологическая служба должна работать по устойчивым правилам.

Аргументы «ПРОТИВ»:

- нормальные рабочие группы и отдельные специалисты сами разрабатывают свои нормы, которые не стоит административно регулировать;
- система взаимоотношений в коллективе не должна фиксироваться «в мутной воде легче ловится рыбка»;
- это нормативный документ, не являющийся обязательным, но его разработка отнимает много сил и времени.

Примерная философия психологической службы предприятия (организации).

Исходя из собственного опыта, и опыта работы коллег из Вооруженных Сил, МВД и Государственного таможенного комитета (8), мы пришли к выводу о необходимости разработки философии психологической службы, состоящей из трех основных частей:

- цели и задачи психологической службы;
- правила пользования психологической информацией;
  - морально-этические принципы работы психолога.

Цели и задачи психологической службы.

Первый раздел «Цели и задачи психологической службы» призван дать четкий ответ на вопросы:

- Зачем нужна практическая психология в организации, и каких целей хочет достигнуть психолог?
- Каков главный объект применения его профессиональных усилий?
- Что конкретно должен делать психолог, каковы границы его профессиональной компетенции?
- Как организовать свою деятельность так, чтобы доказать свою нужность и значимость?

Речь идет о создании особой, пользуясь определением Л.С. Выготского, психотехнической теории, теории практики (3; 4).

В психологической литературе выделяются три основные идеи, лежащие в основе различных моделей работы практического психолога в организации.

Идея первая. Суть психологической деятельности - в научно-методическом обеспечении кадровой и воспитательной работы, то есть психолог выступает чуть ли не идеологом всей работы с кадрами, ее творцом, реализатором и, видимо, впоследствии, «козлом отпущения».

Идея вторая. Смысл деятельности психолога - в оказании помощи сотрудникам, испытывающим различные психологические или социально-психологические трудности. Психологам, работающим в русле моделей, построенных на этой идее, часто присущ специфический взгляд на сотрудников: они интересны ему прежде всего с точки зрения наличия нарушений, которые надо исправлять.

Третья идея. Суть психологической деятельности - в сопровождении работника в процессе всей его работы. Понятие сопровождения не новое, но сегодня оно приобрело особую популярность (1; 2). Многие авторы пользуются близкими по смыслу терминами, например, «содействие» (5; 6; 7; 9). Такой подход к работе практического психолога позволяет сделать ее самостоятельной, но не чужеродной частью системы организации.

Психологическое сопровождение – это профессиональная деятельность психолога. Она осуществляется в рамках системы управления персоналом предприятия (организации) и направлена на создание социально-

психологических условий для успешной профессиональной деятельности и личностного роста сотрудника в ситуациях служебного взаимодействия.

Объектом психологической практики, в данном случае, выступает профессиональная деятельность и личностный рост сотрудника, предметом – социально-психологические условия успешной профессиональной деятельности и личностного роста.

При этом психологическое сопровождение преимущественно осуществляется через руководителя традиционными формами управленческого и воспитательного взаимодействия. Такой подход, утверждающий преимущество скрытых форм воздействия по сравнению с непосредственным вмешательством психолога в жизнь сотрудника, его служебные и личностные отношения, задает роль руководителя среднего звена в нашей модели психологической практики. Он должен стать соратником психолога в разработке стратегии сопровождения каждого своего подчиненного и основным ее реализатором. Психолог же помогает руководителю «настроить» процесс управления персоналом на конкретных сотрудников.

Термин «персонал» объединяет составные части трудового коллектива предприятия. К персоналу мы относим всех работников, выполняющих производственные или управленческие операции и занятых переработкой предметов труда с использованием средств труда. Понятия «кадры», «работники», «сотрудники» и «персонал» – идентичны.

Система работы с персоналом – это совокупность принципов и методов управления кадрами рабочих и служащих на предприятии.

Система работы с персоналом состоит из пяти взаимосвязанных подсистем. Каждая из этих подсистем безусловно включает в себя психологическую составляющую:

Кадровая политика определяет генеральную линию и принципиальные установки в работе с персоналом на длительную перспективу. Сюда входит философия психологической службы в организации (на предприятии).

Подбор персонала заключается в формировании резерва кадров на замещение вакантных рабочих мест, определяется требованиями к кадрам, сформулированными в подсистеме кадровой политики и моделями рабочих мест, включающими психологические требования к претендентам на вакантные должности.

Оценка персонала – определение степени соответствия работника вакантной или занимаемой должности. При наличии вакантной должности определяется потенциал работника, который позволяет судить о его способности занять эту должность. Анализ соответствия (занимаемой определенной период должности) проводится путем оценки как потенциала работника, так и степени его индивидуального вклада с учетом ре-

зультатов труда. При этом важно точно обозначить роль и место психолога в работе аттестационной комиссии.

Расстановка персонала должна обеспечивать постоянное движение кадров исходя из результатов оценки их потенциала, индивидуального вклада, планируемой карьеры, возраста, сроков занятия рабочих мест и наличия вакантных должностей в штатном расписании предприятия.

Обучение персонала предназначено для обеспечения соответствия профессиональных знаний и умений работников современному уровню производства и управления. К сожалению, до сих пор открытыми остаются вопросы о роли психолога при обучении сотрудников без отрыва от производства и собственно о психологической составляющей этого обучения для различных категорий работников.

В рамках каждой из подсистем управления персоналом, можно выделить следующие направления деятельности психолога:

I. Прикладная психодиагностика.

Диагностика является первым и необходимым компонентом модели, однако она не должна становиться самоцелью. Диагностика включает в себя разделы:

1. Психодиагностика при приеме на работу. Ее цель – определить степень способности кандидата соответствовать требованиям трудовой деятельности (в зависимости от участка работы). На этом этапе работы с персоналом психолог заботится о том, чтобы отобрать кандидатов, наиболее соответствующих требованиям моделей рабочих мест организации. Превалирующими требованиями этого отбора являются требования организации трудового процесса. Учет личностной ситуации претендента на вакантную должность необходим, но превращение фирмы в приют для неудачников – это та крайность, которую следует избегать.

2. Периодическая психодиагностика сотрудников, работающих в организации. Эта диагностика, в отличие от диагностики при приеме на работу, в первую очередь нацелена на помощь работникам в личностном росте и в сохранении психического здоровья. Она проводится в два этапа:

- Первичная психодиагностика сотрудников. Ее цель – выявить группу лиц, нуждающихся в психологической помощи. Диагностика проводится со всем персоналом. Следствием этого является то, что наряду с требованиями валидности и надежности основным требованием к применяемым методикам является экономичность. Экономичная методика – это короткая, многофункциональная, легкая в обработке и по возможности однозначная в интерпретации.

- Углубленное психологическое обследование. Оно проводится с теми, кто нуждается в психологической помощи для подтверждения и уточнения гипотезы о причинах существующих проблем. Гипотеза выдвигается на основании данных первичной психодиагностики.

II. Психокоррекционная и развивающая работа.

Те сотрудники, у которых не выявлено социально-психологических и личностных проблем, обучаются в форме лекционных занятий и закрепляют необходимые навыки на тренингах.

С теми работниками, у кого выявлены определенные проблемы, проводится коррекционная работа.

III. Психологическое консультирование сотрудников и руководителей структурных подразделений.

Основой для планирования и проведения психологического консультирования персонала являются индивидуальные психологические карточки на каждого сотрудника (в них сжата социально-демографическая информация и цифровые (кодовые) результаты всех психодиагностических методик, которыми данный сотрудник был обследован с момента приема на работу) и анализ социально-психологического климата в каждом отделе.

Заполнение индивидуальных карточек и анализ социально-психологического климата проводятся на основе данных психодиагностики при приеме на работу, периодической диагностики индивидуальных особенностей сотрудника и показателей социально-психологического климата во всех структурных подразделениях организации.

Виды работы в данном направлении деятельности:

- Консультирование сотрудника. Оно может проводиться как по его запросу, так и в форме плановой беседы по результатам первичной психодиагностики.

- Консультирование руководителей среднего звена. В этот раздел работы входит консультирование руководителя по проблемам эффективного управления вообще и по поводу проблем взаимодействия конкретных сотрудников в отделе. Наиболее перспективным направлением, наряду с индивидуальным консультированием руководителей, является, на наш взгляд, участие психолога в работе аттестационной комиссии. Аттестационная комиссия в этом случае представляет собой организационную форму, в рамках которой происходит объединение информации о сотруднике и разработка единой стратегии сопровождения каждого сотрудника, отдела и группы отделов по направлениям.

- Посредническая работа в межличностных и межгрупповых конфликтах. Хорошо организованная работа по диагностике и анализу социально-психологического климата в каждом структурном подразделении и во всей организации в целом позволяет вовремя принимать профилактические меры для предотвращения конфликтных ситуаций. В том случае, если конфликт не удалось предотвратить, наличие всей полноты информации сделает его управляемым, даст возможность получить позитивный результат.

IV. Социально-диспетчерская деятельность.

Заключается в переадресовке сотрудника к другим специалистам в том случае, когда он не в состоянии оказать необходимую помощь. Задачи психолога в этом случае:

- поиск специалиста,
- отслеживание взаимодействия сотрудника со специалистом,
- осуществление психологической поддержки сотрудника в процессе работы со специалистом.

Детальная проработка всех составных частей этой модели и наполнение конкретным содержанием перечисленных направлений деятельности психолога организации (предприятия) – предмет дальнейших исследований.

Литература

1. Бардиер Г., Ромазан И., Чередникова Т. Психологическое сопровождение естественного развития маленьких детей. Кишинев - Санкт-Петербург, 1993.
2. Битянова М.Р. Организация психологической работы в школе. М.: Совершенство, 1998.
3. Выготский Л.С. Избранное. М: Изд. дом Ш.Амонашвили, 1996.
4. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса. Собр. соч. в 6-ти томах, т.1. М., 1982.
5. Егоршин А.П. Управление персоналом. Н.Новгород:НИМБ, 1999.
6. Рогов Е.И. Настольная книга практического психолога в образовании. М., 1995.
7. Психологическая служба в школе. т.1 /Под ред. Э.Ю. Верник, Х.Й. Лийметса, Ю.Л. Сызэрда. Таллин, 1983.
8. Психологическая служба. Информационный бюллетень 2/99 год. Издание управления кадровой службы ГТК РФ.
9. Рабочая книга школьного психолога. /Под ред. И.В. Дубровиной. М., 1991.

Центр Практической Психологии Самарского государственного университета

При Самарском госуниверситете в 1996 году открыт Центр Практической Психологии. Основными направлениями деятельности Центра являются следующие.

1. Организационно – экономическая психология. Управление персоналом. *Коучинг*. Тренинги переговоров, эффективного управления, продаж. *Организация социологических опросов*, фокус-групп. *Мотивационные системы*. Командообразование. Стресс-менеджмент. *Тайм-менеджмент*. Развитие индивидуальной и групповой креативности. Рекламные технологии. *Экспертиза*, разработка и сопровождение масштабных социально-ориентированных проектов.

2. Психологическая помощь. Индивидуальное и семейное консультирование. *Профилактика негативных зависимостей*. Стрессопрофилактика и реабилитация посттравматических синдромов. *Тренинги личностного роста и развития*. Коммуникативная компетентность и психологическая проницательность. Психология спорта. *Оздоровительные технологии*.

3. Трансперсональная психология. Измененные состояния сознания (ИСС). Трансперсональные переживания личности. *Духовный кризис и духовный рост человека*. Психологические аспекты древней и современной магии. *Интерактивный психосинтез*. Пути личностной трансформации. Открытие новых способностей человека. *Нейролингвистика и рефреминг*. Способы защиты от несанкционированной психологической обработки человека. Защиты личности от воздействий на ее подсознание. Психосинтез как эффективная коммуникация между людьми в семье, в жизни, на работе.

4. Психодиагностика. Индивидуальная и групповая. *Диагностика интеллектуального развития и развития личности*. Оценка психического состояния. Дифференциальная диагностика эмоционального и когнитивного развития человека. Исследование особенностей личности с применением проективных методик и стандартизированных тестов и опросников.

5. Развитие персонала. *Кадровый аудит*. Оценка деятельности кадровой службы: аудит правил ведения кадрового делопроизводства, разработка систем мотивации сотрудников, разработка программ адаптации сотрудников, разработка технологии поиска, найма и увольнения персонала. *Оценка (assessment) профессиональной и личностной компетенции персонала*. Независимая оценка специалистов и менеджеров компании: оценка труда; оценка компетенций сотрудников; оценка профессионально-важных и личных качеств сотрудников, оценка и формирование уровня лояльности персонала, создание кадрового резерва, планирование кадровых перестановок, формирование внутреннего позитивного имиджа компании.

6. Научно-исследовательская деятельность. Проведение экспериментальных и социально-психологических исследований в следующих областях: психология познания, в том числе социального познания, психология малых групп и коллективов, психология профессионального развития. Разработка научно-исследова-

тельских проектов. Методическое и методологическое обеспечение исследовательских инициатив.

Индивидуальные и групповые тренинги

- индивидуальная подготовка к отборочному интервью;
- индивидуальный тренинг коммуникативных навыков;
- «тренинг продаж»;
- методический тренинг продаж (подготовка тренеров);
- «тайм-менеджмент»;
- «интерактивный психосинтез»;
- «формирование корпоративной культуры»;
- «командное взаимодействие»;
- «управление малыми группами»;
- «развитие управленческих навыков»;
- «раскрытие потенциальных профессиональных ресурсов»;
- «формирование профессиональных перспектив» (построение карьеры);
- «разрешение профессиональных конфликтов»;
- «сохранение профессионального здоровья»;
- профилактика профессиональных заболеваний.

Возможно несколько вариантов проведения:

- **локальный**, направленный на решение конкретных ситуативных задач;
- **комплексная программа по персоналу**, направленная на перспективы организации.

Направления деятельности специалистов Центра практической психологии Самарского государственного университета

Содержание деятельности	Ведущие специалисты
<p>Организационно-экономическая психология Менеджмент, маркетинг, реклама. Проведение социологических опросов. Психологическое сопровождение политических и маркетинговых компаний. Психологический аудит, консультация. Обучение персонала. Коучинг. Экспертиза, разработка и внедрение организационных систем и проектов повышения эффективности деятельности предприятий, мотивации сотрудников, повышение качества продукции. Социально-психологическое обеспечение творческих процессов разработки новых товаров и услуг на предприятии. Тренинги умений и навыков для персонала (тренинг продаж, коммуникативной компетентности, визуальной диагностики, переговоры по телефону, тайм-менеджмент).</p>	Березин С.В., Березовский А.Э., Козлов Д.Д., Лисецкий К.С., Макаров А.В., Пыжикова Ж.В.
<p>Психологическая помощь Психологическое консультирование. Психологическая коррекция. Индивидуальная и групповая психотерапия и психокоррекция.</p>	Все сотрудники психологического факультета
<p>Трансперсональная психология Измененные состояния сознания (ИСС). Интерактивный психосинтез. Защита личности от несанкционированных воздействий на ее подсознание. Нейролингвистическое программирование. Рефреминг. Духовный кризис и духовная эволюция личности. Трансперсональная терапия. Развитие скрытых способностей человека.</p>	Лисецкий К.С., Литягина Е.В.

Направления психологической помощи

ПСИХОДРАМА И РОЛЕВЫЕ ИГРЫ	КОСАРЕВА И.О.
Кинотерапия	Березин С.В.
Семейное консультирование Родительско-детские отношения; проблемы детского развития; супружеские проблемы; проблемы, связанные со школьным обучением.	Березин С.В., Богдан Н.А., Галкина О.А., Бутаков Д.Б., Евдокимова Ю.Б., Исаев Д.С., Косарева И.О., Куделькина Н.С., Ушмудина О.А., Шапатина О.В.
Психологическое сопровождение беременных	Куделькина Н.С., Зинченко О.П., Галкина О.А.
Проблемы домашнего насилия Физическое, сексуальное, психологическое насилие, экономическое насилие	Богдан Н.А., Куделькина Н.С., Березин С.В., Косарева И.О.
Работа с логоневрозами	Зоткина Е.А., Лисецкий К.С., Литягина Е.В., Ушмудина О.А.
Психологическое консультирование и сопровождение ВИЧ-положительных людей, их родственников и близких	Богдан Н.А.
Профилактика негативных зависимостей Табакокурение, алкоголизм, наркомания, азартные игры, деструктивные культы, постравматический синдром. Стрессопрофилактика	Березин С.В., Куделькина Н.С., Лисецкий К.С., Литягина Е.В., Макаров А.В., Назаров Е.А., Самыкина Н.Ю.,

	Серебрякова М.Е., Соболева А.В., Ушмудина О.А., Зинченко О.П.
Организационная психология в детских и юношеских коллективах	Евдокимова Ю.Б., Самыкина Н.Ю., Ушмудина О.А.
Организация образовательной среды Оценка и разработка функциональных направлений деятельности методиста-организатора развивающего обучения Адаптация компетентностного подхода в условиях образовательного процесса	Пыжикова Ж.В., Литягина Е.В., Самыкина Н.Ю., Ушмудина О.А.
Юридическая психология Переговорные процессы	Березин С.В., Лисецкий К.С.
Психодиагностика	Зоткин Н.В., Волчек Е.Е., Литягина Е.В., Павлова Е. А., Шпунтова В.В.
Разрешение подростковых и юношеских проблем и конфликтов Индивидуальная и групповая работа с подростками	Самыкина Н.Ю., Литягина Е.В., Ушмудина О.А., Бутаков Д.Б., Волчек Е.Е., Евдокимова Ю.Б.
Голосовой тренинг Психология речевого общения Арт-терапия в психологической практике Психологическая работа с детьми, имеющими нарушения в развитии.	Зоткина Е.А.
Организация научных исследований и экспериментальная деятельность	Агафонов А.Ю., Березин С.В., Зоткин Н.В., Пыжикова Ж.В.
Психологическое сопровождение людей пожилого возраста	Березин С.В.

<p>Психологическая экспертиза по уголовным и гражданским делам</p>	
<p>Психологическое консультирование суицидентов и их близких Работа с суицидально опасными состояниями (горе, потеря, неизлечимое соматическое заболевание и др.)</p>	<p>Богдан Н.А., Куделькина Н.С., Исаев Д.С., Березовский А.Э.</p>
<p>Психоанализ Психоаналитическая терапия. Психологическое сопровождение семей военнослужащих-участников боевых действий</p>	<p>Косарева И.О.</p>
<p>Использование математических методов в социально-психологических, маркетинговых исследованиях, в создании психолого-диагностических методик</p>	<p>Литягина Е.В., Павлова Е.А., Козлов Д.Д., Соболева А.В., Березин С.В., Пыжикова Ж.В., Агафонов А.Ю.</p>
<p>Телесно-ориентированный подход в коррекции телесных зажимов, спонтанном самовыражении Танцедвигательная терапия</p>	<p>Косарева И.О., Исаев Д.С., Березовский А.Э.</p>

Специалисты Самарского государственного университета

ФИО специалиста	E-mail
Агафонов Андрей Юрьевич	agafonov@ssu.samara.ru
Березин Сергей Викторович	chapol@yandex.ru
Березовский Андрей Эдуардович	berezovski@list.ru
Богдан Наталья Анатольевна	isaev@samaramail.ru
Бутаков Данила Борисович	butda@yandex.ru
Волчек Евгений Евгеньевич	evolchek@yandex.ru
Галкина Ольга Александровна	ogalkina@front.ru
Евдокимова Юлия Борисовна	evd_jul@ssu.samara.ru
Зоткин Николай Васильевич	LinAlex@yanlex.ru
Зоткина Елена Александровна	LinAlex@yanlex.ru
Исаев Дмитрий Станиславович	isaev@samaramail.ru
Козлов Дмитрий Дмитриевич	ddkozlov@yandex.ru
Косарева Ирина Олеговна	ikossareva_psych@mail.ru
Куделькина Наталья Сергеевна	bondar_natalya@mail.ru
Лисецкий Константин Сергеевич	lisecky@ssu.samara.ru
Литягина Елена Викторовна	lityagina@front.ru
Макаров Антон Валерьевич	fluff@sama.ru
Павлова Елена Александровна	plen@ssu.samara.ru
Пыжикова Жанна Владимировна	zhanna_v_@mail.ru
Самыкина Наталья Юрьевна	samykina@hotmail.ru
Серебрякова Мария Евгеньевна	mserebry@yandex.ru
Соболева Алла Валерьевна	sav443@mail.ru
Ушмудина Оксана Александровна	oksu@hotmail.ru
Шапатина Ольга Валерьевна	chapol@yandex.ru
Шпунтова Виктория Владимировна	vetch31@list.ru

О возможности контакта с любым специалистом Самарского госуниверситета и Центра практической психологии, а также тренингах и семинарах Вы можете узнать по телефонам:

(846) 278-09-80

(846) 334-54-00

(846) 224-95-01

Предпочтительна связь по электронной почте!!!!

Адрес сайта «Психея» www.psycheya.ru,
e-mail info@psycheya.samara.ru

Наш сайт содержит разделы:

- «Проект Психея»
- «Информация»
- «Библиотека»
- «Конференция»
- «Тестирование»
- «Psycho-territory»
- «Консультации»
- «Отзывы»

Обратиться можно к любому сотруднику.

В случае несоответствия его специализации Ваш запрос будет переадресован наиболее компетентному специалисту.

По телефону Вы можете узнать о времени и месте приема конкретного специалиста.

Предпочтение отдается связи по E-mail

Научное издание

Психологические исследования. Выпуск 3.

Под редакцией А.Ю. Агафонова, В.В. Шпунтовой

Компьютерная верстка, макет